

71.129
47.2
Herrn Eugen
"АНТИ-ДЮРИНГ"

Ф. ЭНГЕЛЬСА

И СОВРЕМЕННОСТЬ

Von

Friedrich Engels

”АНТИ-ДЮРИНГ” Ф. ЭНГЕЛЬСА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Москва «Мысль» 1978

Редакционная коллегия:

академик *Л. Ф. Ильичев* (руководитель), член-корреспондент Академии наук СССР *Т. И. Ойзерман* (зам. руководителя), член-корреспондент Академии наук СССР *М. Т. Иовчук*, доктора философских наук *Б. В. Богданов*,
И. С. Нарский.

Настоящая коллективная работа подготовлена научными сотрудниками Института философии Академии наук СССР совместно с учеными Академии общественных наук при ЦК КПСС и Центрального института философии Академии наук ГДР. Издание книги приурочено к столетию выхода в свет великого произведения Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг».

К славному юбилею эпохального труда Ф. Энгельса, который является исторически первой энциклопедией марксистских идей, советские философы-марксисты подготовили к публикации несколько коллективных трудов. Данная коллективная работа не охватывает всего круга вопросов, составляющих содержание «Анти-Дюринга». Нет в ней, в частности, специальных глав по вопросам этики, права, военного дела и т. д. Проблематика научного коммунизма и марксистской политической экономии получила в настоящей работе также далеко не полное освещение. Эти и другие вопросы являются предметом специального исследования в ряде работ, подготовленных к юбилею «Анти-Дюринга».

Книга состоит из трех частей. В первой из них предметом рассмотрения является борьба Ф. Энгельса против дюрингианства и других мелкобуржуазных идеологических течений. Здесь же подвергнуты критике новейшие буржуазные и ревизионистские попытки извратить действительное содержание «Анти-Дюринга» и диалектического материализма в целом.

Во второй части рассматриваются проблемы материалистической диалектики как теории развития и теории познания, а также

основные проблемы исторического материализма как философской основы научного коммунизма. Здесь же исследуется вопрос о предмете политической экономии в свете опыта социалистического строительства.

Третья часть посвящена историко-философской проблематике «Анти-Дюринга», а также истории восприятия идей этого классического произведения в России конца XIX в. Особое место уделено характеристике великого вклада В. И. Ленина в дальнейшее развитие основных идей «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса.

В приложенной к книге библиографической справке (составлена А. В. Калининой) указана основная литература об «Анти-Дюринге», опубликованная после Великой Октябрьской социалистической революции.

Авторами книги являются: академик Л. Ф. Ильичев (Введение, Заключение), академик Манфред Бур и доктор философских наук Пауль Рубен (ГДР) (глава 1), чл.-корр. АН СССР Т. И. Ойзерман (глава 2), академик Б. М. Кедров (глава 3), кандидат философских наук А. А. Сорокин (глава 4), доктор философских наук И. С. Нарский (глава 5), кандидат философских наук В. А. Лекторский (глава 6), доктор философских наук В. С. Семенов (глава 7), доктор экономических наук П. А. Игнатовский (глава 8), доктор философских наук А. С. Богомоллов (глава 9), доктор философских наук А. И. Володин (глава 10), доктор философских наук Б. В. Богданов и кандидат философских наук К. Х. Делокаров (глава 11).

Научно-вспомогательная работа по подготовке книги к печати проведена А. В. Калининой, Н. М. Макеевой, Е. А. Рыжаковой.

Редакционная коллегия книги выражает признательность товарищам Г. А. Багатурия, Ю. М. Бородаю, В. Ф. Пустарнакову, Е. А. Самарской, С. М. Брайовичу за пожелания и замечания, которые помогли непосредственной подготовке книги к печати.

Столетие со дня выхода в свет труда Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» — знаменательная дата в истории марксизма и революционного движения трудящихся. После «Капитала» К. Маркса «Анти-Дюринг» является важнейшим из трудов основоположников марксизма. Книгу Ф. Энгельса можно рассматривать как своеобразный итог развития марксизма за три десятилетия. В ней Ф. Энгельс не только блестяще раскрыл и защитил основные положения марксизма, но и самостоятельно разработал много новых принципиальных вопросов революционного учения.

В. И. Ленин называл книгу Ф. Энгельса удивительно поучительной и содержательной, отмечая, что в ней разработаны сложнейшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук. Подобно «Манифесту Коммунистической партии», указывал В. И. Ленин, этот труд является «настойной книгой всякого сознательного рабочего» (2, 23, 43) *.

Один только перечень вопросов, исследуемых в «Анти-Дюринге», дает впечатляющее представление об огромном идейном богатстве, которое содержится в этом классическом произведении марксизма. Полемическая форма произведения отнюдь не помешала Ф. Энгельсу систематически и с удивительной яркостью изложить основные положения марксизма. Сам Ф. Энгельс отмечал, что критика Евгения Дюринга позволила ему представить свои и К. Маркса взгляды, дать «энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем...» (1, 36, 119). Полемика с Дюрингом делала необходимым рассмотрение самых разнообразных вопросов — от понимания времени и пространства до биметаллизма; от вечности материи и движения

* Здесь и далее в скобках вначале дается порядковый номер источника в списке литературы, помещенном в конце книги, затем курсивом — номер тома, если издание многотомное, и далее — страницы источника; источники отделяются точкой, страницы — точкой с запятой (*Ред.*).

до изменчивой природы моральных идей; от учения Дарвина о естественном отборе до проблем воспитания молодежи в социалистическом обществе; от буржуазной теории насилия до учения о прибавочной стоимости.

И по каждому из названных и другим вопросам Ф. Энгельс высказывает глубокие мысли, сохраняющие свою ценность и непреходящее значение в наши дни.

В «Анти-Дюринге» впервые были представлены в цельном виде три составные части марксизма (философия, политическая экономия, научный социализм), взятые в их нерасторжимом единстве. Выход в свет этого эпохального труда знаменовал собой качественно новую ступень в поступательном развитии научного мировоззрения марксизма. Если в работах К. Маркса и Ф. Энгельса предыдущего периода философские вопросы ставились и решались главным образом в связи с анализом социально-экономического и политического развития общества, то в «Анти-Дюринге» учение марксизма обогащается также и научно-философским обобщением данных естествознания. Благодаря этому в полной мере стала очевидной объективная необходимость диалектико-материалистической методологии не только для наук об обществе, но и для наук о природе. «...Дело шло о том,— писал Ф. Энгельс в 1885 г. в предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга»,— чтобы и на частностях убедиться в той истине... что в природе сквозь хаос бесчисленных изменений прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий...» (1, 20, 11).

Книга Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», как и все классические произведения марксизма, родилась в острой идейно-политической борьбе. Ее остро полемический характер является выражением не только способа изложения, вызванного обстоятельствами, но и самого революционного существа марксизма как научной социалистической идеологии, законом возникновения и развития которой является борьба против идеологии буржуазии.

Как живые вожди живого пролетарского движения, К. Маркс и Ф. Энгельс всегда связывали разработку теоретических вопросов с насущными практическими потребностями и задачами классовой пролетарской борьбы. Что бы ни писали основоположники марксизма, перед ними всегда стояла центральная задача: поднять

классовое самосознание пролетариата, вооружить его научным мировоззрением, непримиримым ни с каким суеверием, ни с какой защитой наемного рабства. Каждый раз, когда возникала угроза увода освободительного движения рабочего класса с правильного пути, подчинения его влиянию буржуазной или мелкобуржуазной идеологии, К. Маркс и Ф. Энгельс, не задумываясь, прерывали все другие свои научные занятия и со всей страстностью пролетарских революционеров обрушивались на разносчиков враждебных пролетариату учений, привносимых в рабочее движение, как правило, в облачении социалистической фразеологии.

Так было уже в 40-е годы XIX в., когда К. Маркс и Ф. Энгельс выступили в «Немецкой идеологии» и других своих работах против немецкого мелкобуржуазного «истинного социализма». Так произошло и в 70-е годы, когда Ф. Энгельсу пришлось временно прервать свою работу по философскому анализу проблем естествознания, чтобы заняться делом, непосредственно связанным с актуальными проблемами революционной борьбы пролетариата того времени.

«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса был направлен против мелкобуржуазных воззрений Дюринга, выступившего в качестве новоявленного реформатора социализма и противника марксизма. Впервые Дюринг привлек внимание К. Маркса и Ф. Энгельса в 1868 г., когда он выступил со статьей о Марксовом «Капитале». Но, поскольку в этот период нападки Дюринга на марксизм носили довольно ординарный характер и мало чем отличались от других подобных же выступлений буржуазной профессуры, основоположники марксизма не считали нужным отвечать на рецензию Дюринга, тем более что ее теоретическое содержание не представляло научного интереса. До тех пор, пока дюрингианство не оказывало никакого влияния на рабочее движение, К. Маркс и Ф. Энгельс не придавали значения претенциозным выступлениям Дюринга.

Обстановка существенно изменилась в 70-е годы после того, как в 1875 г. на Готском съезде произошло объединение эйзенахцев и лассальянцев в единую Социалистическую рабочую партию.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали назревшим такое объединение, поскольку оно создавало условия для преодоления раскола внутри немецкого рабочего движения. Однако для них главным был вопрос об идейной основе

партии: каким мировоззрением она будет руководствоваться — революционно-пролетарским или реформистским, мелкобуржуазным. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что первым, непременным условием создания единой германской социал-демократии является принципиальная критика лассальянского оппортунизма, полное идейное размежевание с последним.

Между тем лидеры эйзенахцев В. Либкнехт и А. Бебель во имя ускорения процесса объединения пошли на идейный компромисс с лассальянцами по основным программным вопросам. Известно, как остро реагировали основоположники марксизма на серьезные теоретические и политические ошибки своих соратников — руководителей эйзенахцев. Об этом можно судить по той суровой критике «Готской программы», которую они дали в своей переписке с Либкнехтом, Бебелем, Бракке и другими социал-демократическими деятелями. Особенно важными в этом отношении являются критические замечания К. Маркса, известные под названием «Критика Готской программы».

И вот именно в тот период, когда возникла германская социал-демократия и когда перед ней встала задача покончить с оппортунистическим наследием Ф. Лассаля и укрепить идейное единство партии, выступил с претензией на «реформу социализма» и мелкобуржуазный теоретик Дюринг. Он громогласно возвестил миру, что является творцом единственно истинной всеобъемлющей философской, экономической и социалистической системы, заключающей в себе полное и окончательное разрешение всех социальных проблем. Новоявленный «системосозидатель» был довольно плодовитым. В сравнительно короткое время Дюринг опубликовал «Курс политической и социальной экономии», «Критическую историю политической экономии и социализма», «Курс философии», «Новые основные законы рациональной физики и химии» и ряд других работ. И в каждой из них Дюринг провозглашал, что отныне наконец открыта и изложена подлинно научным образом «окончательная истина в последней инстанции».

Дюринг уверял, например, что его философия «твердо установила основные формы бытия, несколько не жертвуя глубиной мысли», что она «в своем мощном, все опрокидывающем на своем пути движении разворачивает все земли и все небеса внешней и внутренней природы».

В свойственном ему стиле Дюринг совершенно бесцеремонно разделялся со всей предшествующей философией, объявляя ее просто не заслуживающей никакого внимания, хотя тут же, не стесняясь, заимствовал многие идеи Канта, Гегеля и других философов, эклектически соединяя их с непоследовательным материализмом, который в свою очередь «обогащался» им посредством позитивизма О. Конта и других адептов позитивистского направления.

В области политической экономии и социалистической теории Дюринг также претендовал на «новый способ мышления», на «системосозидающие идеи» и, больше того, на «нечто абсолютно фундаментальное». «...Только в той социалистической системе, которую я охарактеризовал в моем «Курсе политической и социальной экономии», — утверждал он, — истинно собственное может занять место только кажущейся и предварительной или же насильственной собственности».

Приводя эти и аналогичные высказывания Дюринга, Ф. Энгельс писал: «...перед нами не обыкновенный философ и социалист, высказывающий просто свои мысли и предоставляющий истории решить вопрос об их ценности, а совершенно необыкновенное существо, претендующее не менее как на папскую непогрешимость, — человек, единоспасающее учение которого приходится просто-напросто принять, если не желаешь впасть в преступнейшую ересь. Таким образом, мы отнюдь не имеем здесь дело с одной из тех работ, какими изобилует социалистическая литература всех стран, в последнее время и немецкая, — работ, где люди разного калибра самым искренним образом стараются уяснить себе вопросы, для разрешения которых у них, быть может, не хватает, в большей или меньшей степени, материала; в этих работах, каковы бы ни были их научные и литературные недостатки, заслуживает уже признания их социалистическая добрая воля. Напротив, г-н Дюринг преподносит нам положения, которые он провозглашает окончательными истинами в последней инстанции, рядом с которыми всякое иное мнение объявляется, стало быть, уже заранее ложным» (1, 20, 29—30). Таким образом, несмотря на свое академическое звание, Дюринг выступал в действительности не как серьезный исследователь, а как вдохновенный свыше пророк,

безапелляционно возвещающий не подлежащие обсуждению истины и рецепты социального преобразования.

К. Маркс и Ф. Энгельс еще в период формирования своих философских, экономических и коммунистических воззрений решительно выступили против такой не только претенциозной, но и весьма опасной для массового рабочего движения игры в пророки, так же как и против связанных с нею претензий на культ личности, догматизма, доктринерства и прожектерства. В 1843 г. К. Маркс в процессе подготовки журнала «Немецко-французский ежегодник», вырабатывая его программу, противопоставил такому доктринерству и догматизму *диалектико-материалистическое* требование связать теорию с практикой, с реальным общественным движением, с борьбой революционных масс. «Ничто не мешает нам, следовательно,— писал К. Маркс,— связать нашу критику с критикой политики, с определённой партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой. В таком случае, мы выступим перед миром не как доктринёры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней!» (1, I, 381).

К. Маркс подчеркивал, что задача политического руководителя заключается не в том, чтобы субъективистски и волюнтаристски навязывать общественному движению изобретенную им программу действий, а в том, чтобы правильно понять, правильно выразить реальные потребности общественного движения, указать пути и средства их удовлетворения. П. В. Анненков в своих «Литературных воспоминаниях» рассказывает о заседании «Коммунистического корреспондентского комитета» в Брюсселе в марте 1846 г., на котором К. Маркс выступил против попыток известного представителя немецкого утопического коммунизма В. Вейтлинга превратить коммунистический «Союз справедливых» в секту своих безропотных приверженцев. Маркс, пишет Анненков, говорил по поводу Вейтлинга, возмнившего себя спасителем рода человеческого, что «обращаться к работнику без строго научной пдеп и положительного учения равносильно с пустой и бесчестной игрой в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его разинув рот» (10, 303).

Е. Дюринг — типичный пример одержимого манией величия мнимого пророка, свысока поучающего невежественную толпу. Но если Вейтлинг был выдающимся деятелем, теоретиком определенной исторической ступени развития домарксовского утопического коммунизма, талантливым, вышедшим из рабочего класса предшественником марксизма в Германии, то Дюринг выступил со своими профетическими воззваниями и мнимонаучным «обоснованием» социализма в эпоху, когда научный коммунизм, обоснованный К. Марксом и Ф. Энгельсом, уже существовал, завоевывая на свою сторону рабочее движение. Дюринг оказался в роли противника научной социалистической идеологии и освободительного движения пролетариата вообще.

Понятно поэтому, что в новых исторических условиях претензии Дюринга на «реформу социализма» могли носить только реакционный характер.

Е. Дюринг, подвизавшийся в Берлинском университете в качестве приват-доцента, в 70-е годы имел некоторое число сторонников среди руководящих деятелей германской социал-демократии. Вокруг Дюринга объединилась небольшая, оппортунистически настроенная группка, в которую вошли Э. Бернштейн, И. Мост, В. Бракке и некоторые другие влиятельные члены социал-демократической партии Германии. Даже А. Бебель, не совсем и не сразу разобравшись в теоретическом содержании учения Дюринга, приветствовал последнего как представителя университетской элиты, перешедшего на позиции социализма. В одной из статей А. Бебель давал положительную оценку выступлению Дюринга. Вначале недооценил вред дюринговских «теорий» и В. Либкнехт.

Когда стало ясно, что дюрингианцы могут серьезно повредить рабочему движению, тем более что они прикрывали свою раскольническую деятельность левацкими, полуанархистскими фразами, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что теперь уже нельзя оставлять без внимания выступления новоявленного «реформатора» социализма.

Так, в письме К. Марксу от 24 мая 1876 г. Ф. Энгельс, имея в виду И. Моста и его подрывную работу в партии, писал: «...не пора ли серьезно подумать о нашем отношении к этим господам» (1, 34, 11). Ответное письмо К. Маркса датировано следующим днем. 25 мая 1876 г. К. Маркс писал Ф. Энгельсу: «Мнение мое

таково, что «наше отношение к этим господам» можно выявить только в виде решительной критики Дюринга» (там же, 12). Вскоре Ф. Энгельс приступил к делу, и уже в следующем году «Анти-Дюринг» начал публиковаться на страницах социал-демократического периодического издания «Vorwärts».

Приверженцы Дюринга, вполне сознавая, что выступление Ф. Энгельса подрывает идеологическую основу их сектантской деятельности, неоднократно пытались воспрепятствовать регулярной публикации энгельсовских статей на страницах газеты. Некоторые из них высказывались даже против печатания статей Ф. Энгельса вообще или же настаивали на сокращении печатаемого текста, якобы не представляющего интереса для широкой читательской публики. К. Маркс писал об этом В. Бракке 11 апреля 1877 г. «Сначала его (Ф. Энгельса. — Авт.) принудили принять известные условия, а потом то и дело нарушают их. Во время избирательной кампании, когда вообще никто ничего не читал, его статьи служили только для заполнения пустого места; потом их стали печатать небольшими разрозненными кусками: один кусок на этой неделе, другой две-три недели спустя, так что для читателя (особенно рабочего) связь совершенно пропадает» (там же, 203).

В конечном счете интриги сторонников Дюринга, а также недалекость некоторых социал-демократических руководителей были преодолены. В 1878 г., незадолго до принятия германским рейхстагом «исключительного закона» против социалистов, статьи Ф. Энгельса, разоблачающие дюрингианство, были опубликованы в виде отдельной книги. Как писал Ф. Меринг, «свет этого маяка загорелся как раз в тот момент, когда на политическом горизонте появилась черная грозовая туча» (47, 131).

В. И. Ленин постоянно подчеркивал, особенно в борьбе с социал-демократическим ревизионизмом, выдающееся значение теоретической деятельности Ф. Энгельса и его труда «Анти-Дюринг». В. И. Ленин указывал, что Ф. Энгельс, так же как и К. Маркс, принадлежит «к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания» (2, 41, 50).

Оценивая «Анти-Дюринг» как выдающееся произведение марксизма, В. И. Ленин подчеркивал, что для

этого труда в полной мере характерны последовательность, непреклонная принципиальность и непримиримость ко всяческим отступлениям от материалистического понимания природы и общества. «Всю борьбу с Дюрингом,— писал В. И. Ленин,— Энгельс провел *целиком* под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма,— вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «Анти-Дюринга»...» (2, 18, 359).

Столетие, прожитое «Анти-Дюрингом», засвидетельствовало его непреходящее научно-теоретическое значение. Не имея шансов на успех, буржуазные марксологи и ревизионисты пытаются, однако, изобразить это выдающееся сочинение «догматическим», «поверхностным» или «схематическим». Книга Ф. Энгельса не стареет. Проблемы, которые она ставит и решает, являются в настоящее время, пожалуй, еще более актуальными, чем в конце 70-х годов прошлого века. Социалистический строй, о котором Ф. Энгельс говорил в своем произведении как об исторической перспективе, как результате исторической необходимости, обусловленной всем ходом развития капитализма и освободительного движения пролетариата, стал великой исторической реальностью, победил на значительной части нашей планеты. Теория научного социализма, классическое изложение которой мы находим в «Анти-Дюринге», превратилась в практику коммунистического строительства, на основе которой совершается дальнейшее творческое развитие марксизма-ленинизма.

«Анти-Дюринг» — подлинная теоретическая, и в том числе философская, энциклопедия марксизма.

«Анти-Дюринг» переведен почти на все языки народов мира. И в то время как Дюринг, незначительный идеологический персонаж конца прошлого века, давно забыт даже близкими ему по духу буржуазными идеологами, произведение Ф. Энгельса стало настольной книгой миллионов и миллионов трудящихся нашей планеты. Характеристика основных законов материалистической диалектики и фундаментальных принципов теории познания, предельно ясный и глубокий анализ

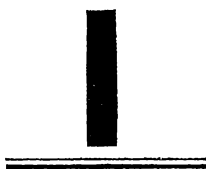
главных идей научного социализма и пролетарской политической экономии изучаются все новыми поколениями сторонников марксизма именно по «Анти-Дюрингу».

Ныне, как и сто лет назад, сочинение Ф. Энгельса — идейное оружие огромной силы, оно метко поражает буржуазных критиков и фальсификаторов марксизма, как тех, кто отрицает объективную диалектику природы, вроде последователей раннего Г. Лукача, Мерло-Понти, Ж. П. Сартра, И. Фетчера и иже с ними, так и тех, кто отрицает диалектику практики, вроде группы из пресловутого журнала «Praxis» и вообще всех тех, кто пытается противопоставить Энгельса Марксу, Ленину и ленинизм — Энгельсу, кто проповедует концепции «национального марксизма».

Ф. Энгельс — один из великих учителей международного пролетариата, один из творцов учения, которое живет, развивается и побеждает, над которым не властно время. Кто только не брался за решение непосильной задачи — то в лобовую отвергнуть марксизм, то «хитро» соединить его с каким-нибудь модным учением, то, не долго думая, объявить его просто устаревшим. И так более ста лет. Какова же судьба этих развязных ниспровергателей, которые как в прошлом, так и в наши дни, продолжая свое черное дело, атакуют марксизм-ленинизм? История, как мудрая распорядительница, поступила с ними так, как они того заслуживали, — предала их полному забвению.

Исторические судьбы замечательного труда Ф. Энгельса наглядно выражают победоносное распространение, подлинное торжество научной социалистической идеологии в современном мире. Весь ход общественно-исторического развития, весь опыт народов говорит о том, что только марксизм-ленинизм указывает народам пути успешного разрешения глобальных проблем современности, пути уничтожения экономического и политического угнетения, социального неравенства, преобразования общества на коммунистических началах.

Выступая на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, Л. И. Брежнев говорил, что «наша философия мира — это философия исторического оптимизма» (6, 341). Исторический оптимизм внутренне присущ марксистско-ленинскому мировоззрению, классическим изложением и развитием которого явился «Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса.

Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против дюрингианства

«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса написан в период с сентября 1876 по июль 1878 г. и впервые опубликован в «Vorwärts» («Вперед»), центральном органе Социалистической рабочей партии Германии, с 3 января 1877 по 7 июля 1878 г. в виде серии статей. После завершения публикации в газете «Анти-Дюринг» был издан отдельной книгой (1878), которая затем еще дважды (1886, 1894) переиздавалась при жизни ее автора.

С изданием «Закона против вредных и опасных устремлений социал-демократии» (21 октября 1878 г.), этого пресловутого «исключительного закона», принятого правительством в целях борьбы со всем немецким революционным движением, «Анти-Дюринг» был запрещен и оказался на положении нелегального издания. Но исключительный закон против социалистов не смог помешать дальнейшему развитию первой политической массовой партии рабочего класса. Точно так же реакции не удалось воспрепятствовать распространению «Анти-Дюринга» и других произведений марксизма. Вопреки протестам противников марксизма «Анти-Дюринг», как писал В. И. Ленин, стал «настоющей книгой всякого сознательного рабочего» (2, 23, 43).

«Анти-Дюринг» — это как бы непосредственный результат «вмешательства» К. Маркса и Ф. Энгельса в процесс развития немецкой рабочей партии в 70-е годы XIX столетия. В результате политического отделения рабочего движения от либеральной буржуазии в 60-е годы, активных откликов на провозглашение и последующее падение Парижской коммуны 1871 г. и, наконец, объединения эйзенахцев (Социал-демократической рабочей партии) и лассальянцев (Всеобщего германского рабочего союза) на Готском партийном съезде 1875 г. в Социалистическую рабочую партию Германии партия немецкого рабочего класса стала значительным по своему общественному весу фактором политической жизни в новой прусско-германской империи. Выборы в рейхстаг показали явный рост и усиление влияния партии; в 1871 г. партия полу-

чила 3,2% всех поданных действительных голосов, в 1874 г. их было уже 6,8, а в 1877 г. — 9,1%. В то же время экономический кризис, начавшийся в 1873 г. и обострившийся в 1878 г. вследствие далеко зашедшего аграрного кризиса, показал всем классам и слоям немецкого общества, что социальный вопрос, а тем самым и социальная революция являются основными проблемами эпохи.

Все эти обстоятельства привели к тому, что значительная часть рабочих, а также некоторые представители непролетарских трудящихся классов увидели в молодой социал-демократии действительного защитника своих интересов.

Ф. Меринг объяснял эти новые обстоятельства следующим образом: «Непризнанные изобретатели и реформаторы, противники оспопрививания, сторонники натурального метода лечения и тому подобные чудаковатые гении пытались найти себе среди мощно волнующихся рабочих классов то признание, в котором другие отказывали им. В своем свежем порыве к революционированию старого, гнилого мира сознательный пролетариат не обнаружил особой неприступности и обращал большее внимание на добрую волю помощников, чем на их силы. Особенно энергичен был приток из академических кругов. Традиции буржуазного радикализма... угасли среди политического разложения прогрессистской партии. В зависимости от природных наклонностей, происхождения и социальной среды студенты либо отдавались пошлomu карьеризму... либо же пытались сблизиться с социал-демократией» (47, 127—128).

Более глубоко охарактеризовал эту ситуацию Ф. Энгельс в своем письме А. Бебелю от 24 ноября 1879 г.: «Прилив мелких буржуа и крестьян свидетельствует, правда, о колоссальных успехах движения, но вместе с тем это становится и опасным для него, как только забывают, что эти люди вынуждены прийти, но *потому* только и идут, что вынуждены. Их присоединение доказывает, что пролетариат действительно стал руководящим классом. Но так как они приходят с мелкобуржуазными и крестьянскими идеями и стремлениями, то нельзя забывать, что пролетариат не выполнит своей исторической руководящей роли, если будет делать уступки этим идеям и стремлениям» (1, 34, 338).

Именно для содействия реальному осуществлению «руководящей исторической роли» пролетариата и был написан «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса при непосредственном участии К. Маркса. Для этой цели необходимо было помешать смешению пролетарского мировоззрения с путанными мелкобуржуазными построениями. Ф. Энгельс писал И. Ф. Беккеру 11 января 1878 г.: «...крупной ошибкой в Германии является то, что студентам и прочим невежественным «ученым» позволяют в качестве научных представителей партии нести перед всем светом в огромном количестве невероятную чушь. Впрочем, это детская болезнь, которую необходимо перенести, и именно для того, чтобы сократить ее, я так подробно разобрал это на примере Дюринга» (там же, 245).

Учитывая то большое влияние, которым пользовался приват-доцент Берлинского университета Евгений Карл Дюринг (1833—1921) в партии в середине 70-х годов, В. Либкнехт неоднократно обращался к Ф. Энгельсу с просьбой положить конец дюринговскому теоретическому шарлатанству. Еще в мае 1876 г. Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Дорогой Мавр! Тебе легко говорить. Ты можешь лежать в теплой постели, заниматься русскими земельными отношениями в частности и земельной рентой вообще... Я же должен сидеть на жесткой скамье и... снова приниматься за скучного Дюринга. Но ничего не поделаешь, раз уж я тоже втягиваюсь в полемику, конца которой совершенно не видно; ведь все равно я не буду иметь покоя. К тому же *amicus* Мост своим панегириком «Курсу философии» Дюринга сам ясно указал мне, откуда и как следует вести нападение» (там же, 14).

Для более детального понимания конкретно-исторического значения «Анти-Дюринга», разумеется, необходимо знать, какова по существу была мировоззренческая позиция Дюринга, т. е. что представляло собой *дюрингианство* по своему содержанию. Если иметь в виду сокрушительное воздействие «Анти-Дюринга» на последующую судьбу воззрений Дюринга, то может показаться, что дюрингианство было совершенно хилым явлением, не получившим в свое время ничьей поддержки, а имя Дюринга достойно внимания только потому, что первая энциклопедия марксизма носит подзаголовок «Переворот в пауке, произведенный господином Евгением Дюрингом». Между тем дюрингианство представляло собой характерное выражение устремлений мелкобуржуазных идеологов, которые высту-

пали под флагом социализма, но по существу были ему враждебны и наносили делу социализма немалый вред.

Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом дюрингианства служит для нас классическим образцом той борьбы, которую необходимо вести с позиций научного социализма против буржуазно-реформистской, а также мелкобуржуазно-анархистской идеологии и вообще левацкой фразеологии как вне, так и внутри международного рабочего движения. Хотя в современных условиях дюрингианство как учение, непосредственно связанное с именем его основателя, не имеет влияния в рабочем движении, родственные дюрингианству идеи и тенденции все еще живучи.

* * *

Задолго до того, как Ф. Энгельс взялся за «скучного Дюринга», основоположники марксизма познакомились с его сочинениями. Дюринг стал известен в середине 60-х годов прежде всего благодаря своим работам по политической экономии (см. 87. 86. 94); он выступил также с рецензией на первый том «Капитала» Маркса вскоре после его опубликования в 1867 г. (см. 95, 182—186). Следует учесть, что это была *первая* «академическая» реакция на труд К. Маркса, между тем как в университетах еще долгое время господствовала полная неосведомленность относительно содержания этого гениального произведения, о котором немецкие профессора знали лишь понаслышке.

К. Маркс писал о рецензии Дюринга: «Вещь ... весьма прилична, несмотря на то что я так резко обрушился на его учителя Кэри. Кое-чего Дюринг явно не понял. Самое же забавное, что он сопоставляет меня со Штейном, так как я занимаюсь диалектикой, а Штейн нагромождает бессмысленный набор величайших пошлостей в деревянных трихотомиях, облеченных в кое-какие гегелевские категории» (1, 32, 7). И далее Маркс отмечал: «С него и того уже много, что он почти без оговорок принимает раздел о *«первоначальном накоплении»*. Он еще молод. Как последователь Кэри, он занимает позицию прямо противоположную фритредерам» (там же, 8).

Когда Л. Кугельман послал К. Марксу опубликованное в 1867 г. сочинение Дюринга «Умалители заслуг Кэри и кризис политической экономии», К. Маркс утвердился в своем ранее высказанном предположении, что

Дюринг только для того написал свою сомнительную рецензию на «Капитал», чтобы иметь повод напасть на своих университетских недругов. При этом К. Маркс заметил: «Особенно бросается в глаза вульгарно-грубый тон этого напыщенного берлинца по отношению к Миллю, Рошеру и т. д., между тем как со мной он обращается все же с боязливой осторожностью! По его мнению, помимо Кэри, величайшим гением XIX века является Лист. В другой брошюре, «Капитал и труд», которую я видел сегодня в Музее, он *«бранит»* Лассалья» (там же, 26). Затем К. Маркс написал Л. Кугельману: господин Дюринг — «весьма заносчивый, несносный молодчик, который корчит из себя революционера в политической экономике» (там же, 448).

Е. Дюринг начал свою академическую карьеру, написав в 1861 г. в Берлине диссертацию «*De tempore spatio, causalitate atque de analysis infinitesimalis logica*» (лат. «О времени, пространстве, причинности, а также о логике анализа бесконечно малых»). Первым его рецензентом по диссертации был противник Гегеля и сторонник Аристотеля Ф. А. Тренделенбург, вторым рецензентом — известный математик Э. Э. Куммер, человек с богословскими наклонностями, для которого царство математического было «делом не человеческих рук», а «творением божьим». Отзывы обоих рецензентов обеспечили Дюрингу в 1863 г. звание приват-доцента Берлинского университета. В июле 1877 г. он потерял свое место в университете вследствие резкой реакции видных математиков Э. Э. Куммера и К. Т. В. Вейерштрасса на оскорбительные и необоснованные нападки на них со стороны Дюринга во втором издании его работы (см. 92). Лишенный права преподавания, Дюринг выступил в роли основателя политической секты. Однако действительного политического деятеля из него все же не получилось. И в последующие годы Дюринг оставался главным образом публицистом, занимающимся вопросами философии, политической экономики и в известной мере естествознания*.

* В 90-е годы Дюринг обратился к литературоведческой тематике (см. 97. 90). Кроме того, он занялся обоснованием яростного антисемитизма (см. 91). И наконец, вновь и вновь обращался к своей излюбленной мечте об «усовершенствовании» религии (см. 89). В автобиографии (см. 96) Дюринг подвел апологетический итог своей деятельности в 60-е и 70-е годы XIX столетия.

Уже в середине 60-х годов Дюринг опубликовал изложение своей философской «системы», но в это время он был все же более известен своими сочинениями по политической экономии. В этих работах Дюринг, как уже говорилось, опирался на учение североамериканского экономиста Г. Ч. Кэри, который утверждал, что отношения между капиталистами и наемными рабочими носят характер взаимовыгодного гармонического сотрудничества. Воззрения Кэри представляли собой переход от классической буржуазной политической экономии к вульгарной буржуазной политической экономии, которая отказалась от идей трудовой теории стоимости и полностью перешла на позиции откровенной апологии капитализма. Кэри провозглашал, что повышение производительности труда автоматически вызывает повышение заработной платы, темпы роста которой якобы превосходят рост прибылей капиталистов. Там, где действительность явно не соответствовала этому «основному закону», это объяснялось, по мнению Кэри, всякого рода случайными моментами вроде неправильных мероприятий правительства в сфере налоговой политики и т. п. Кэри, этот «единственный оригинальный экономист Северной Америки» (1, 46, ч. I, 4), отразил в своем учении экономические интересы молодой американской буржуазии, особенности ее положения. Дюринг же представил его идеи немецкой публике как якобы «переворот в учении о народном хозяйстве и в социальной науке» (см. 87).

Одна из апологетических функций вульгарной политической экономии заключалась в том, чтобы представить буржуазию собственной страны как созидающую «истинные» и гармонические экономические отношения. Дюринг воспринял вульгарную политэкономия Кэри с точки зрения немецких мелкобуржуазных радикалов; он охотно принял содержащуюся в ней критику «внешних вмешательств» в экономическую жизнь, протест против правительственного «насилия» над ней.

Работа Дюринга «Критическое основоположение учения о народном хозяйстве» (1866) послужила поводом к тому, что чиновники правительства Бисмарка обратились к Дюрингу с просьбой представить докладную записку по рабочему вопросу для внутренних целей правительства. Дюринг сразу же принял это предложение, рассчитывая на извлечение из него престижных выгод. Однако эта докладная записка была опубликована

за подписью одного из правительственных чиновников. В 1868 г. Дюринг в статье «Судьбы моей докладной записки прусскому министерству о социальном вопросе» усмотрел причину этого в том, что правительство решило воспрепятствовать его дальнейшей, в том числе академической, карьере.

Все эти события привели к тому, что в процессе идеологической дискуссии внутри социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев) Дюринг оказал определенное влияние на некоторых руководителей этой партии. Сторонниками Дюринга в Берлине стали, как известно, И. Мост, широко известный своей активной ролью в забастовке рабочих Хемница осенью 1871 г., Ф. В. Фрицше, глава первого общенационального профессионального союза, и молодой Э. Бернштейн. И. Мост опубликовал брошюру «Капитал и труд», в которой предложил крайне упрощенную версию изложенного К. Марксом в «Капитале» понимания природы капиталистической эксплуатации*. К. Маркс выразил протест против того, что автор связывал его имя с этой брошюрой**. Однако во втором издании своей «Критической истории политической экономии и социализма» (93) Дюринг заявил, что Мост впервые сделал из «Капитала» Маркса «нечто стоящее». В ответ на это в одной из своих статей Мост горячо рекомендовал членам партии изучать «Курс философии» Дюринга. Это была та самая статья, которую В. Либкнехт 16 мая 1876 г. послал Ф. Энгельсу, желая убедить его в том, что «дюринговская эпидемия поразила и людей, в прочих отношениях разумных...» (1, 34, 409).

К этому времени идеологическая ситуация в социал-демократической партии определилась; речь идет о том, что даже А. Бебель в «Der Volksstaat» — центральном

* Эта работа в настоящее время вновь опубликована в ФРГ в серии, выпускаемой издательством «Suhrkamp».

** Опубликованная в 1873 г. в Хемнице брошюра по просьбе В. Либкнехта была просмотрена К. Марксом и Ф. Энгельсом для второго издания, которое и появилось в 1876 г. Ф. Энгельс сообщает: «Мы убедились, что если не желаем написать всю вещь с начала до конца заново, то не остается ничего лучшего, как выбросить хотя бы самые грубые нелепости Моста. Маркс разрешил вставить свои поправки лишь под тем непременным условием, чтобы его имя никогда не было ни в какой мере связано даже с этим исправленным изданием макулатуры Иоганна Моста» (1, 19, 360).

органа эйзенахцев — благосклонно отнесся к взглядам Дюринга. Впоследствии Бебель объяснил это следующим образом: «Я был также того мнения, что в целях агитации нам следует поддерживать и использовать всякие литературные труды, которые, подобно сочинениям Дюринга, резко критикуют существующий общественный порядок и высказываются за коммунизм» (12, 557).

Когда в январе 1877 г. в центральном органе Социалистической рабочей партии Германии начали печатать полемику Ф. Энгельса с Дюрингом, дюрингианцы из числа членов партии собрались для организации своего контрнаступления, и на партийном съезде в Готе (27—30 мая 1877 г.) они потребовали прекращения публикации «Анти-Дюринга» на страницах «Vorwärts», утверждая, что это полемическое сочинение у большинства читателей якобы «не вызывает интереса». Ю. Вальтейх говорил о «профессорских распрях», А. Бебель заявил, что это — «узко научный спор», только В. Либкнехт недвусмысленно разъяснил делегатам партийного съезда, что после «Капитала» «Анти-Дюринг» — наиболее значительная теоретическая работа, вышедшая из недр самой партии. Партийный съезд постановил: напечатать «Анти-Дюринг» в следующем научном приложении к «Vorwärts», что и было осуществлено. Позднее был создан собственно теоретический орган партии: он впервые вышел в свет в октябре 1877 г. под названием «Die Zukunft».

Если рассматривать в широком плане распространение дюрингианства в Социал-демократической рабочей партии, а позднее — в Социалистической рабочей партии Германии, то можно с основанием сказать, что оно было идеологическим выражением влияния мелкобуржуазного утопического социализма на рабочее движение в специфических условиях борьбы 60-х и особенно 70-х годов XIX столетия. Для понимания этого достаточно вспомнить, что немецкое рабочее движение в тот период было все еще связано с ремесленниками и рабочими сельской кустарной промышленности; только в начале 60-х годов значительно выросла роль современного индустриального рабочего класса. В условиях тяжелого положения ремесленников и сельских кустарей тех лет иллюзия о «справедливой заработной плате» или о получении «полной прибыли от труда» могла приобрести определенное идеологическое влияние.

Именно в ремесленном производстве продолжало сохраняться то положение, при котором частная собственность базировалась на личном труде и поэтому в противовес частнокапиталистической собственности, покоящейся на эксплуатации чужого труда, создавалась видимость ее защиты традиционными идеями «честного труда». Достаточно вспомнить о том, что многие руководящие деятели молодого немецкого рабочего движения были вынуждены в качестве ремесленников вести борьбу за свое существование с хозяевами-капиталистами*.

Необходимо обратить внимание на обстоятельство, существенное для оценки развития дюрингианства в рабочей партии: экономический кризис конца 70-х и начала 80-х годов усилил пролетаризацию мелкой буржуазии, представители которой, пополняя ряды пролетариата, нередко способствовали развитию оппортунистических тенденций в рабочем движении. Дюринг, выступавший в этих условиях против Лассалья, сумел приобрести определенное влияние среди его противников — эйзенхцев.

И наконец, хотелось бы сослаться еще на следующее обстоятельство: со времени немецко-французской войны прусское завоевание Германии, будучи фактическим решением «сверху» поставленного революцией 1848 г. вопроса об объединении страны, породило во внутриполитическом отношении совершенно новые условия для борьбы классов. Остатки либерально-буржуазной оппозиции сгруппировались вокруг рабочего движения, поскольку они оставались приверженцами левой оппозиции 1848 г. Характерным примером этого была позиция И. Якоби, который перед началом судебного процесса против Либкнехта и Бебеля по обвинению в государственной измене (1872) объявил о своей принадлежности к Социал-демократической рабочей партии.

Процесс классового расслоения обострился благодаря экономическим и политическим последствиям аннексии Эльзаса и Лотарингии, которые выразились прежде всего в резком усилении милитаризма. В антимилитаристской борьбе рабочей партии, провозгласившей солидарность с Парижской коммуной, ряд идеологов мелкобуржуазных антипруских течений увидели многообещающую цель

* Бебель дает наглядное описание своего собственного трудного положения в первой части воспоминаний (12, 177—180).

своей деятельности. В условиях жестокой травли Парижской коммуны и социалистов вообще, а также начавшейся консолидации Социал-демократической рабочей партии как политической массовой партии становится понятным тот факт, что всякого рода случаи сближения леволиберальных идеологов с молодой партией оценивались социал-демократами недостаточно критически: от примыкавших многого не требовали. Молодой партии еще предстояло накопить практический опыт в решении вопросов своего отношения к непролетарским движениям. Например, вступление Якоби в ряды Социал-демократической рабочей партии имело огромное агитационное значение. Таким образом один из героев революции 1848 г. выразил свое окончательное положительное политическое суждение об этой партии. Кроме того, именно от него исходило веское заявление: «Основание самого маленького рабочего объединения приобретет для будущего историка культуры большее значение, чем само сражение под Садовой» (106, 11).

Однако, несмотря на этот смелый шаг, Якоби не стал теоретически подготовленным политиком пролетарской партии; он оставался леволиберальным оппозиционным деятелем старого типа. Со всей очевидностью Якоби продемонстрировал свою позицию в связи с выборами в рейхстаг, когда, протестуя против реакционной имперской конституции, отказался принять мандат, в результате чего партия вновь утратила его.

То, что продемонстрировал Якоби в практической политике, Дюринг выразил экономически и философски, а именно он показал себя мелкобуржуазным героем «с характером», который во имя утопических принципов втянулся в борьбу, но не имел ни малейшего понятия о действительных социальных отношениях. Такая позиция, которая была занята Дюрингом, в конце концов часто превращается в крикливый анархизм. Не случайно, что самый, пожалуй, верный сторонник Дюринга И. Мост, заслуг которого в развитии молодого немецкого рабочего движения отрицать нельзя, после издания исключительного закона против социалистов фактически перешел на позиции анархизма, а окончил свою жизнь в Америке бесславно, как хронический алкоголик.

Ореола мелкобуржуазного героя «с характером» Дюринг достиг в философии, используя идеи Гегеля и Шопенгауэра, выступив как критик «философии

бессознательного» Э. Гартмана. Хотя Дюринг критиковал философию Шопенгауэра, тем не менее он увидел в нем мыслителя «с характером» и не прочь был его оправдывать. Дюринг солидаризировался с Шопенгауэром в его резкой критической оценке университетской профессуры. Дело в том, что, поскольку Дюринг не мог рассчитывать на получение профессорской кафедры (хотя благодаря опубликованному им в 1873 г. сочинению «Критическая история общих принципов механики» на него снова обратили внимание как на ученого), все занимающие университетские кафедры профессора, без всякого исключения, представлялись ему никчемными, бесхарактерными оппортунистами.

Дюринг еще раньше провозгласил, что философия не только призвана быть теоретическим познанием, но и обязана утвердить «убеждения», требуя следовать соответствующим жизненным максимам. Приняв в экономических вопросах без всяких оговорок вульгарную политическую экономия Кэри, Дюринг в философии не только обратился к Гегелю и Шопенгауэру, но и «усыновил» вульгарный материализм, видя в нем своего рода программу действий. Много рассуждал Дюринг и о кантовском «разумном сознании». Но если извлечь суть дюринговского «разумного сознания» из его суждений на этот счет, то оно оказывается таящимся под абстрактной фразеологией сознанием мелкого буржуа, агрессивно выступающего в защиту «честного труда» и базирующейся на нем собственности против «дурных последствий» капиталистической собственности и, следовательно, против капитала, постоянно разоряющего именно мелкую буржуазию (не будем, однако, забывать, что развитие капитала не только разоряет мелкую буржуазию, но и воспроизводит ее). Дюринг объявляет «дурные последствия» капитала следствием политического насилия, которое он вообще считает первопричиной исторического процесса. Оно выступает у него как дьявольское средство искажения и обесценения «истинных основных форм» и естественного и общественного бытия, которые аксиоматически устанавливаются дюринговским «разумным сознанием».

Мы имеем здесь дело с особым видом заимствования и трансформации идей материалистического Просвещения XVIII в., — трансформации, типичной для леволиберальной буржуазии после 1848 г. Поскольку развитие

французского промышленного капитализма и связанного с ним классового антагонизма развенчало героические иллюзии революции 1789 г., немецкая либеральная буржуазия стала преподносить свои взгляды не как выражение развивающегося объективного разума (как это делал еще Гегель), а как программу содействия развитию уже существующего буржуазного общества. В этом нашел свое отражение тот факт, что капиталистические отношения стали господствующими и буржуазные идеологи начали трактовать эмпирически существующие капиталистические отношения как выражение «истинных основных форм» общественной жизни.

Положение капитализма в 60—70-е годы XIX столетия характеризуется, с одной стороны, промышленной монополией британской буржуазии на мировом рынке, а с другой — выступлением национальной буржуазии других стран в качестве серьезного конкурента британской. Это явилось тем объективным обстоятельством, которое позволяло буржуазным идеологам изображать углубляющиеся противоречия капитализма преходящими конъюнктурными потрясениями, возникающими вследствие «неоправданного» вмешательства извне в «естественное» течение экономического процесса. Таким путем буржуазные идеологи пытались использовать антикапиталистические настроения трудящихся масс для защиты капитализма.

Антикапиталистический протест Дюринга является всего лишь протестом против «крайностей» крупного капитала, защитой мелкобуржуазной собственности. На спекулятивном языке Дюринга этот протест выступает как борьба за претворение в жизнь ценностных предписаний «разумного сознания» и бескомпромиссная критика «магической веры» в сверхматериальные «сущности». Выступает ли эта «магическая вера» в христианстве, в буддизме или в науке, она всюду предстает для Дюринга в качестве непосредственной основы «обесценения действительности», основы политического насилия. С этих достаточно смутных мировоззренческих позиций Дюринг сражается как против применения понятия бесконечности в математике, так и против гегелевской диалектики. И то и другое относится дюринговским «разумным сознанием» к плодам «магической веры». Соответственно они подпадают под суровый приговор со стороны этого «разумного сознания».

Критика Дюрингом «обесценения действительности» приводит его к утопической конструкции «истинных основных форм» общественной жизни и в частности к его пресловутой хозяйственной коммуне. Обоснованием этой коммуны является вульгарно-экономический тезис, согласно которому прибыль капиталистов порождается политическим насилием над наемным трудом. Решение коренных социальных проблем заключается, по Дюрингу, в установлении «естественной системы общества», которую Дюринг изображает как союз хозяйственных коммун, члены которых обмениваются своими продуктами по принципу: «равный труд на равный труд» соответственно «универсальному принципу справедливости».

Таким образом, дюринговская утопическая система общества отличается по существу тем, что выступающие в ней частные производители не отдают свой прибавочный труд коммуне. Это как раз представляло собой мелкобуржуазную идеализацию частного труда ремесленника средневековых городских коммун.

Заметим, что подобная идеализация отнюдь не исчезла вместе с Дюрингом. «Критическая теория» Хоркхаймера и Адорно ныне по сути дела содержит в себе тот же порочный социально-теоретический подход: «Критика принципа обмена как отождествляющего принципа мышления стремится к тому, чтобы осуществился идеал свободного и справедливого обмена, который до сих пор является всего лишь отговоркой... Если бы ни у кого не забирали бы большую часть его живого труда, то было бы достигнуто рациональное тождество, и общество преодолело бы рамки отождествляющего мышления» (81, 148). Здесь мы вновь сталкиваемся с утопией коммуны независимых частных производителей, которая преподносится в качестве идеала в противоположность государственно-монополистическому капитализму. В отличие от концепции Дюринга угнетающая сила выступает в построениях Франкфуртской школы не только как политическая власть, но и как гуманный философский образ «отождествления». Однако это ничего не меняет в теоретической основе: «отождествление» понимается по сути дела не иначе, как насильственная подтасовка фактов и «господство», которое в связи с пресловутой «рациональностью» приобретает облик также и политического насилия.

Мелкобуржуазная программа общества «свободного и справедливого обмена», составлена ли она Дюрингом или Адорно, при попытке ее практического осуществления нередко скатывается в анархизм и полуанархизм. И это потому, что всякая общественная система базируется на производстве прибавочного труда, который не может подлежать присвоению через индивидуальный обмен. Ликвидация эксплуатации не может произойти путем ликвидации прибавочного труда, а исключительно лишь путем ликвидации его присвоения особым классом общества. Но если ведется борьба за «свободный и справедливый обмен» или за реализацию дюринговской хозяйственной коммуны, то такая борьба является борьбой именно за ликвидацию прибавочного труда. И она равнозначна абстрактному отрицанию любого общественного устройства жизни вообще. Вследствие этого такая борьба неизбежно приобретает анархический характер, и происходит трансформация антикапиталистического протеста в индивидуальный, как раз не опасный для основ капитализма, протест и абстрактное бунтарство. Поскольку же такая трансформация используется господствующим классом для того, чтобы легализовать усиление репрессий, закрепляя их правовыми актами, то очевидно, что отказ утопистов от научного исследования борьбы классов чреват в принципе явными негативными последствиями для дела борьбы против капиталистического строя.

* * *

В 1874 г. Ф. Энгельс сделал следующий вывод из уроков тридцати лет борьбы за соединение научного социализма с рабочим движением: «В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали» (1, 18, 499).

Если поразмыслить над тем, что борьба научного социализма против дюрингианства расценивалась некоторыми партийными лидерами как всего лишь «профессорские распри», то мы со всей очевидностью осознаем всю огромную важность борьбы за чистоту революционной

теории, являющейся условием социалистической революции, осознаем также и немалые трудности на этом пути, которые пришлось преодолевать вождям и идеологам рабочего коммунистического движения.

В борьбе против лассальянства, дюрингианства, анархизма и т. д. К. Маркс и Ф. Энгельс заложили прочную теоретическую основу для тесного соединения социализма и рабочего движения. Но реальный исторический процесс соединения научного социализма с рабочим движением очень сложен. На его пути то и дело возникала опасность искажения мировоззрения рабочего класса мелкобуржуазными путаниками и демагогами. Подлинное соединение социализма с рабочим движением окончательно достигается только тогда, когда идеи революционной теории пронизывают самую революционную деятельность масс, руководимых коммунистической партией.

К. Маркс и Ф. Энгельс обращали особое внимание на то, чтобы доказать руководителям немецкой социал-демократии, что распространение взглядов Дюринга среди социал-демократов таит в себе серьезную опасность деградации партии. Как известно, К. Маркс убедительно разъяснил партийным вождям эту опасную возможность в своей знаменитой «Критике Готской программы» (1875). Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса за чистоту революционной теории проходила в сложных условиях. Тот самый Готский партийный съезд, который постановил напечатать «Анти-Дюринг» в качестве научного приложения к «Vorwärts», принял также решение об издании теоретического органа «Zukunft», для руководства которым был привлечен К. Хёхберг, ученик неокантианца Ф. А. Ланге, занявшийся пропагандой так называемого социализма чувства, в котором налицо был отзвук спекулятивных дюрингианских постулатов (см. 1, 34, 55; 221).

В августе 1879 г. Хёхберг, Бернштейн и Шрамм опубликовали в «Ежегоднике социальной науки и социальной политики» статью «Взгляд на социалистическое движение в Германии», в которой они требовали «истинного человеколюбия» в качестве основы будущей политики партии и отклоняли «одностороннюю борьбу промышленного пролетариата за свои интересы» как «оппошление» сущности дела.

К. Маркс и Ф. Энгельс в сентябре 1879 г. обсудили изданное Ф. Энгельсом циркулярное письмо, адресован-

ное вождям Социалистической рабочей партии Германии. Это письмо наряду с «Критикой Готской программы» и «Анти-Дюрингом» является третьим важным документом борьбы классиков марксизма за утверждение идей научного социализма в рядах германской социал-демократии. В этом документе сказано: «Там, где классовая борьба отстраняется как нечто непривлекательное и «грубое», там в качестве основы социализма остаются лишь «истинное человеколюбие» и пустые фразы о «справедливости». «В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения» (там же, 321; 322).

К началу 1881 г. борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против мелкобуржуазного псевдосоциализма Дюринга и Хёхберга была по существу успешно завершена. 80-е годы ознаменовались широким распространением идей научного социализма в рабочем движении Германии, и в 1890 г. германская социал-демократия стала сильнейшей партией рейхстага. Эрфуртский партийный съезд в октябре 1891 г. увенчал этот процесс принятием марксистской программы партии.

Оценивая ныне уроки борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса против мелкобуржуазного социализма в целом, и в частности против дюрингпанства, следует отметить, что псевдосоциализм то и дело воспроизводится в новых вариантах в современных исторических условиях. Объективная основа такого воспроизводства заключается, в частности, в том обстоятельстве, что мировое революционное движение постоянно и непрерывно вовлекает в антикапиталистическую борьбу новые слои населения, которые еще не являются составной частью рабочего класса или же промышленного пролетариата. Возникающие новые «социализмы» являют собой не только продукт манипуляций империалистических идеологов и ухищрений ревизионистов, но и в некоторой мере спекуляцию на смутном и незрелом антикапиталистическом протесте крестьянских и мелкобуржуазных масс, бросаемых в «печь» капиталистической индустриализации. И то, что новоявленные концепции имеют некоторую идеологическую

связь с пресловутым «социализмом» Дюринга, объясняется в какой-то мере частичной общностью их социальной подоплеки.

Поэтому изучение уроков борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса против дюрингианства выходит за рамки задачи обогащения нашего исторического знания о рабочем движении. В настоящее время оно делается составной частью современной борьбы за реальный социализм и коммунизм, против идеологии и черного дела антикоммунизма.

Ф. Энгельс и новейшие ниспровергатели диалектического материализма

Современная буржуазная и ревизионистская интерпретация философии марксизма осуществляется в различных формах. Среди них выделяются два основных, по видимости противоположных друг другу, но в сущности тождественных по своему идеологическому содержанию направления. Первое связано с дискуссией о «молодом Марксе» как философе, второе — с нигилистическим истолкованием марксистского отрицания традиционной философии, т. е. философии в старом смысле слова. Не рассмотрев, хотя бы вкратце, эти направления буржуазной (и мелкобуржуазной) борьбы против философских основ марксизма-ленинизма, нельзя понять существа характерного для всей современной марксологии, в особенности для ее новейших вариантов, противопоставления Маркса Энгельсу, как специфической формы отрицания диалектического материализма, трактуемого современными антимарксистами в качестве «чужеродного тела» в учении марксизма.

Диалектический материализм, политическая экономия марксизма и научный коммунизм возникли не на пустом месте, не по мановению волшебной палочки или вдруг, как Минерва из головы Юпитера. К. Маркс и Ф. Энгельс, естественно, не родились основоположниками научной идеологии пролетариата. В. И. Ленин указывал, что учение марксизма «выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции» (2, 6, 30—31).

В 1932 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС осуществил первую публикацию (на языке подлинника) одного из наиболее значительных произведений периода формирования марксизма — «Экономическо-философских рукописей 1844 года» К. Маркса. В этой замечательной (правда, носящей незавершенный, фрагментарный

характер) работе К. Маркс указывал на всемирно-историческую миссию пролетариата, анализировал противоречие между наемным трудом и капиталом, обосновывал историческую необходимость уничтожения частной собственности и подвергал критике буржуазную политическую экономию и философию Гегеля, формулируя тем самым отправные положения диалектического и исторического материализма.

Однако высказываемые К. Марксом принципиально новые философские положения выражены в не соответствующей их действительному содержанию форме, несут на себе печать антропологизма Фейербаха, учение которого К. Маркс пока оценивает очень высоко, что во многом объясняется, по-видимому, тем, что Маркс извлек для себя много важного из критики Фейербахом идеализма Гегеля. Развивая по существу коммунистические воззрения, Маркс называет свое учение «завершенным натурализмом» и гуманизмом. При этом вопреки излагаемым им по существу материалистическим воззрениям К. Маркс утверждает, что «последовательно проведенный натурализм или гуманизм отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их обеих истиной» (1, 42, 162).

Буржуазные интерпретаторы марксизма, нередко ссылаясь на это высказывание К. Маркса, заявляют, что Маркс был будто бы противником не только идеализма, но и материализма и что он видел свою задачу в объединении этих «односторонних» воззрений. Эта эклектическая позиция приписывается, кстати сказать, не только указанной ранней работе К. Маркса, но и всему его учению. Между тем внимательное и непредвзятое чтение «Экономическо-философских рукописей 1844 года» показывает, что в этой работе Маркс выступает за материализм против идеализма и является решительным противником примирения этих взаимоисключающих направлений. Так, он говорит, что «подвиг Фейербаха» заключается именно «в основании *истинного материализма*» (там же, 154).

Но К. Маркс относится критически к предшествующему материализму, недостаточность которого, по его мнению, состоит в антидиалектичности, механистической интерпретации природы и человека и в нематериалистическом воззрении на общество. Маркс подвергает критике идеализм, в частности гегелевский панлогизм, указывая, что вся логика Гегеля вопреки замыслу ее создателя «яв-

ляется доказательством того, что абстрактное мышление само по себе есть ничто, что абсолютная идея сама по себе есть ничто, что только *природа* есть нечто» (там же, 171).

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в рукописях 1844 г. еще не было сформулировано марксистское историко-философское понятие материализма и идеализма как главных, взаимоисключающих философских направлений. Подвергая критике метафизический материализм и идеалистическую диалектику Гегеля, Маркс ставит вопрос, как об этом свидетельствует содержание рукописей, о создании диалектического материализма, т. е. материализма, обогащенного достижениями *диалектического* идеализма. Однако эта задача, фактически уже решаемая Марксом, формулируется пока неадекватным образом.

К. Маркс не только материалистически и исторически проанализировал феномен отчуждения; он открывает существование отчужденного труда, характеризуя его как отчуждение продукта труда и самой производительной деятельности, как порабощение продуктами труда производителей. Только уничтожение частной собственности и порожденных ею социально-экономических противоречий навсегда покончит с отчуждением труда и тем самым с отчуждением человеческой сущности, разъясняет К. Маркс. Эти глубокие мысли, раскрывающие антагонистический характер частнособственнического общества, формулируются, однако, в терминах, не соответствующих их действительному содержанию. Так, уничтожение отчуждения и переход от капитализма к бесклассовому обществу К. Маркс определяет как «реинтеграцию или возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения» (1, 42, 116). Ссылаясь на это и другие аналогичные положения ранних рукописей, буржуазные критики марксизма заявляют, что философию К. Маркса следует рассматривать как философскую антропологию, исходным пунктом которой является понятие естественного, природного человека, сущность которого деформирована цивилизацией (отчуждением) и может быть возрождена лишь путем непосредственной гуманизации отношений человека к человеку.

Таким образом, революционное учение марксизма об освободительном движении пролетариата изображается его интерпретаторами-антимарксистами в духе абстрактного буржуазного гуманизма.

Естественно возникает вопрос, почему буржуазные и мелкобуржуазные критики марксизма превращают ранние работы К. Маркса, в особенности «Экономическо-философские рукописи 1844 года», в теоретическую основу для «новой», явно противоречащей всему содержанию марксизма «реинтерпретации» этого учения? Разве не очевидно, что ранние работы Маркса, относящиеся ко времени становления его учения, должны оцениваться с точки зрения произведений зрелого марксизма? Ответ на поставленный вопрос может дать лишь социально-политическая оценка дискуссии, завязавшейся вокруг «молодого Маркса».

В наше время учение марксизма-ленинизма стало общественным сознанием масс. Теория превратилась в материальную силу борющихся против капитализма трудящихся классов, возглавляемых пролетариатом, в теоретическую основу научного руководства строительством социалистического общества. Традиционное буржуазное отрицание марксизма, которое становится историческим анахронизмом, все чаще и чаще заменяется вынужденным признанием его выдающегося исторического значения,— признанием, которое сохраняет свой буржуазный, антимарксистский характер, поскольку оно сводится к громогласным утверждениям, что мировоззрение Маркса наилучшим образом изложено именно в его ранних работах.

Многие критики марксизма, и ревизионисты в том числе, противопоставляют ранние работы К. Маркса произведениям зрелого марксизма. Другие избирают более утонченную манеру: они стирают качественное различие между содержанием «Капитала» Маркса и содержанием его ранних работ, в которых еще не было ни теории прибавочной стоимости, ни теории классовой борьбы и диктатуры рабочего класса. Третьи вообще отрицают правомерность разграничения ранних и «поздних» работ Маркса, заявляя, что все, что когда-либо было написано Марксом (начиная от его докторской диссертации или даже гимназических сочинений), следует включать в состав марксизма. Идеологический смысл всех этих реинтерпретаций истории марксизма хорошо выразил известный представитель Франкфуртской школы А. Шмидт, который категорически заявил: «Вопрос о том, являются ли более существенными произведения «молодого» или «зрелого» К. Маркса... беспредметен...

Это решают современные потребности, а не аргументы от хронологии» (124, 40). Смысл данного высказывания очевиден: дело не в объективной истине, а в политической конъюнктуре. С этой точки зрения вопрос заключается уже не в том, чтобы выяснить действительное отношение ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса к марксизму, а в том, чтобы использовать эти работы в определенных идеологических целях.

Поскольку «современные потребности», о которых говорит А. Шмидт, являются, с одной стороны, потребностями буржуазии, а с другой — антикапиталистическими потребностями пролетариата и трудящихся масс, постольку задача противников освободительного движения трудящихся заключается в том, чтобы дискредитировать марксизм и его философию. Отсюда становится понятным, какими мотивами определяется то препарирование ранних работ К. Маркса, о котором было уже сказано выше.

Перейдем теперь к краткой характеристике второго основного направления буржуазной и ревизионистской интерпретации философии марксизма. Оно заключается, говоря без околичностей, в утверждении, что никакой философии марксизма вообще не существует. Напомним, что уже теоретики II Интернационала (не только откровенные ревизионисты, но и некоторые «ортодоксы») по существу исключали из марксизма его философскую основу. Если Э. Бернштейн и М. Адлер попросту говорили, что термин «материализм» применяется К. Марксом в нефилософском смысле слова, то К. Каутский недвусмысленно утверждал, что марксизм представляет собой не философское, а экономическое учение. «Материализм Маркса и Энгельса,— писал он в этой связи,— в их методе» (107, 82). При этом не только Каутский, но и бернштейншанцы заявляли, что они стоят на позициях материалистического понимания истории, рассматривая последнее всего лишь как антиспекулятивное эмпирическое исследование общественной жизни.

М. Адлер пытался доказать, что естествознание в сущности враждебно материалистической «метафизике». Если в прошлом науки о природе представлялись внутренне связанными с материалистической философией, то «современное естествознание,— заявлял Адлер,— стало самым решительным противником материализма» (80, 126). Еще более радикальную антиматериалистическую

позицию занимал О. Бауэр, который вполне в стиле В. Шулятикова истолковывал материализм как философию... буржуазного своекорыстия. Он, например, утверждал, что «разложение механистического понимания природы вырвало почву из-под материализма. Лишь после этого мы поняли, что материализм был не чем иным, как проекцией капиталистической системы на мироздание. Только благодаря этому уничтожаются узы, связывавшие понимание истории социализма с последней догматической системой капитализма» (83, 462). Филистерский страх перед материализмом пропитывал взгляды теоретиков II Интернационала.

Таким образом, материалистическое понимание истории противопоставлялось материалистическому пониманию природы, третировавшемуся как исторически изжившая себя «натурфилософия», принципиально несовместимая с естествознанием, которое одно только правомочно судить о природе. Исторический материализм по сути дела толковался как учение, находящееся «по ту сторону» противоположности материализма и идеализма, а поэтому как в сущности нефилософская теория.

Причины пренебрежительного отношения к философии марксизма становятся очевидны, если вспомнить, что именно деятели II Интернационала провозгласили мировоззрение (не только религиозное, но и философское) частным делом члена социал-демократической партии. Встав на путь компромисса с господствующей буржуазией и ее идеологией,— идеологией, господствующей, разумеется, не только среди капиталистов, социал-демократический оппортунизм закономерно выступил против марксистского учения об исторической необходимости и неизбежности социализма, которому был противопоставлен почерпнутый из арсенала неокантианства «этический социализм». Неокантианская ревизия марксизма прикрывалась беспочвенными заявлениями, что К. Маркс и Ф. Энгельс якобы вообще не были философами, что они будто бы принципиально отвергали всякое философствование как несовместимую с революционной практикой умозрительную деятельность.

Диалектический и исторический материализм, как известно, является революционно-критическим отрицанием всей предшествующей философии, философии в старом смысле этого слова вообще. Но это не абстрактно-

нигилистическое, а конкретно-диалектическое отрицание, которое предполагает научно-философское подытоживание, усвоение, переработку и дальнейшее развитие всего рационального в предшествующей философии, как материалистической, так и идеалистической. «Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию» (1, 20, 142).

Теоретики II Интернационала, которым, как правило, было свойственно пренебрежительное или же дилетантское отношение к философии, совершенно игнорировали эту важнейшую, указываемую Ф. Энгельсом сторону дела — революцию в философии, которую осуществил марксизм. Современные ниспровергатели марксизма, отрицающие этот факт, являются, таким образом, в определенном смысле продолжателями оппортунистической традиции, зарождение которой относится еще к концу прошлого века.

Главными представителями нигилистической интерпретации философии марксизма являются деятели Франкфуртской школы социальных исследований, которые выступают под флагом «неомарксизма», иначе именуемого «западным марксизмом», и претендуют на аутентичное толкование учения К. Маркса. Это свое понимание они настойчиво *противопоставляют* воззрениям Ф. Энгельса. Однако хотя «франкфуртское» отрицание существования философии марксизма выступает как продолжение социал-демократической традиции, аргументы, выдвигаемые новейшими «неомарксистами», существенно отличаются от аргументов их предшественников, которые вообще не придавали существенного значения философской проблематике.

С точки зрения франкфуртских «критических теоретиков», философия представляет собой попытку воплотить разум в жизнь, перестроить общество на разумных началах, сделать рациональное социальной реальностью. Однако философия, по мнению франкфуртских теоретиков, не критически относится к «рациональности», поскольку понятие рациональности в силу природы философского мышления составляет его исходную, не подлежащую критическому анализу посылку. Между тем рациональность — понятие проблематичное, и, так как оно не может быть предметом собственно философского анализа,

рассуждают далее «франкфуртцы», его критическим исследованием призвана заняться социология, которая тем самым лишает философию ее *raison d'être*.

Социологическое исследование разума, рациональности вообще, поскольку оно носит критический характер, по мнению «франкфуртцев», показывает, что всякая рационализация общественных отношений означает усиление угнетения человека, усовершенствование эксплуатации, все большее превращение общества в манипулируемую систему межличностных связей. Капитализм-де уже воплотил разум в жизнь и тем самым доказал практически, что рациональность является инструментом господства и порабощения. Философия со своим идеалом «разумного» устройства общественной жизни потерпела окончательное банкротство именно потому, что ее идеал уже якобы осуществлен.

Франкфуртские теоретики, которые философствуют, отрекаясь от самой философии, в лучшем случае являются мелкобуржуазно-романтическими критиками капитализма, а в худшем — проводниками империалистической идеологии антисоветизма. Они отождествляют всякое разумное преобразование общественных отношений с капиталистической рационализацией. Больше того, они пытаются «выудить» это воззрение в учении К. Маркса и Ф. Энгельса, рассматривая марксистское отрицание философии в старом смысле слова как отрицание в принципе самой возможности философской постановки радикальной революционной задачи. С этих позиций они искаженно интерпретируют известный тезис Маркса: философы лишь различным образом объясняли мир, между тем как задача заключается в том, чтобы его изменить. То обстоятельство, что К. Маркс и Ф. Энгельс при этом философски обосновывали коммунистическое преобразование общественных отношений, совершенно выпускается из поля зрения.

Таким образом, марксизм характеризуется франкфуртскими теоретиками как непримиримая антитеза всякому философствованию. Однако К. Маркс, на которого главным образом ссылаются франкфуртские критики марксизма, постоянно противопоставлял идеализму и метафизическому способу мышления свои собственные философские, диалектико-материалистические воззрения. Деятели Франкфуртской школы, конечно, не могут игнорировать этот факт; они истолковывают его так, что будто бы уче-

нию Маркса присуща лишь видимость философского исследования, хотя по существу дела оно является бескомпромиссным отрицанием философии. Г. Маркузе, например, утверждает, что интерес к философии был свойствен К. Марксу лишь тогда, когда он находился под влиянием Гегеля и Фейербаха. Не следует поэтому переоценивать ранние работы Маркса, которым в особенности присуща философская форма выражения. Впрочем, даже эти его произведения, пишет Маркузе, «не являются философскими. Они представляют собой отрицание философии, несмотря на то, что это отрицание осуществляется на языке философии» (115, 258).

Характеризуя исторический процесс формирования марксизма в целом и сопоставляя в этой связи учение К. Маркса и философию Гегеля, Маркузе заявляет: «Переход от Гегеля к К. Марксу является во всех отношениях переходом к существенно отличному типу истины, который не может быть интерпретирован в терминах философии» (там же). И далее: «...все философские понятия Марксовой теории являются социальными и экономическими категориями, между тем как гегелевские социальные и экономические категории являются целиком философскими понятиями» (там же). Суть этих рассуждений, разумеется, не в решительном (и вполне правомочном) подчеркивании коренной противоположности между учением Маркса и идеалистической философией Гегеля, а в том, что это отношение истолковывается как противоположность между «антифилософией» Маркса и философией Гегеля.

Не трудно понять, что Г. Маркузе, впрочем, как и другие представители Франкфуртской школы, в высшей степени превратно истолковывает органическую связь философии марксизма с марксистской политической экономией и научным социализмом, единство учения марксизма с революционной практикой. Не понимая принципиального отличия философии марксизма от всех иных философских учений, деятели Франкфуртской школы рассматривают это качественное отличие совершенно негативным образом.

Мы остановились несколько подробнее, чем это может показаться необходимым, на характеристике современной ситуации в лагере противников марксистско-ленинской философии, так как без этих предварительных

замечаний невозможно достаточно полно понять идеологические устремления и теоретическую аргументацию новейших критиков диалектического материализма, которые противопоставляют Маркса Энгельсу и Ленину, изображая ленинские философские исследования как продолжение «линии Энгельса» в том смысле, что эта линия якобы несовместима с действительным содержанием учения К. Маркса.

В качестве примера такого «антиэнгельсизма», ставшего прикрытой, но весьма ныне распространенной формой отрицания марксизма, сошлемся на буржуазного критика диалектического материализма Дж. Лихтгейма, который пишет: «Не существует никакой логической связи между концепцией К. Маркса и «диалектическим материализмом» Ф. Энгельса и Плеханова, так же как не имеется никакой необходимой связи между прагматической точкой зрения К. Маркса, рассматривающей сознательную духовную деятельность в качестве аспекта практики, и теоретико-познавательным реализмом В. И. Ленина» (112, 10). Это высказывание весьма интересно в том отношении, что оно непосредственно выявляет политические мотивы антинаучного противопоставления Маркса Энгельсу и Ленину: К. Маркс характеризуется как прагматист, т. е. противник материализма, сторонник идеалистического эмпиризма, а В. И. Ленину приписывается «гносеологический реализм», который, как известно, *противопоставляет* понятие объективной реальности понятию материи, т. е. сам является разновидностью идеализма.

Противопоставление Маркса Энгельсу по своей сути есть прежде всего противопоставление ранних произведений К. Маркса произведениям зрелого марксизма, значительная часть которых создана обоими основоположниками марксизма. При этом, как правило, умалчивается, что К. Маркс развивал свои философские воззрения не только в работах первой половины 40-х годов, когда он еще лишь приступил к разработке научной идеологии пролетариата, и что важнейшие философские положения были им сформулированы в последующий период.

Основным философским произведением К. Маркса является, конечно, «Капитал». В нем решены не только коренные проблемы экономической теории, над которыми бились классики буржуазной политической экономии, но

и разработаны основы материалистической диалектики, т. е. диалектического материализма*.

Выдающейся исторической заслугой В. И. Ленина является характеристика «Капитала» К. Маркса, как важнейшего философского произведения марксизма. «Если Marx,— писал В. И. Ленин,— не оставил „*Логик*“ (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала“...» (2, 29, 301). Рассмотрение философского содержания «Капитала» лишает всякого основания противопоставление философских воззрений К. Маркса положениям Ф. Энгельса, разработанным в «Анти-Дюринге», «Диалектике природы» и других его произведениях. Хотя К. Маркс специально не занимался философскими проблемами естествознания, тем не менее он придавал этим проблемам первостепенное значение, о чем свидетельствует переписка между основоположниками марксизма. В «Капитале» Маркс исследует законы развития и функционирования капиталистической экономики. Но он, как известно, неоднократно подчеркивает всеобщность диалектических закономерностей, ссылаясь, в частности, и на данные естествознания. Одним из естественнонаучных примеров, который мы находим как в «Капитале», так и в «Диалектике природы», является рассмотрение гомологических рядов в химии, подтверждающих закон

* Разделение диалектики и материализма имеет смысл лишь вне философии марксизма, поскольку существует идеалистическая диалектика и метафизический материализм. В рамках марксизма диалектика и материализм составляют единое, нераздельное целое: марксистский материализм — диалектический материализм, марксистская диалектика — материалистическая диалектика. Неправильно резко разграничивать внутри философии марксизма диалектику и материализм, как нечто обособленное друг от друга. Марксистский *метод* является и диалектическим, и материалистическим, т. е. диалектико-материалистическим. Марксистская *теория*, разумеется, не только материалистическая, но и диалектическая. Выше мы уже подвергали критике воззрение Каутского, согласно которому понятие материализма относится лишь к методу, по отнюдь не к теории марксизма. Теория развития в ее наиболее полном и свободном от односторонности виде — таково основное содержание материалистической диалектики, или диалектического материализма. Оба эти выражения являются по существу синонимами. Этот вывод вытекает, в частности, из сформулированного В. И. Лениным принципа диалектического «совпадения» материалистической диалектики (теории развития в ее наиболее полном виде) с гносеологией и логикой (разумеется, диалектической), которые должны рассматриваться как специальные (в отличие от общей) теории развития. Этот принцип, как указывал В. И. Ленин, был разработан К. Марксом в «Капитале».

превращения количественных изменений в качественные.

«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса трактуется современными критиками марксизма как отступление от философских воззрений К. Маркса (или же привнесение в его якобы нефилософское учение чуждых ему идей). Но этот труд является произведением, в котором развиваются основные философские положения «Капитала» и других произведений К. Маркса. Напомним еще раз, что Маркс не только ознакомился с рукописью «Анти-Дюринга», но и написал по просьбе Энгельса десятую главу этой книги *, а также высоко оценил произведение своего генерального друга и соратника после его выхода в свет. В известном письме М. Кауфману К. Маркс, в частности, говорит, что это произведение Ф. Энгельса «очень важно для правильного понимания немецкого социализма» (1, 34, 268).

Попытки буржуазных критиков марксизма доказать, будто философские идеи Ф. Энгельса чужды К. Марксу, направлены не только против Энгельса, но и против самого Маркса, которому, таким образом, приписываются абсолютно не свойственные ему черты характера и поведения. Маркс, согласно этой злонамеренной версии, был внутренне не согласен с философскими взглядами Энгельса, но будто бы скрыл это несогласие как от своего друга, так и от широкой общественности. Несостоятельность таких утверждений очевидна для всякого, кто изучал труды Маркса для того, чтобы понять их действительное содержание. Некоторые критики диалектического материализма утверждают, будто К. Маркс не выступил против философских воззрений, изложенных в «Анти-Дюринге» и других произведениях Ф. Энгельса, просто потому, что он подпал под влияние своего друга, изменил своим прежним воззрениям и тем самым впал в пагубные философские заблуждения. Весьма безапелляционно эту точку зрения высказывает Ж. П. Сартр. Он, в частности, утверждает, что Маркс стремился преодолеть «односторон-

* В предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга» Ф. Энгельс писал: «Замечу мимоходом, что так как излагаемое в настоящей книге миропонимание в значительнейшей своей части было обосновано и развито Марксом и только в самой незначительной части мной, то для нас было чем-то само собой разумеющимся, что это мое сочинение не могло появиться без его ведома. Я прочел ему всю рукопись перед тем, как отдать ее в печать, а десятая глава отдела, трактующего о политической экономии... написана Марксом...» (1, 20, 9).

ность» как материализма, так и идеализма, что он придерживался этой точки зрения, с которой солидаризируется Сартр, «вплоть до своей злосчастной встречи с Энгельсом» (122, 213).

Французский экзистенциалист предпочитает произведениям зрелого марксизма некоторые ранние работы К. Маркса, заключающие в себе немало положений в духе фейербаховской философской антропологии. Такие положения представляются противникам марксизма буквально счастливой находкой, которая «позволяет» изображать Маркса чуть ли не единомышленником (или хотя бы предшественником) экзистенциализма, современной идеалистической антропологии и т. д. При этом, однако, обычно игнорируется то общеизвестное обстоятельство, что ранние работы Ф. Энгельса, написанные в те же годы, что и соответствующие работы К. Маркса, также включают в себе идеалистические и философско-антропологические высказывания. Философские взгляды Маркса и Энгельса формировались в одни и те же годы. Начав в 1843 г. свою совместную работу по созданию научной идеологии рабочего класса, они вместе преодолевали диалектический идеализм Гегеля, младогегельянскую «философию самопознания», философскую антропологию Фейербаха, буржуазно-демократические и мелкобуржуазно-утопические иллюзии. Об этом непосредственно свидетельствуют статьи К. Маркса и Ф. Энгельса в «Deutsch-Französische Jahrbücher» и их первые совместные труды: «Святое семейство» и «Немецкая идеология».

Попытки Сартра доказать, что встреча К. Маркса с Ф. Энгельсом, их содружество изменили ход философского развития Маркса и привели его... к диалектическому материализму, не только несостоятельны, но и смехотворны. Создание диалектического и исторического материализма есть совместный интеллектуальный подвиг К. Маркса и Ф. Энгельса, есть *революция в философии*, которую осуществили основоположники марксизма.

Ж. П. Сартр претендовал, как известно, на самостоятельное развитие им философии марксизма. При этом он исключал из марксистской философии диалектический материализм, «дополняя» исторический материализм экзистенциалистской антропологией. Исторический материализм, писал Сартр, является «единственно приемлемой интерпретацией истории» (120, 24). Однако то, что Сартр «приемлет» как исторический материализм, в действи-

тельности не является таковым, поскольку французский экзистенциалист отрывает исторический материализм от материалистического понимания природы и человека, противопоставляет исторический материализм материалистической философии. Природа с экзистенциалистской точки зрения не существует безотносительно к человеку, независимо от его сознания и воли. Что же касается человека, то экзистенциализм под флагом критики натурализма провозглашает субъективистское понимание человека как неприродного индетерминированного существа единственно возможным и единственно человеческим. Нужно ли разъяснять, что эта субъективистская концепция природы не имеет ничего общего ни с материализмом, ни с историзмом, что она так же враждебна материалистическому пониманию истории, как она враждебна естествознанию.

Противопоставление материалистического понимания истории диалектическому материализму, т. е. отрицание диалектического материализма, оказывающееся в конечном счете также отрицанием исторического материализма, не является собственным сартровским или специфически экзистенциалистским подходом к философии марксизма. Такого рода подход имел место уже у ревизионистов II Интернационала, которые отбрасывали материалистическую диалектику (т. е. диалектический материализм), отрицая возможность существования материалистической диалектики, т. е. объявляя марксистскую диалектику чужеродным, «идеалистическим» (гегельянским) элементом в марксизме *. Здесь, как и в других случаях, философский ревизионизм следовал в хвосте буржуазной философии, которая органически не способна постигнуть единство материализма и диалектики и поэтому отрицает возможность диалектико-материалистического понимания как природы, так и общества.

Домарксовские материалисты оказались не способны согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основа-

* Правильно замечает известный болгарский марксист Н. Ирибаджаков: «Для старого оппортунизма и ревизионизма Эдуарда Бернштейна, Отто Бауэра, Рудольфа Гильфердинга, Макса Адлера и др. характерно то, что они пытались разорвать единство диалектического и исторического материализма, борясь против диалектического и всякого иного философского материализма, по заявляя при этом, что принимают исторический материализм, который будто бы является чем-то совершенно отличным от философского материализма» (34, 446).

нию. Но если эти мыслители все же стремились материалистически интерпретировать общественные явления, то господствующая идеалистическая философия, особенно со времени возникновения материалистического понимания истории, решительно выступила против уже существующей материалистической социологии, отрицая ее материалистический характер. Материализм объявлялся ею идеализмом, а идеализм выдавался за неидеалистическую, но и нематериалистическую теорию, короче говоря, за реализацию «третьего пути» в философии.

В. И. Ленин в своих заметках о книге И. Пленге «Маркс и Гегель», являющейся образцом буржуазного опошления теоретических основ марксизма, приводит заявление этого автора о том, что исторический материализм есть «в глубочайшей своей основе идеалистическое рассмотрение общества» (2, 29, 361). Данная, высказанная в 1911 г. точка зрения является общепринятой в современной буржуазной марксологии, и это несомненно убедительно обнаруживает ее идейное убожество и порочность ее методов «прочтения», точнее выражаясь, извращения исторического материализма.

Б. Кроче, повторивший в 1938 г. утверждение И. Пленге, вместе с тем недвусмысленно указал на то, что делает для него принципиально неприемлемым материалистическое понимание истории. Исторический материализм, писал Кроче, является «вдвойне ложным — и как материализм и как понимание хода истории по заранее установленному плану, варьирующее гегелевскую философию истории» (см. 21, 207). Исторический материализм неприемлем для буржуазного идеолога, как материалистическое обоснование объективной необходимости социалистического преобразования общественных отношений. Понятие объективной закономерности, являющееся основополагающим в науках о природе, объявляется лишенным научного смысла в социологии. Больше того, материалистическая концепция исторической необходимости приравнивается к теологическому представлению о предопределении.

Характерно, что против исторического материализма выдвигается аргумент, который в действительности лишь благодаря историческому материализму стал научно обоснованным фундаментальным философским положением: люди сами творят свою историю. Этот тезис, как известно, выдвинули еще домарксовские материалисты

в противоположность теологической интерпретации истории. Однако эти материалисты вследствие свойственного им метафизического способа мышления, игнорирующего относительную противоположность субъективного и объективного в общественно-историческом процессе, лишь декларировали эту истину. Обосновать ее они, конечно, не могли. Иными словами, они не понимали того, как же люди творят историю, если внешняя природа, так же как их собственная природа, независимы от воли людей. На научную почву решение этой проблемы было поставлено только марксизмом.

Учение марксизма о развитии производительных сил и производственных отношений, о борьбе классов, о свободном движении трудящихся, о социальных революциях представляет собой научно-философское отрицание спекулятивно-идеалистической концепции предетерминации и обоснование закономерности общественно-исторического процесса, которая осуществляется самими людьми, народными массами путем превращения исторической необходимости «в себе» в историческую необходимость «для нас», т. е. в свободу.

Объективная историческая необходимость не исключает свободы, исторического выбора, она органически включает их в себя. Превращение необходимости в свободу является таким же неотъемлемым моментом общественного развития, как превращение «вещи в себе» в «вещь для нас» в ходе процесса познания.

Таким образом, на вопрос, *почему* противники марксизма отрицают материалистическое понимание истории как именно *материалистическое* (в точном, а не в каком-либо условном или иносказательном смысле этого слова), ответ ясен. Его с полной откровенностью провозглашает французский антикоммунист Р. Арон, который подчеркивает, что основной тенденцией современной критики марксистского понимания общественной жизни является стремление «преодолеть объективный детерминизм всемирной истории» (82, 20) *. Буржуазия в лице своих иде-

* В противоположность антикоммунисту Р. Арону итальянский марксист С. Тимпанаро подчеркивает, что выдающейся заслугой Ф. Энгельса является именно обоснование исторического детерминизма: «Если реформист нашего времени видит в энгельсовском материализме и детерминизме прежде всего неприятное отрицание «гуманизма» и «свободы духа», то революционер видит в этом отрицание волюнтаризма, иллюзорного представления о стихийном крушении или постепенном преобразовании капиталистиче-

ологов выступает против исторической необходимости, ибо историческая необходимость подрывает господство класса капиталистов и всю основанную на частной собственности систему социального неравенства.

«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, так же как и другие его произведения, в которых осуществляется философское осмысление достижений естествознания, систематически обосновывает неразрывное единство исторического материализма и материалистического понимания природы. Общественное производство есть социально-природный процесс, в ходе которого люди, изменяя окружающую природу, изменяют тем самым и свою собственную природу, свою человеческую сущность, которая представляет собой совокупность исторически определенных общественных отношений. Мы, люди, говорит Ф. Энгельс, какой бы мы деятельностью ни занимались, никогда не находимся вне природы и «нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей» (1, 20, 496). Отрывать исторический материализм от материалистического понимания природы — значит отказываться не только от последнего, но и от материалистического понимания общественной жизни вообще.

В. И. Ленин показывает в «Материализме и эмпириокритицизме», что философский ревизионизм подменяет исторический материализм социологическим идеализмом именно посредством отрицания основополагающего, материалистического решения основного философского вопроса. Так, А. Богданов, ссылаясь на тот очевидный факт, что общение между людьми предполагает наличие у них сознания, в действительности превращает сознание в определяющую основу общественной жизни. Не формулируя прямо этого исходного идеалистического положения, Богданов, однако, выводит его косвенным образом: он провозглашает принцип тождества общественного бытия и общественного сознания.

Вскрывая принципиальную несостоятельность сформулированного Богдановым идеалистического основопо-

ской системы» (127, 87). Не трудно понять, что буржуазное истолкование материализма как отрицания гуманизма и свободы является типичным филистерским предрассудком, ибо, как свидетельствует вся история материалистической философии и ее борьба с клерикализмом и теологическим мировоззрением, именно материализм является последовательным борцом за гуманистические идеалы.

ложения, В. И. Ленин говорит: «Общественное бытие и общественное сознание не тождественны,— совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. ...Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо. Сознание вообще *отражает* бытие,— это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно» (2, 18, 343).

Современный философский ревизионизм, провозглашая лицемерный лозунг «пазад к Марксу», в действительности проповедует отказ от марксизма. Не удивительно поэтому, что некоторые ревизионисты, полностью следуя за своими наставниками — идеологами буржуазии, противопоставляют Маркса... марксизму, нередко пользуясь софистическими аргументами, вроде того что основоположник марксизма не может быть его последователем. При этом Маркс, разумеется, противопоставляется Энгельсу, который изображается создателем особого течения — «энгельсизма». Действительный смысл всех этих псевдонаучных рассуждений насчет «энгельсизма» сводится всегда к одному: к отказу от материалистического обоснования коммунистического идеала, к отречению от научно-философского мировоззрения марксизма, которое всесторонне обосновывает необходимость революционной борьбы за коммунистическое переустройство общественных отношений. Выше уже говорилось о ревизионистах — представителях II Интернационала, которые, объявляя себя приверженцами исторического материализма, отвергали диалектический материализм и в конечном счете подменяли материалистическое понимание истории социологическим идеализмом. Эту же линию завуалированного отрицания исторического материализма проводят и современные ревизионисты от философии. Сошлемся для примера на воззрения чешского ревизиониста М. Прухи. Вслед за ревизионистами из загребского «Праксиса» он противопоставляет Ф. Энгельсу «философию практики», истолковывая последнюю в духе фило-

софской антропологии, которая в свою очередь противопоставляется диалектическому материализму.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс неразрывно связали философию с практикой, с революционно-критической практической деятельностью, с освободительной борьбой рабочего класса. Поэтому всякая попытка противопоставить философии марксизма «философию практики» означает на деле отказ от диалектико-материалистического понимания практики в рамках целостного, научно-философского учения о наиболее общих законах развития природы, общества, познания.

М. Пруха утверждает, что подлинной философией марксизма является не диалектический материализм, а «философия практики», которая-де освобождает марксизм «от скуки наиболее общих закономерностей» и благодаря этому выявляет в марксизме «актуальную проблематику — социальную и экзистенциально-интимную» (118, 611). Эта проблематика сводится прежде всего к вопросу о человеческой личности, ее свободе, отчуждении сущности человека, причиной которого объявляется научно-технический прогресс. Марксистский принцип методологического сведения индивидуального к социальному, так же как соответствующее этому материалистическому принципу выведение социально значимых свойств личности из совокупности общественных отношений, разумеется, полностью отбрасывается чешским ревизионистом. Человеческая личность рассматривается им как нечто совершенно самодовлеющее; ее отличие от другой человеческой личности возводится в абсолют, между тем как общие различным человеческим индивидам черты объявляются несущественными и, больше того, обезличивающими человеческую индивидуальность. Это метафизическое противопоставление единичного и общего, различия и тождества — характерная особенность буржуазно-индивидуалистического понимания человека. Признание объективности социальных закономерностей выдается за отрицание человека как субъекта ответственности. Проще говоря, марксистский детерминизм (и всякий детерминизм вообще) интерпретируется как принципиально несовместимый с признанием свободы выбора, действия и т. д. Диалектики свободы и необходимости для М. Прухи не существует. Объективные закономерности, согласно его взглядам, не могут быть основой сознательной и целесообразной деятельности людей.

М. Пруха обвиняет диалектический материализм в «онтологизме», который понимается им как признание вечности, неуничтожимости материи и присущих ей закономерностей. Онтологическое понимание материи представляется Прухе разновидностью «субстанциалистской метафизики», или «метафизическим эссенциализмом» (там же, 614). Это значит, говоря простыми словами, что материалистическое (и естественнонаучное) признание вечности, неразрушимости материи, из которого исходит диалектический материализм, изображается чешским ревизионистом не как диалектическое, а, напротив, как антидиалектическое воззрение. «Метафизика,— пишет М. Пруха,— действительно подчеркивает покой в противовес движению, поскольку она стремится найти в переходящем непреходящее, пребывающее, совершенное. Но именно так поступает и Ф. Энгельс в своем понимании бытия. Как часто рассуждает он о неразрушимости и вечности материи! С этой основополагающей точки зрения, изменение и движение оказываются и для него лишь внешним по отношению к материи и именно в этой производной плоскости всплывает слово «круговорот», которое откровенно указывает на то, что «диалектика» не угрожает метафизическим исходным положениям материализма» (там же).

Как видим, Пруха пытается доказать, что материалистическое решение основного философского вопроса носит антидиалектический характер. Диалектический материализм, поскольку он развивает исходные положения предшествующего материализма, отождествляется Прухой с материализмом метафизическим. Ревизионист, как и следовало ожидать, повторяет чуть ли не слово в слово своих буржуазных учителей. Буржуазные философы уже в конце прошлого века, используя старые гегелевские идеи, выдвинули тезис, согласно которому само понятие диалектического материализма представляет собой *contradictio in objecto*, т. е. абсурдное противоречие. Диалектика и материализм, утверждали эти философы, принципиально несовместимы. Это значит, что диалектика — всегда идеалистическое учение, а материализм — фатально метафизичен.

Историко-философские факты опровергают это антинаучное представление, которому его сторонники пытаются придать видимость научности путем искажения этих фактов. Диалектика древнегреческих материалистов

просто сбрасывается ими со счета. Идеалистическая диалектика характеризуется как единственно возможная, поскольку содержание диалектики сводится к размышлению, к деятельности субъекта. «Диалектическое движение, — заявляет, например, современный неогегельянец А. Кожев, — есть движение мысли и человеческих рассуждений, но в самой реальности, о которой мыслят и говорят, никакой диалектики нет» (109, 455). Точка зрения М. Прухи не многим отличается от этой откровенно субъективистской интерпретации диалектики. Отличие заключается главным образом в том, что сферой диалектики, с точки зрения М. Прухи, является «экзистенциально-антропологическая» деятельность, субъективность и т. п. Основной сферой диалектического движения объявляется практическая деятельность, но последняя истолковывается субъективистски, как независимая от объективных закономерностей общественной жизни, существование которых Прухой попросту игнорируется или прямо отвергается.

«Существует ли диалектика природы или имеет смысл говорить о диалектике лишь там, где существует человек и его труд?» — вопрошает М. Пруха. Само собой разумеется, что ответ, который Пруха дает на этот вопрос, сводится к отрицанию диалектики природы. «Не обеднил ли Маркс философию, когда он, в отличие от Гегеля, истолковывал отчуждение как отчуждение труда?» Совершенно очевидно, что уже сама постановка этого вопроса заключается в себе явное извращение проблемы. К. Маркс рассматривает отчужденный труд как основную форму отчуждения продуктов труда и самой производительной деятельности. Именно исходя из этого антагонистического экономического отношения, К. Маркс выводит иные, в частности политические и идеологические, формы отчуждения. Об этом совершенно умалчивает М. Пруха. Главное же в его ответе на поставленный вопрос заключается в попытке универсализировать феномен отчуждения, истолковать его как аутентичную, непреходящую форму диалектического процесса, т. е. увековечить этот исторически преходящий феномен. «Не следует ли, — спрашивает в заключение М. Пруха, — дополнить марксизм структурной и генетической антропологией?» (118, 611—612). Не трудно понять, что на этот вопрос Пруха даст недвусмысленно положительный ответ. А его цитируемая здесь статья, как и другие выступления, пред-

ставляет собой попытку подменить философию марксизма идеалистической философской антропологией, которая на деле принципиально несовместима с учением К. Маркса и Ф. Энгельса.

* * *

Марксизм развивается в процессе борьбы с буржуазной идеологией. Каждый новый этап в развитии марксизма, марксистско-ленинского научно-философского мировоззрения означает новое поражение буржуазной идеологии, в том числе и тех ее разновидностей, которые выступают под флагом «неомарксизма», аутентичного истолкования учения К. Маркса и т. д. Именно поражения буржуазной идеологии вынуждают ее представителей переходить на позиции «имманентной» критики марксизма, т. е. такого рода критики, которая формально выражает готовность принять исходные положения марксистской теории при том условии, что их дальнейшее развитие не будет приводить к выводам, несовместимым с исходными положениями. В ходе «имманентной» критики марксизма буржуазные идеологи, как мы видели, противопоставляют Маркса Энгельсу, Маркса Ленину, а в конечном счете — Маркса его собственному учению. Таким образом, буржуазная критика марксизма с самого начала оказывается извращением его основных положений.

Попытки буржуазных критиков опровергнуть диалектический материализм постоянно терпят провал. Диалектико-материалистическое миропонимание все более подтверждается данными наук о природе и обществе, новым социально-историческим опытом и новыми философскими исследованиями, означающими дальнейшее развитие и обогащение вечно живой марксистско-ленинской теории.

2

Философия марксизма и теоретические проблемы естествознания

Освещение Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» вопросов марксистской философии неразрывно связано с философскими обобщениями результатов современного Ф. Энгельсу естествознания и его предшествующей истории. Объясняется это прежде всего тем, что основные законы диалектики, совпадающие с законами логики и теории познания материализма, действуют в природе с той же силой, с какой и в истории общества и в развитии человеческого мышления. Поэтому Ф. Энгельсу неизбежно при рассмотрении проблем материалистической диалектики приходилось все время опираться на данные естественных наук и их истории.

Была еще и другая причина более частного, можно сказать даже личного, характера, объясняющая, почему Ф. Энгельс при рассмотрении проблем философии в особенности прибегает к использованию естественнонаучного материала.

Дело в том, что, перед тем как заняться критикой Дюринга, Ф. Энгельс три года подряд (с конца мая 1873 по конец мая 1876) был занят работой над «Диалектикой природы» и, приступая к «Анти-Дюрингу», он вынужден был на два года (до июля 1878 г.) прервать работу, проводимую специально в области философских вопросов естествознания. На деле же многие части «Анти-Дюринга», составляющие его первый отдел («Философия»), в основном явились почти прямым продолжением и развитием того, чего к этому времени Ф. Энгельс достиг в работе над «Диалектикой природы». В свою очередь, приступая после двухлетнего перерыва к «Диалектике природы», Ф. Энгельс в ряде пунктов прямо продолжал и развивал положения, выдвинутые перед тем в «Анти-Дюринге». Характерно также и то, что предисловия к обоим первым изданиям «Анти-Дюринга» Ф. Энгельс почти целиком посвятил вопросам естествознания. Лишь в последний момент он заменил развернутое предисловие к его 1-му изданию более кратким (см. «Старое предисловие к «Анти-Дюрингу»»). Точно так же первоначально намечав-

шиеся три примечания к «Анти-Дюрингу» во 2-м его издании были целиком посвящены философским вопросам естествознания и математики.

Понятно, почему вопрос о соотношении философии и естествознания стал для Ф. Энгельса ключевым при разработке в «Анти-Дюринге» многих проблем марксистской философии. В дальнейшем анализе мы будем использовать текст не только «Анти-Дюринга», но и «Диалектики природы», а отчасти и «Людвига Фейербаха...», поскольку в этом труде развиваются дальше положения, выдвинутые в обоих вышеназванных произведениях.

Соотношение философии и естествознания в их историческом развитии

Общий ход познания природы человеком. Круг вопросов, охватываемый проблемой соотношения философии и естествознания, Ф. Энгельс анализировал и решал с позиции основных положений материалистической диалектики, а именно с позиции раскрытия общего диалектического хода всего человеческого познания. Ввиду принципиальной важности этих положений Энгельса для понимания всего круга вопросов, рассмотренных им в связи с анализом отношения философии и естествознания, приведем основные высказывания Энгельса.

Во «Введении» к «Анти-Дюрингу» говорится: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. ...Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения тех частных, из которых она складывается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д. ...Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было

основным условием тех исполненных успехов, которые были достигнуты в области познания природы за последние четыреста лет» (1, 20, 20).

Совершенно ясно, что здесь Энгельс охарактеризовал две первые стадии общего хода всего человеческого познания, в том числе познания природы: первую, или начальную, фазу *непосредственного созерцания* и следующую за ней фазу *анализа*.

Наконец, за анализом следует заключительная стадия *синтеза*, на которой ранее разобщенное, расчлененное, разделенное, разложенное вновь связывается воедино. На этой высшей стадии раскрывается всеобщая внутренняя связь явлений, но уже не в том неясном, диффузном ее виде, как это было первоначально на стадии непосредственного созерцания, т. е. не в виде смутной догадки, но как вывод, имеющий опытное доказательство, а потому совершенно четко сформулированный. Примером такого диалектического развития является современное естествознание, в котором высшая стадия (синтез) целиком опирается на результаты всего предшествующего анализа, и все дальнейшее исследование природы совершается в глубоком взаимодействии между синтезом и анализом, на основе их единства, при доминирующей и направляющей роли синтеза внутри их единства.

Метафизика и диалектика в историческом аспекте. Итак, по Энгельсу, непосредственное созерцание, анализ и синтез являются проявлением трехфазного хода человеческого познания. Вместе с тем это и последовательные стадии отражения диалектики природы в сознании человека. Так, в греческой философии диалектическое мышление выступало еще в первобытной простоте. В «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу»» Энгельс отмечал: «У греков — именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы, — природа еще рассматривается в общем, как одно целое. Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания» (там же, 369).

Говоря уже о современном ему естествознании, Ф. Энгельс писал: «И вот мы снова вернулись к взгляду великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинок и кончая солнцами, начиная от протистов и кончая человеком, находится в вечном

возникновении и исчезновении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении. С той только существенной разницей, что то, что у греков было гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного исследования, основанного на опыте, и поэтому имеет гораздо более определенную и ясную форму» (там же, 354—355).

В отношении стадии анализа явлений природы Ф. Энгельс сделал чрезвычайно важное замечание, которое он развил и обобщил позднее в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Так во «Введении» к «Анти-Дюрингу» сказано по поводу аналитического способа исследования природы: «Но тот же способ изучения оставил нам вместе с тем и привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно изменчивые, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми» (там же, 20—21).

Следовательно, привычка, оставленная в наследство от аналитического способа исследования природы, сводилась по сути дела к абсолютизации покоя, разобщения, разделения, разложения вещей и явлений природы. А дальше следует принципиально важное положение, разъясняющее, что в философию такой взгляд проник из естествознания: «Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления» (там же, 21).

Здесь четко выражена мысль, что философия развивается под воздействием прогресса естественных наук, впитывая в себя порождаемые их прогрессом методы, способы, приемы исследования. Обобщая в работе «Людвиг Фейербах...» это краеугольное положение, Энгельс выразил его в виде известной формулы, гласящей, что материализм подобно идеализму прошел ряд ступеней развития. «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму» (1, 21, 286).

Это происходит по той причине, что естествознание (наряду с промышленностью и техникой) выступает по отношению к философии в качестве одной из движущих сил ее развития. «...В продолжение этого длинного периода, от Декарта до Гегеля и от Гоббса до Фейербаха,—

писал Энгельс,— философов толкала вперед отнюдь не одна только сила чистого мышления, как они воображали. Напротив. В действительности их толкало вперед главным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности. У материалистов это прямо бросалось в глаза» (там же, 285). Но и у идеалистов происходил аналогичный процесс.

При характеристике метафизики Ф. Энгельс исходил из гегелевского ее определения, которое он взял из «Энциклопедии» (ч. I — «Логика»): «Метафизика — наука о *вещах*, — не о движениях» (1, 20, 520). В соответствии с этим он писал, что старый метод исследования и мышления, названный Гегелем «метафизическим», имел дело преимущественно с *предметами* как чем-то законченным и неизменным, но этот метод в свое время имел великое историческое оправдание. Надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. «Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят. Так именно и обстоит дело в естественных науках. Старая метафизика, считавшая предметы законченными, выросла из такого естествознания, которое изучало предметы неживой и живой природы как нечто законченное. Когда же это изучение отдельных предметов подвинулось настолько далеко, что можно было сделать решительный шаг вперед, то есть перейти к систематическому исследованию тех изменений, которые происходят с этими предметами в самой природе, тогда и в философской области пробил смертный час старой метафизики» (1, 21, 303).

Итак, здесь снова подчеркивается, что метафизика в области философии выросла из естествознания, бывшего тогда наукой о вещах, и что она гибнет от того, что естествознание от изучения вещей перешло к изучению происходящих с ними изменений.

Размежевание философии и естествознания в процессе их развития. Рассмотренным выше стадиям общего трехфазного хода человеческого познания отвечают три типа взаимоотношений между философией и естествознанием. На первой стадии непосредственного созерцания и наивной диалектики естествознание в качестве систематической науки, основанной на эксперименте, еще отсутствует. Зародыши естественнонаучного знания входят

в единую нерасчлененную науку древности, в которой господствующее положение занимает философия.

На второй стадии анализа (начиная с эпохи Возрождения) возникает собственно естествознание в качестве самостоятельной науки. При этом происходит быстрая и глубокая дифференциация наук: сначала от ранее единой науки, в которой все отрасли знания возникали и развивались неизменно под эгидой философии, отпочковывается группа математических наук (математика, механика, астрономия); в XVII в. к ним присоединяются физика и химия, затем биология и геология. В XIX в. выделяются общественные науки. Фактически этот процесс сводится к отделению, более того, к прямому отрыву вновь возникающих отраслей естествознания от философии, под господством которой зародыши их находились до тех пор.

Философия, освобождая свой предмет от чуждого ей содержания, начинает развивать свой собственно философский материал; в итоге отпочкование частных наук от философии вовсе не приводит к сужению ее предмета, а как раз наоборот, — к его расширению и углублению.

Так стадия анализа позволила произойти размежеванию между такими существенно различными областями знания, как философия, с одной стороны, и частные науки (естественные и исторические) — с другой, иначе говоря, преодолеть то исторически вынужденное их смешение, которое было типичным в целом для первой стадии познания. В итоге философия получила возможность более строго, по-научному определить свой собственный предмет.

Этот взгляд с полной ясностью изложен в «Введении» к «Анти-Дюрингу». Указав на то, как современный материализм подходит к обществу и природе, — в истории общества он видит закономерный процесс развития человечества, в природе — историю во времени, — Энгельс резюмирует: «В обоих случаях современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная

логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» (1, 20, 24—25).

К этому выводу Ф. Энгельс пришел на основании, во-первых, исторического взгляда на соотношение философии и частных наук и, во-вторых, учитывая результаты распространения второй (аналитической) стадии общего хода человеческого познания на указанное соотношение.

Аналогичный взгляд Ф. Энгельс высказал еще раньше в письме К. Марксу от 28 мая 1876 г. Приступая к критике Дюринга, он писал, что в дюринговской книге по философии в сущности «совсем нет собственно философии — формальной логики, диалектики, метафизики и т. д.; она скорее пытается дать общее учение о науке, учение, в котором природа, история, общество, государство, право и т. д. рассматриваются в некоторой якобы внутренней связи» (1, 34, 14).

Приведенное выше высказывание Энгельса по поводу того, какая проблематика прежней философии еще сохраняет самостоятельное существование, прямо направлено против дюринговского расширительного понимания философии. Нам думается, что это означает, что Ф. Энгельс не считал истинной философией ни натурфилософию, ни социологию, ни онтологию (в смысле учения о бытии «как таковом», помимо отношения к нему субъекта). Та же мысль содержится и в черновом варианте «Введения» к «Анти-Дюрингу», где говорится: «Гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку философия мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе с ней потерпела крушение вся философия. Остались только диалектический способ мышления и понимание всего природного, исторического и интеллектуального мира как мира бесконечно движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Теперь не только перед философией, но и перед *всеми* науками было поставлено требование открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области» (1, 20, 23).

Высказанное Ф. Энгельсом положение не является чем-то случайным, а выражает самую суть его взглядов на научную философию и ее предмет; это подтверждается и тем, что оно встречается в других его философских

произведениях, причем в весьма важной связи. Так в «Диалектике природы» сказано: «Довольствуясь отбросами старой метафизики, естествоиспытатели всё еще продолжают оставлять философии некоторую видимость жизни. Лишь когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скарб — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, исчезнет в положительной науке» (там же, 525).

Подводя итог работы «Людвиг Фейербах...», Энгельс повторяет мысль, что историческая теория Маркса «наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектическое понимание природы делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию... За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика» (1, 21, 316).

Как известно, В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» выразил свое полное согласие с этими положениями Ф. Энгельса. В настоящее время продолжается процесс дальнейшего отпочкования от философии частных наук, которые на этот раз касаются уже не природы и общества, а самого человека, его психической, в том числе мыслительной, деятельности. Так, можно считать, что от философии сейчас отделилась психология и формальная логика (тесно связанная ныне с математической логикой).

В целом же на третьей (синтетической) стадии общего хода человеческого познания между философией как общей наукой и частными науками устанавливается глубокая внутренняя связь и взаимодействие. Философия дает частным наукам общий научный метод познания и выступает в роли *научного мировоззрения*, проникая благодаря этому во все отрасли знания. Частные же науки предоставляют философии конкретный материал, обобщение которого служит делу проверки, развития и обогащения самой философии. Современный материализм, говорит Энгельс, — «это вообще уже больше не философия (в старом смысле слова. — Авт.), а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках» (1, 20, 142).

Так по-разному функционируют философия и естествознание (вообще частные науки) на разных стадиях общего хода человеческого познания.

Периоды и революции в развитии естествознания

Периодизация истории естествознания. Два первых его периода. Ф. Энгельс указывает, что естествознание в качестве самостоятельной систематической науки возникло лишь в эпоху Возрождения: «Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века...» (1, 20, 20), — пишет он. Это значит, что оно могло захватить в своем развитии лишь две последние стадии общего хода человеческого познания — аналитическую и синтетическую. Им соответствовали два первых периода в истории естествознания: *первый*, распространявшийся примерно до конца XVIII в., когда господствовал односторонний анализ и опиравшаяся на него метафизика, и *второй*, захвативший XIX в., когда начал доминировать теоретический синтез и синтетические методы в эксперименте и на их основе в естествознание стала проникать диалектика.

Ф. Энгельс писал в связи с этим: «И в самом деле, если до конца прошлого столетия естествознание было преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченных предметах, то в нашем веке оно стало в сущности *упорядочивающей* наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое» (1, 21, 303). Детищами XIX века называет он такие науки, изучающие процессы, как физиологию, эмбриологию, геологию.

По поводу первого (собирательного) периода говорится подробнее в «Диалектике природы»: «Главная работа в начавшемся теперь первом периоде развития естествознания заключалась в том, чтобы справиться с имевшимся палицо материалом. ...первое место заняло элементарнейшее естествознание — механика земных и небесных тел, а наряду с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование математических методов. ...В конце этого периода, отмеченном именами Ньютона и Линнея, мы видим, что эти отрасли науки получили известное завершение. ...Но что особенно характеризует рассматриваемый период, так это — выработка своеобразного общего

мировоззрения, центром которого является представление *об абсолютной неизменяемости природы*. «Для греческих философов мир был по существу чем-то возникшим из хаоса, чем-то развившимся, чем-то ставшим. Для естествоиспытателей рассматриваемого нами периода он был чем-то окостенелым, неизменным, а для большинства чем-то созданным сразу. Наука все еще глубоко увязает в теологии. ...Коперник в начале рассматриваемого нами периода дает отставку теологии; Ньютон завершает этот период постулатом божественного первого толчка. Высшая обобщающая мысль, до которой поднялось естествознание рассматриваемого периода, это — мысль о целесообразности установленных в природе порядков, плоская вольфовская телеология... Я отношу к этому периоду еще и материалистов XVIII века...» (1, 20, 347—348; 349—350).

Второй период в истории естествознания развернулся в полной мере во второй трети XIX в., когда в естественные науки широким фронтом стала проникать диалектика. «Познание взаимной связи процессов, совершающихся в природе,— писал Энгельс,— двинулось гигантскими шагами вперед особенно благодаря трем великим открытиям...» (1, 21, 303). Это были создание клеточной теории Шванном и Шлейденом (1838—1839), открытие закона сохранения и превращения энергии Робертом Майером (1842—1845) и другими, опубликование Дарвином эволюционной теории в биологии (1859).

Охарактеризовав открытия и методы современного ему естествознания, Энгельс тем самым определяет второй период в развитии естественных наук. «Все эти процессы и все эти методы мышления,— писал он во «Введении» к «Анти-Дюрингу»,— не укладываются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же... такие процессы... лишь подтверждают ее собственный метод исследования. Природа является пробным камнем для диалектики, и надо сказать, что современное естествознание доставило для такой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал и этим материалом доказало, что в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически» (1, 20, 22).

В общем плане «Диалектики природы» это положение записано в качестве исторического введения: «...в естествознании, благодаря его собственному развитию, метафизическая концепция стала невозможной» (там же, 343). В «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу»» гово-

рится: «Но именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» (там же, 367).

Такова характеристика второго периода в истории естествознания. Но вступление диалектики в область естественных наук происходило не в порядке осознанного самими естествоиспытателями процесса, а стихийно, бессознательно, что порождало специфические для того времени трудности, о чем будет сказано ниже. Теперь же следует подчеркнуть, что переход от первого периода ко второму совершался не резко, не сразу, а достаточно длительное время, занявшее примерно три четверти века (с 1755 по 1830 г.). В течение этого времени метафизическое и механистическое мировоззрение в целом еще не рушилось, но в нем пробивались, по выражению Энгельса, одна за другой отдельные «бреши» в результате очередных выдающихся естественнонаучных открытий. «Первая брешь в этом окаменелом воззрении на природу была пробита не естествоиспытателем, а философом,— писал Энгельс.— В 1755 г. появилась «Всеобщая естественная история и теория неба» Канта. Вопрос о первом толчке был устранен; Земля и вся солнечная система предстали как нечто *ставшее* во времени. ...Но что хорошего могла дать философия? Сочинение Канта оставалось без непосредственного результата до тех пор, пока, долгие годы спустя, Лаплас и Гершель не развили его содержание и не обосновали его детальнее...» (1, 20, 350—351).

Следующие две «бреши» Ф. Энгельс характеризует так: «Вторая — геология и палеонтология (Лайель, медленное развитие). Третья — органическая химия, изготовляющая органические тела и показывающая применимость химических законов к живым телам» (там же, 510). Обе «бреши» были пробиты в первой трети XIX в. К этому же времени относится поразительно быстрое развитие химии, которое «со времени Лавуазье и особенно со времени Дальтона разрушало старые представления о природе» (там же, 353). В целом, несмотря на все эти бреши, Энгельс отмечал, что до «конца прошлого столетия и даже до 1830 г. естествоиспытатели более или менее обходились при помощи старой метафизики, ибо действитель-

ная наука не выходила еще за пределы механики, земной и космической» (там же, 519).

Такова периодизация истории естествознания, разработанная Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», «Диалектике природы» и отчасти «Людвиге Фейербахе...»: два периода и переходная полоса между ними, состоящая из ряда последовательно пробиваемых брешей в старом окаменелом метафизическом мировоззрении.

Революции в естествознании. Если каждому периоду в развитии естественных наук отвечает определенная стадия общего хода человеческого познания, то переход от одной стадии к другой и соответственно переход к возникновению естествознания как науки, а затем его переход ко второму своему периоду совершается, по Энгельсу, путем революционного переворота во взглядах ученых на природу. Поэтому научные революции определяют собой пограничные области каждого периода в развитии естествознания, его начальную и его заключительную фазы.

По поводу возникновения естествознания в качестве самостоятельной науки Энгельс писал: «...исследование природы совершалось тогда в обстановке всеобщей революции, будучи само насквозь революционно: ведь оно должно было еще завоевать себе право на существование. ...Революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости... было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил — хотя и робко и, так сказать, лишь на смертном одре — вызов церковному авторитету в вопросах природы. Отсюда начинается свое летосчисление освобождение естествознания от теологии...» (там же, 347).

С гносеологической точки зрения революционный переход от геоцентрического учения Птолемея к гелиоцентрическому учению Коперника состоял в отказе от веры в ту видимость, которая складывалась у людей в результате непосредственного созерцания природы: наблюдая и созерцая непосредственно ее явления и не прибегая к их анализу, люди умозаключали, что Солнце и звезды движутся по небу вокруг Земли как якобы неподвижного центра мироздания. Анализ, проведенный Коперником, особенно в части запутанного движения планет, показал, что все эти отношения надо перевернуть: не Солнце и звезды движутся вокруг Земли, а Земля в качестве одной из планет движется вокруг собственной оси (суточное обращение) и вокруг Солнца (годовое обращение). Нам

только кажется, что мы стоим на месте, а все небесные тела обращаются вокруг нас, тогда как в действительности дело обстоит как раз наоборот. Коперник удачно пояснял свою мысль, ссылаясь на опыт пассажиров, находящихся на палубе корабля, которым кажется, что не они отъезжают от берега, а берег от них, они же стоят на месте.

Точно такая же гносеологическая причина лежала в основе первой химической революции, совершенной в конце XVIII в. Лавуазье, который опроверг теорию флогистона и создал кислородную теорию горения, окисления и дыхания. До тех пор людям казалось, что горение есть распад горящих тел, из которых вырывается некое горючее вещество огня в виде пламени. Так говорила видимость, рожденная в результате непосредственного созерцания химических явлений. Лавуазье же перевернул эти отношения на обратные, доказав путем анализа, что никакого распада веществ при горении не происходит, а происходит соединение горючего вещества с кислородом. Этим он подобно Копернику разрушил веру ученых в видимость и доказал необходимость перехода от непосредственного созерцания к анализу явлений природы.

В «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу»» Ф. Энгельс приводит слова К. Маркса о том, что «у Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно». Вслед за этим Энгельс пишет, имея в виду научные революции, в которых разрушалась вера в видимость, основанная на полном доверии к тому, что дает непосредственное созерцание: «...и в самом естествознании мы достаточно часто встречаемся с такими теориями, в которых действительные отношения поставлены на голову, в которых отражение принимается за отражаемый объект и которые нуждаются поэтому в подобном перевертывании. Такие теории нередко господствуют в течение продолжительного времени. ...в химии флогистонная теория своей вековой экспериментальной работой впервые доставила тот материал, с помощью которого Лавуазье смог открыть в полученном Пристли кислороде реальный антипод фантастического флогистона и тем самым ниспровергнуть всю флогистонную теорию. Но это отнюдь не означало устранения опытных результатов флогистики. Наоборот, они продолжали существовать; только их фор-

мулировка была перевернута, переведена с языка флогистонной теории на современный химический язык, и постольку они сохранили свое значение. Гегелевская диалектика так относится к рациональной диалектике... как флогистонная теория — к теории Лавуазье» (1, 20, 371—372).

Как мы говорили выше, результаты одностороннего анализа в случае его абсолютизации как метода исследования природы логически приводят к метафизическому мировоззрению. Это обстоятельство определило собой основное противоречие всего естествознания первого периода его развития. «Естествознание, столь революционное вначале, — отмечал Энгельс, — вдруг очутилось перед насквозь консервативной природой, в которой все и теперь еще остается таким же, каким оно было изначально, и в которой все должно было оставаться до скончания мира или во веки веков таким, каким оно было с самого начала» (там же, 349).

Это противоречие между революционной по своим устремлениям наукой, ломающей старые воззрения, и застывшей, казалось бы, природой, в которой ничего не должно меняться, было разрешено вступлением естествознания во второй период своего развития. Вся цепь последовательно пробиваемых «брешей» в старом окаменелом мировоззрении представляет собой по сути дела цепь научных революций, направленных на отказ от абсолютизации одностороннего анализа, на его диалектическое дополнение синтезом и шире — на раскрытие «дверей» для проникновения диалектики (с ее идеей всеобщей связи и развития природы) в естественные науки. Наконец, в результате трех великих открытий второй трети XIX в. рушится уже полностью, причем революционным путем, все здание старого метафизического взгляда на природу. Наличие продолжающейся революции в естествознании Энгельс констатировал и в 1885 г. В предисловии ко 2-му изданию «Анти-Дюринга» он писал, что «революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накапливающихся чисто эмпирических открытий, должна даже самого упрямого эмпирика все более и более подводить к осознанию диалектического характера процессов природы» (там же, 13).

Отметим важную особенность энгельсовского взгляда на научные революции: они совершаются не в сфере чи-

сто эмпирических исследований и открытий, а в сфере теоретических обобщений и объяснений фактов, опытных данных. Научная революция состоит в коренной ломке теоретических представлений, методов исследования и мышления, а накопление фактического материала есть лишь предпосылка и подготовка такого рода революционного переворота, совершающегося в области мышления, в сфере понятийных, теоретических построений.

Основное противоречие естествознания XIX в. Пути и способы его преодоления. Основным противоречием современного ему естествознания, носившим резко выраженный характер, Ф. Энгельс называл противоречие между *объективным* содержанием естественнонаучных открытий и теорий, которое полностью подтверждало диалектику природы, и *субъективным* истолкованием этих же открытий и теорий их авторами, мышление которых оставалось в плену у старого метафизического метода. Такое положение явилось результатом того, что остатки метафизического метода, как говорил Энгельс, до сих пор еще крепко сидят в головах (см. 1, 21, 303). Отсюда — противоречие между тем, как мыслили и думали сами естествоиспытатели, и тем, что они на деле осуществляли своими работами. Ссылаясь на приверженность естествоиспытателей к метафизике в понимании случайности и необходимости, Энгельс писал: «В то время как естествознание продолжало так думать, что *сделало* оно в лице Дарвина?» (1, 20, 535).

А суть великого открытия, сделанного Дарвином, состояла в том, как показал Энгельс, что были разрушены старые метафизические взгляды на биологические виды и на необходимость, так что фактически в биологию проникла диалектика. Но это происходило в обстановке, когда сами ученые пытались удержать старый метафизический способ мышления. Такое именно глубокое противоречие и констатирует Энгельс во «Введении» к «Анти-Дюрингу». Он пишет: «Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей» (там же, 22).

В «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу»» разъясняются причины возникновения этого болезненного противоречия. «1848 год, который в Германии в общем ничего не довел до конца, произвел там полный переворот только в области философии. ...Вместе с гегельянством выбросили за борт и диалектику — как раз в тот самый момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли и когда, следовательно, только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из теоретических трудностей. В результате этого снова оказались беспомощными жертвами старой метафизики. ...Конечным результатом были господствующие теперь разброд и путаница в области теоретического мышления. Нельзя теперь взять в руки почти ни одной теоретической книги по естествознанию, не получив из чтения ее такого впечатления, что сами естествоиспытатели чувствуют, как сильно над ними господствует этот разброд и эта путаница, и что имеющая ныне хождение, с позволения сказать, философия не дает абсолютно никакого выхода. И здесь действительно нет никакого другого выхода, никакой другой возможности добиться ясности, кроме возврата в той или иной форме от метафизического мышления к диалектическому» (там же, 368—369).

Следовательно, выход из создавшихся затруднений Ф. Энгельс видел в разрешении основного противоречия естествознания XIX в. путем приведения *формы* мышления ученых в соответствие с *содержанием* самой науки, самих научных открытий. В общем плане «Диалектики природы» сказано: «Возврат к диалектике совершается бессознательно, поэтому противоречиво и медленно» (там же, 343). «Этот возврат,— поясняет Энгельс,— может совершиться различным образом. Он может проложить себе путь стихийно, просто благодаря напору самих естествонаучных открытий, не умевающих больше в старом метафизическом прокрустовом ложе. Но это — длительный и трудный процесс, при котором приходится преодолевать бесконечное множество излишних трений. ...Он может быть сильно сокращен, если представители теоретического естествознания захотят поближе познакомиться с диалектической философией в ее исторически данных формах» (там же, 369).

Сознательное овладение диалектической философией — это тот путь, на который Энгельс «толкает» естествоис-

пытателей всеми своими философскими работами. Он показывает, что для современного естествознания особенно плодотворными в успешном овладении диалектикой являются, во-первых, греческая философия, во-вторых, классическая немецкая философия от Канта до Гегеля, причем на первое место он ставит содержащийся в произведениях Гегеля *обширный комpendium диалектики*.

Эту мысль вкратце Ф. Энгельс повторяет и в предисловии ко 2-му изданию «Анти-Дюринга». Здесь он пишет, что диалектического понимания природы можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру фактов естествознания подойти с пониманием законов диалектического мышления. «Во всяком случае естествознание подвинулось настолько, что оно не может уже избежать диалектического обобщения. Но оно облегчит себе этот процесс, если не будет забывать, что результаты, в которых обобщаются данные его опыта, суть понятия и что искусство оперировать понятиями... требует действительного мышления, которое тоже имеет за собой долгую эмпирическую историю...» (1, 20, 14).

Указывая естествоиспытателям выход из создавшегося внутри их науки гнетущего противоречия, настаивая на необходимости сознательного овладения ими диалектикой, выявляя конкретные пути и способы для достижений этой цели, Энгельс тем самым намечал переход от современного ему периода в развитии естествознания, который можно назвать стихийно-диалектическим, к будущему периоду, сознательно-диалектическому. Но этот последний связывается им с научным коммунизмом. В предисловии ко 2-му изданию «Анти-Дюринга» Энгельс провел следующую параллель: «Натурфилософы находятся в таком же отношении к сознательно-диалектическому естествознанию, в каком утописты находятся к современному коммунизму» (там же, 12).

Практически это означало, что вступить в новый, сознательно-диалектический период естествознание сможет лишь в условиях социалистического общества, что и подтвердил опыт развития науки при социализме. Начинает подтверждаться и предвидение Энгельса, что победивший социализм откроет новую историческую эпоху, в которой «сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор» (там же, 359).

Позднее оказалось, что между стихийно-диалектическим периодом в естествознании XIX в. и сознательно-диалектическим периодом возникла целая переходная полоса, в которой основное противоречие естествознания XIX в. чрезвычайно обострилось и привело к кризису последнего, как особому периоду в его развитии. Некоторые гносеологические причины этого будущего кризиса в виде его предпосылок или зачаточных форм Энгельс отмечал еще в последней четверти XIX в. (роль математических абстракций, релятивизм в связи с частой ломкой гипотез и теорий).

Однако в полном объеме период кризиса естествознания наступил уже после смерти Ф. Энгельса (он был связан с «новейшей революцией в естествознании»), и его анализ впервые был проведен В. И. Лениным.

Такова периодизация развития естествознания, которую дает Ф. Энгельс.

Проблема соотношения материи и движения

Три различных решения проблемы. Следуя за мыслями Ф. Энгельса, мы обнаруживаем три различных, имевших место в истории познания решения этой центральной проблемы как для материалистической философии, так и для естествознания, особенно физики. Каждое из этих решений отвечает определенной стадии общего хода человеческого познания.

На первой стадии (непосредственного созерцания и наивной диалектики) без предварительного анализа, как нечто само собой разумеющееся признается слитность материи и движения, выступающих нерасчлененно, как одно единое движущееся целое. Когда Гераклит, на которого ссылается Энгельс во «Введении» к «Анти-Дюрингу», говорит, что *«все течет, все постоянно изменяется»*, то под этим «все» понимаются все тела природы, все материальное, вся материя. Последняя не мыслится поэтому вне движения, вне изменения.

Такой взгляд сохранился и во времена Гегеля. Энгельс с сочувствием цитирует из гегелевских «Лекций по истории философии»: ««Лучше сказать, что магнит» (как выражается Фалес) «имеет *душу*, чем говорить, что он имеет силу притягивать: сила — это такое свойство, которое, как *отделимое от материи*, мы представляем себе в виде предиката; душа, напротив, есть *это движение самого себя*,

одно и то же с природой материи» (1, 20, 402). Будучи в основном правильным, это признание нераздельности материи и движения (в данном случае магнитного) выражено крайне наивно и предельно неконкретно. Его главная слабость в том, что оно не опиралось на знание отдельных компонентов или сторон данного единства — материи и движения. А такого знания можно было достичь лишь путем расчленения прежде всего изучаемого объекта природы на материю и движение, а затем материи — на различные ее виды с обособлением их друг от друга, а движения — на различные его формы, также с обособлением одна от другой. Это и достигалось на второй стадии общего хода человеческого познания — стадии анализа.

Отчленяя движение от материи и расчленяя его на различные, обособленные между собой виды или формы, ученые XVIII в. пришли к идее превратить каждую *так понимаемую* форму движения в особую невесомую жидкость («флюид»), т. е. в особую «материю». Таким образом возникло представление о теплороде, электрических и магнитных жидкостях, светороде. В других случаях придумывались особые «силы» (вроде «плавательной силы») для объяснения соответствующих явлений природы. И хотя такие метафизические представления были отступлением от правильных в основном первоначальных взглядов на нераздельность материи и движения, тем не менее они позволяли изолировать отдельные области явлений природы от других ее явлений и изучать их более детально, без чего общее утверждение о нераздельности материи и движения повисло бы в воздухе, не будучи подкреплено точным опытным исследованием.

Применительно к изучению теплоты Ф. Энгельс писал: «Первое, наивное воззрение обыкновенно правильное, чем позднейшее, метафизическое. Так, уже *Бэкон* говорил (а после него Бойль, Ньютон и почти все англичане), что теплота есть движение (Бойль уже, что — молекулярное движение). Лишь в XVIII веке во Франции выступил на сцену *calorique* (теплород. — *Авт.*), и его приняли на континенте более или менее повсеместно» (там же, 594). Это изменение взглядов на природу теплоты под влиянием аналитического подхода было несомненно прогрессивным процессом. Например, без представления о теплороде и различных способах его соединения с телами нельзя было тогда объяснить явление скрытого тепла

плавления и парообразования. Представление о теплоте как движении тут ничем не могло помочь в силу своей крайней абстрактности. Эту мысль в одном из первоначально написанных примечаний ко 2-му изданию «Анти-Дюринга» Энгельс высказал так: «Открытие, что теплота представляет собой некоторое молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но если я не имею ничего другого сказать о теплоте кроме того, что она представляет собой известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать» (1, 20, 568).

На третьей, высшей стадии общего хода человеческого познания, стадии синтеза, прежде всего был преодолен разрыв между различными силами природы, превращенными в особые невесомые «материи». Было обнаружено, что все они суть проявления одного и того же единого, сохраняющегося движения, суть различные его формы. Открытый в 40-х годах фундаментальный закон физики гласил, что движение в природе едино, что оно сохраняется количественно, претерпевая качественные превращения по своей форме. Было доказано, что «все так называемые физические силы... переходят при известных условиях друг в друга без какой бы то ни было потери силы...» (там же, 352—353).

Таким образом, было доказано еще раз путем физического исследования положение Декарта о том, что количество имеющегося в мире движения неизменно. «Благодаря этому различные физические силы — эти, так сказать, неизменные «виды» физики — превратились в различным образом дифференцированные и переходящие по определенным законам друг в друга формы движения материи. Из науки была устранена случайность наличия такого-то и такого-то количества физических сил, ибо были доказаны их взаимная связь и переходы друг в друга» (там же, 353).

Но между неразрушимостью движения и его нераздельностью с материей имеется прямая связь: если материя неразрушима и несоздаваема и если движение от нее неотделимо, то оно должно обладать теми же признаками неразрушимости и несоздаваемости, какими обладает сама материя, неотделимая от него. «*Движение есть способ существования материи*, — подчеркивает Энгельс. — Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения. ...Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи. Движение поэтому так же не-

сотворимо и неразруσιμο, как и сама матерпя...» (там же, 59).

Еще раньше это положение выдвинул Гегель в «Философии природы», и Энгельс цитирует это место в «Диалектике природы»: «Подобно тому как нет движения без материи, так нет и материи без движения» (там же, 560).

Итак, по Энгельсу, «движение как таковое, как существенное проявление, как форма существования материи, неуничтожимо, как и сама материя...» (там же, 561), причем «движение, в применении к материи, — это *изменение вообще*» (там же, 563).

В XX в. было найдено новое, более полное физическое выражение нераздельности материи и движения: из частного принципа теории относительности А. Эйнштейн вывел фундаментальный закон, гласящий, что полное количество внутренней энергии какого-нибудь тела равно количеству массы (то и другое в определенных единицах), помноженной на квадрат скорости света. Это означает, что нет и не может быть массы без энергии и энергии без массы, причем определенное количество массы всегда неразрывно связано с вполне определенным, соответствующим количеством энергии, и наоборот. В этом законе нашло свое гораздо более полное физическое выражение, нежели в законе сохранения и превращения энергии, положение о неразрывности материи и движения, поскольку закон Эйнштейна объединил в себе по сути дела и закон сохранения массы вещества, и закон сохранения и превращения энергии, включив их в себя в качестве своих частных случаев.

Достижение синтетической стадии общего хода человеческого познания в решении рассматриваемой проблемы нашло свое отражение в понимании Энгельсом самого предмета естествознания. Об этом свидетельствует его письмо Марксу от 30 мая 1873 г., которое Ленин охарактеризовал как своего рода черновик будущего «**Диалектика в естествознании**. (Энгельс. Ср. Anti-Dühring). [Вроде черняка Anti-Dühring'a]» (3, 150). В указанном письме говорится: «Предмет естествознания — движущаяся материя, телà. Телà неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении... Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть. Поэтому естествознание познает телà, только рассматривая их в отношении друг к другу, в движении. Познание

различных форм движения и есть познание тел. Таким образом, изучение этих различных форм движения является главным предметом естествознания» (1, 33, 67—68).

Эта же мысль тогда же записана Ф. Энгельсом в «Диалектике природы». Ниже она развивается нами в связи с проблемой классификации наук.

Классификация естественных наук по формам движения материи. Проблема классификации наук, как показывает Энгельс, прошла в своем развитии те же три основные стадии, как и самый предмет философии и естествознания. На стадии непосредственного созерцания эта проблема как таковая еще не могла возникнуть, поскольку существовала единая философская наука, включавшая в себя зачатки всех вообще отраслей научных знаний. Структура этой единой науки, ее членение на разделы (например, логика, физика и этика), была зародышем будущей классификации наук.

Классификация наук как проблема возникла с момента, когда на стадии анализа полным ходом развернулся процесс дифференциации наук. Задача состояла в том, чтобы не дать наукам в результате этого прогрессивного процесса распасться на совершенно обособленные друг от друга области знания, а удерживать их все вместе в некоторой общей целостной системе. Этого можно было достичь путем дополнения господствующей тогда тенденции к дифференциации наук противоположной ей тенденцией к их интеграции, хотя бы и слабо выраженной. Так как по самой сути дела науки оставались разорванными звеньями цепи, обособленными между собой, то на стадии анализа их интеграция могла быть достигнута лишь путем их внешнего соединения, подобно нанизыванию отдельных бусинок на общую связующую их нить.

По этому поводу Ф. Энгельс заметил: «Застывший характер старого воззрения на природу создал почву для обобщающего и подытоживающего рассмотрения всего естествознания как единого целого: французские энциклопедисты, еще чисто механически — одно возле другого; — затем в одно и то же время Сен-Симон и немецкая натурфилософия, завершенная Гегелем» (1, 20, 350). В другом месте Энгельс развил эту мысль: «В конце прошлого века, после французских материалистов... обнаружилась потребность *энциклопедически резюмировать* все естествознание *старой* ньютоново-линнеевской школы,

и за это дело взялись два гениальнейших человека — Сен-Симон... и Гегель» (там же, 565).

Но это было уже в преддверии третьей (синтетической) стадии общего хода человеческого познания. И Энгельс обращает внимание на то, что у Гегеля «синтез наук о природе и их рациональная группировка представляют собой большее дело, чем все материалистические глупости, вместе взятые» (там же, 520). Имея в виду «Философию природы» Гегеля, Энгельс поясняет, что «гегелевское (первоначальное) деление на механизм, химизм, организм было совершенным для своего времени. Механизм — это движение масс, химизм — это молекулярное... и атомное движение; организм — это движение таких тел, в которых одно от другого неотделимо. Ибо организм есть, несомненно, *высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию*, так что эту троицу нельзя больше разделить» (там же, 565—566).

Наряду с этим у Гегеля было много искусственности, много натяжек, особенно в тех пунктах, где речь шла о переходах между различными категориями или областями исследования. Поэтому, как данная, его система наук не могла удовлетворить требованиям, отвечающим третьей (синтетической) ступени общего хода познания. Ф. Энгельс писал: «...систематизацию естествознания, которая становится теперь все более и более необходимой, можно найти не иначе, как в связях самих явлений» (там же, 570). Каким образом можно раскрыть эти связи, ему подсказало учение о превращении энергии. Оно охватывало в порядке восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему три основных вида энергии: механическую, физическую и химическую, т. е. те ее виды, которые действуют в неживой природе. Но вне этой системы оставалась вся область живой природы. 30 мая 1873 г. Энгельс сообщил Марксу о том, что он сделал открытие, обобщившее с помощью понятия о формах движения основные виды движения (энергии), действующие в неживой природе, и то движение, которое именуется жизнью (биологическое движение). Это открытие легло в основу плана «Диалектики природы» и выразило главный ее замысел, а вместе с тем в значительной степени определило собой естественнонаучную часть содержания «Анти-Дюринга».

Объединив в одном понятии «формы движения» основные процессы движения, действующие в неживой и живой природе, Ф. Энгельс создал таким образом общую методологическую основу для построения диалектического понимания всей природы в целом. Не случайно позднее в работе «Людвиг Фейербах...» он называет именно такие три великих естественнонаучных открытия, которые касались либо трех основных видов движения (энергии) в неживой природе (закон сохранения и превращения энергии), либо основной характеристики биологической формы движения, начиная от ее простейших структурных проявлений (клеточная теория) и кончая всем процессом ее развития и усложнения, вплоть до его выхода за пределы природы и вступления в область жизни человека (дарвинизм).

При этом движение и все его формы рассматриваются Ф. Энгельсом как органически связанные с материей, нераздельно ей присущие. «Теперь,— писал он,— когда новое воззрение на природу в своих основных чертах готово, ощущается та же самая потребность (энциклопедически резюмировать все естествознание. — *Авт.*) и предпринимаются попытки в этом направлении. Но так как теперь в природе выявлена всеобщая связь развития, то внешняя группировка материала (как это было у Конта. — *Авт.*) в виде такого ряда, члены которого просто прикладываются один к другому, в настоящее время столь же недостаточна, как и гегелевские искусственные диалектические переходы. Переходы должны совершаться сами собой, должны быть естественными. Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой» (1, 20, 565).

Этим определяется, по Энгельсу, «классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения...» (там же, 564). Вместе с тем и по этой именно причине она является классификацией (расположением в ряд) самих форм движения согласно внутренне присущей им последовательности.

Таким образом здесь налицо последовательное проведение диалектико-материалистических принципов классификации наук: во-первых, сами науки рассматривают-

ся как развивающиеся и переходящие одна в другую по восходящей линии (так сказать, момент диалектики), во-вторых, как отражающие собой диалектический характер самого объекта — форм движения материи (момент материализма), причем оба момента выступают в их нераздельности и взаимосвязанности.

В общем плане «Диалектики природы» эта мысль содержится в ссылке на предшественников, а также в приведении самого ряда наук, причем математика поставлена впереди как изучающая количественную сторону и пространственные отношения вещей и процессов: «Связь наук. Математика, механика, физика, химия, биология. Сен-Симон (Конт) и Гегель» (там же, 343).

Так как до тех пор между этими науками проводились резкие разграничительные линии и науки просто прикладывались внешним образом, то области, лежащие между физикой и химией, химией и биологией, почти еще не были изучены. Только область между механикой и физикой — а именно учение о теплоте — получила уже достаточно полную разработку благодаря созданию механической теории теплоты и термодинамики, а позднее — молекулярной теории газов.

Развивая идеи диалектико-материалистической классификации наук, Ф. Энгельс обратил особое внимание на область перехода физических форм движения, прежде всего электрической в химическую и химической — в биологическую. «Понимание этой тесной связи между химическим и электрическим действием, и наоборот, приведет к крупным результатам в обеих этих областях исследования» (там же, 485), — предсказывал он. В другом месте, говоря об *электрохимии*, он отмечал, что и химики и физики «заявляют о своей некомпетентности в месте соприкосновения науки о молекулах и науки об атомах, между тем как именно *здесь надо ожидать наибольших результатов*» (там же, 607).

Предвидение Ф. Энгельса вскоре блестяще подтвердилось благодаря созданию Сванте Аррениусом в 1885 — 1887 гг. теории электролитической диссоциации, на основе которой сложилась физическая химия как наука, переходная между физикой и химией. В XX в. стыковая область между физикой и химией была углублена и расширена в еще большей степени в результате «повейшей революции в естествознании», сочетавшейся с данными

менделеевской периодической системы элементов, а еще позднее — с рождением химической физики.

Представление о переходе от химизма к жизни Ф. Энгельс развил особенно подробно, выдвинув гипотезу происхождения жизни на Земле химическим путем из неорганической природы. Уже в письме Энгельса Марксу от 30 мая 1873 г. выдвинуто положение о том, что химия образует переход к науке об организме. Тогда же Энгельс записал: «...химия подводит к органической жизни, и она продвинулась достаточно далеко вперед, чтобы гарантировать нам, что *она одна* объяснит нам диалектический переход к организму» (там же, 564).

«Когда химия порождает белок,— поясняет Энгельс,— химический процесс выходит за свои собственные рамки... Он вступает в некоторую более богатую содержанием область — область органической жизни. Физиология есть, разумеется, физика и в особенности химия живого тела, но вместе с тем она перестает быть специально химией: с одной стороны, сфера ее действия ограничивается, но, с другой стороны, она вместе с тем поднимается здесь на некоторую более высокую ступень» (там же, 571). По сути дела здесь Энгельс предвидит возникновение биохимии как переходной области между химией и биологией. Это предвидение начало оправдываться уже на рубеже XIX и XX вв. и еще в большей степени позднее, в течение XX в. вплоть до наших дней. Здесь особо важно указать на возникновение биоорганической химии, изучающей биополимеры.

Такова была в общих чертах классификация наук, разработанная Ф. Энгельсом еще до начала его работы над «Анти-Дюрингом». Добавим, что сам Энгельс в статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876) нашел тот пункт в общем ряду переходов различных форм движения друг в друга, где совершается переход от биологической жизни к человеку и социальной жизни и где, следовательно, процесс развития выходит за рамки собственно природы и вступает в область общественной истории.

Специфическая связь между формой движения и ее дискретным материальным субстратом. Развивая дальше и конкретизируя общее положение о том, что движение есть способ существования материи, Ф. Энгельс пришел к новому открытию, что каждая форма движения должна иметь своего особого дискретного материального

носителя, с которым она столь же нераздельно связана, как в общем случае движение нераздельно связано с материей. Это открытие было сделано Энгельсом в ходе работы над первой частью «Анти-Дюринга» («Философия»), оно явилось дальнейшим углублением решения проблемы соотношения материи и движения на синтетической (высшей) стадии общего хода человеческого познания. Вместе с тем оно явилось углублением решения проблемы классификации наук с позиций диалектического материализма.

С новой, расширенной точки зрения более содержательно удалось Ф. Энгельсу осветить *главное* в его классификации наук — переходы между отдельными науками и вскрыть их характер: Энгельс показал, что эти переходы носят характер скачков, перерывов постепенности. В начале главы VII отдела I «Анти-Дюринга» он писал: «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом. Таков переход от механики небесных тел к механике небольших масс на отдельных небесных телах; таков же переход от механики масс к механике молекул, которая охватывает движения, составляющие предмет исследования физики в собственном смысле слова: теплоту, свет, электричество, магнетизм. Точно так же и переход от физики молекул к физике атомов — к химии — совершается опять-таки посредством решительного скачка. В еще большей степени это имеет место при переходе от обыкновенного химического действия к химизму белков, который мы называем жизнью» (1, 20, 66).

Как видим, каждая форма движения определяется через ее материальный дискретный носитель (субстрат): механическая — через массы, физическая — через молекулы, химическая — через атомы, биологическая — через белки. Переходы между науками характеризуются в таком случае как переходы между соответствующими им формами движения, взятыми вместе с их материальными носителями. К этому месту Энгельс во 2-м издании «Анти-Дюринга» намечал сделать примечание, в котором говорится: «Называя физику механикой молекул, химию — физикой атомов и далее биологию — химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую, — следовательно, как существующую между ними связь, непрерывность, так и различие, дискретность обеих» (там же, 567).

С момента, когда указанное открытие, отраженное в «Анти-Дюринге», было сделано, Энгельс говорит о «теории молекулярного движения, физике» и «науке о движении атомов, химии» (там же, 391). В «Анти-Дюринге» же, отмечая нераздельность материи и движения, Энгельс перечисляет: «Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве теплоты или в качестве электрического или магнитного тока (это — неверно, но электроны были открыты только после смерти Энгельса. — Авт.), химическое разложение и соединение, органическая жизнь — вот те формы движения, в которых — в одной или в нескольких сразу — находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент» (там же, 59).

Такой подход был особенно важен для понимания предмета биологии. Ф. Энгельс определяет его через материального носителя биологической формы движения, в качестве какового он называет белок. *«Жизнь есть способ существования белковых тел, — определяет Энгельс, — и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел. ...Повсюду, где мы встречаем жизнь, мы находим, что она связана с каким-либо белковым телом, и повсюду, где мы встречаем какое-либо белковое тело, не находящееся в процессе разложения, мы без исключения встречаем и явления жизни. ...Жизнь, обмен веществ, происходящий путем питания и выделения, есть самосовершающийся процесс, внутренне присущий, прирожденный своему носителю — белку, процесс, без которого белок не может существовать. А отсюда следует, что если химии удастся когда-нибудь искусственно создать белок, то этот белок должен будет обнаружить явления жизни, хотя бы и самые слабые»* (там же, 82—83).

Ф. Энгельс оговаривается, что под белком он понимает вообще протеиновые тела, а под носителем жизни — протоплазму. Но важно то, что данное им определение жизни через ее материальный носитель позволяет, во-первых, конкретизировать процесс вероятного возникновения жизни на Земле, а во-вторых, определяет задачу искусственного получения живой материи. В обоих случаях речь идет об образовании белка как носителя жизни (биологической формы движения) в естественных и искусственных условиях. Относительно первого Энгельс

замечает: «...о возникновении жизни естествознание может пока определенно утверждать только то, что жизнь должна была возникнуть химическим путем» (1, 20, 73). По поводу второго он говорит: «На современной ступени развития науки это означает не что иное, как следующее: изготовить белковые тела из неорганических веществ. Химия все более и более приближается к решению этой задачи... В настоящее время она в состоянии изготовить всякое органическое вещество, состав (строение. — Авт.) которого она точно знает. Как только будет установлен состав (и строение. — Авт.) белковых тел, химия сможет приступить к изготовлению живого белка» (там же, 512—513).

Развивая, углубляя и детализируя свое понимание жизни, Ф. Энгельс приходит к выводу, что может существовать много различных видов белковых тел и что специфические проявления и свойства живого должны быть связаны не с любыми, а со строго определенными видами белков. Так, он пишет в отношении ощущения: «Ощущение связано необходимым образом... конечно, с некоторыми, до сих пор не установленными более точно, белковыми телами» (там же, 81).

Современное естествознание подтвердило правильность субстанционального определения жизни через ее материальный носитель, данного Энгельсом. Но представление о самом этом ее носителе расширилось и уточнилось в связи с открытием решающей роли нуклеиновых кислот (РНК и особенно ДНК) в процессах жизнедеятельности. Однако, поскольку эти кислоты носят не протеиновый (белковый) характер, определение жизни в настоящее время звучит примерно так: *жизнь есть способ существования биополимеров*, которыми охватываются и белки и нуклеиновые кислоты. Возможно, что и это определение жизни будет диалектически «снято» в ходе последующего развития биологических знаний.

Особенно важную роль в последние десятилетия и вообще в XX в. сыграло признание того, что специфические биологические свойства и явления, например наследственность, подобно ощущениям, должны иметь своих специфических, адекватных им материальных носителей. Это положение, прямо вытекающее из приведенного выше рассуждения Энгельса об ощущении, легло в основу современной научной генетики и молекулярной биологии.

Следует добавить, что у Ф. Энгельса есть замечательные высказывания о существовании более мелких, чем атомы, носителей таких физических явлений, как электричество и излучение (свет). Не имея возможности как-либо иначе их назвать, он именовал их условно «частицами эфира». В итоге Энгельс получал ряд дискретных материальных образований (носителей различных форм движения): по нисходящей линии — небесные тела, земные массы, молекулы, атомы, частицы эфира (см. 1, 20, 392) или же по восходящей линии — «атомы эфира, химические атомы, массы, небесные тела» (там же, 608).

В одном из примечаний, готовившихся ко 2-му изданию «Анти-Дюринга», Ф. Энгельс, ссылаясь на мнение химиков и физиков, писал, что атомы «не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества... что атомы обладают сложным составом» (там же, 585). Так, физики утверждали, что мировой эфир, будучи носителем светового и теплового излучения, состоит из очень маленьких дискретных частиц. Выходит, таким образом, что материя расчленена на ряд больших, хорошо отграниченных групп. «Видимая нами звездная система, солнечная система, земные массы, молекулы и атомы, наконец, частицы эфира образуют каждая подобную группу. Дело не меняется от того, что мы находим промежуточные звенья между отдельными группами... Эти промежуточные звенья доказывают только, что в природе нет скачков *именно потому*, что она складывается сплошь из скачков» (там же, 585—586).

Следовательно, Ф. Энгельс предвидел, что рано или поздно должно начаться проникновение науки в субатомную область физических явлений, что должны быть открыты более мелкие, нежели атомы, частицы в качестве носителей световых и электрических явлений. Как раз в год его смерти (1895) было сделано первое из трех великих открытий в физике, положивших начало, как ее назвал Ленин, «новейшей революции в естествознании», раскрывшей двери физикам в области субатомных частиц и микропроцессов.

Так получила широкое, можно сказать всестороннее, развитие в трудах Энгельса проблема соотношения материи и движения.

Итак, мы стремились изложить взгляды Ф. Энгельса на вопросы философии и естествознания в виде некоторой общей концепции, основу которой составляет трактовка Энгельсом последовательных стадий трехфазного хода человеческого познания. С позиции такой общей концепции мы рассмотрели прежде всего взгляды Энгельса на соотношение философии и естествознания в их историческом развитии, результатом которых явилось марксистское определение научной философии, сложившейся («оставшейся») после размежевания философии и естествознания. Далее с тех же позиций мы разобрали проблему периодизации развития естествознания и научных революций в его истории, а в связи с этим и основного противоречия современного Энгельсу естествознания, разрешением которого он занимался. Наконец, все с тех же позиций мы разобрали в историческом плане проблему соотношения материи и движения, из анализа которой, данного Энгельсом, вытекает его классификация наук по формам движения материи, подкрепленная анализом соотношения между формами движения и присущими им их материальными дискретными носителями.

Вполне естественно, что мы не могли охватить всех философских вопросов естествознания, освещенных Энгельсом в трудах «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и других, так как для этого совершенно недостаточно размеров одной главы. Тем более что мы стремились изложить весь материал, как логически развертываемое содержание определенной концепции, рассмотрение которой давало бы возможность в следующих главах этой книги показать диалектику как логику и методологию научного познания и как теорию познания материализма.

Общие проблемы материалистической диалектики как логики

Среди философских проблем, рассматриваемых в «Анти-Дюринге», разработка диалектико-материалистического метода мышления занимает важное место. Связанные с этой проблемой вопросы всегда находились в сфере внимания К. Маркса и Ф. Энгельса, а на известных этапах их деятельности приобретали особое, даже первостепенное, значение, поскольку создание научного метода мышления является необходимой предпосылкой успешного решения проблем, которые выдвигает наука.

Материалистическая диалектика как логика мышления и как теория логики развивалась в самой тесной связи с общим развитием научных исследований марксизма. Ее исходные идеи и принципы, положенные в основу всей научной работы К. Маркса и Ф. Энгельса, были сформулированы ими еще в работах 40-х годов XIX столетия, в период возникновения марксизма. В дальнейшем по мере развития марксизма все более конкретизировалась и материалистическая диалектика как относительно самостоятельная область марксистской теории*.

На протяжении многих лет К. Маркс и Ф. Энгельс совместно вырабатывали свое понимание основных проблем диалектики, обсуждали те или иные конкретные вопросы, связанные с методом научного мышления, с применением диалектики к решению различных теоретических и практических задач.

Изучая переписку основоположников марксизма, В. И. Ленин специально отмечал: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки,— тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии,

* Вопросам истории материалистической диалектики марксизма посвящено большое число исследований в советской философии (см., напр., 56. 43. 35).

с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (2, 24, 264).

В одном из писем Ф. Энгельсу, посланных в период работы над первоначальным вариантом «Капитала» (рукопись 1857—1858 гг. «Критика политической экономии»), К. Маркс, сообщая о ходе своих научных исследований, отмечает: «Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я... вновь перелистал «Логiku» Гегеля... Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» (1, 29, 212).

О своем намерении написать очерк по диалектике К. Маркс говорил и позже (об этом см. 10). И хотя осуществить этот замысел ему так и не удалось, тем не менее, работая над политической экономией капитализма, он создал логику исследования, которая по своему характеру является материалистически переработанной и развитой дальше диалектикой Гегеля*. В рецензии на вышедшую в 1859 г. книгу К. Маркса «К критике политической экономии» Ф. Энгельс специально обратил внимание научной общественности на те новые идеи и принципы, относящиеся к способу научного понимания действительности, которые были разработаны К. Марксом в ходе критики буржуазной политической экономии, и отметил их общенаучное значение. «Маркс был и остается,— писал он,— единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое включает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, ко-

* Исследование логики «Капитала» является одним из важнейших аспектов работы по развитию теории материалистической диалектики, которая проводится советскими философами последние 25 лет.

торый по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» (1, 13, 496—497).

После выхода в свет первого тома «Капитала» в 1867 г. в ряде писем, а также рецензий Ф. Энгельс неоднократно подчеркивает принципиальное философское значение метода исследования, на котором основывается экономическая теория К. Маркса, ставя в связь с этим методом успешное решение сложнейших проблем политической экономии, перед которыми оказалась бессильной классическая буржуазная политическая экономия, не говоря уже о вульгарной политической экономии, получившей широкое распространение как раз в этот период (см. 1, 16, 212; 222—223).

Видимо, уже в 1858 г. у Энгельса зарождается идея, к осуществлению которой он приступил лишь в 1873 г., — написать работу, в которой было бы дано теоретическое обоснование развитого Марксом и им принципиально нового исторического понимания действительности, единого диалектико-материалистического способа объяснения природы и социальной истории.

В самый разгар работы по осуществлению этой идеи Ф. Энгельс пришел к выводу о необходимости соединить ее с разоблачением концепций Е. Дюринга.

О разработке материалистического понимания логических форм мышления

Выступая против всего лучшего, что было создано в философии Гегеля, и прежде всего против его *диалектики*, Е. Дюринг постоянно оказывался, сам того не замечая, рабом всех исторических слабостей гегелевской философии, и в первую очередь идеализма. Рассматривая «мировую схематику», в которой Дюринг пытался «чисто аксиоматически» вывести все «основные формы» бытия, Энгельс приходит к выводу, что эта «мировая схематика» оказывается «бесконечно поверхностной копией с гегелевской логики, с которой она разделяет суеверный предрассудок, будто эти «основные формы», или логические категории, ведут где-то таинственное существование до мира и вне мира, к которому они должны «применяться»» (1, 20, 147).

Между тем такое понимание отношения логических категорий к действительному миру является глубочайшим заблуждением. В противовес этому представлению

Ф. Энгельс доказывает, что «основные формы бытия», логические категории выводятся не «из головы», а «при помощи головы» из самого действительного мира.

Исходным пунктом марксистского понимания мышления является определение его не как субстанции, а как отражения действительности на основе практической деятельности человека, преобразующей предметы действительности в предметы человеческих потребностей. И этот принцип последовательно проводится не только при объяснении содержания мышления и продуктов его деятельности, но и при объяснении всех логических форм и законов, управляющих деятельностью мышления. Всеобщие понятия и принципы, руководящие деятельностью мышления, являются отражением всеобщих законов внешнего мира — природы и человеческой истории. Другими словами, Энгельс развивает материалистическое понимание природы логических форм мышления и логического вообще.

И в этом выражается прежде всего то новое и важное, что вносит марксизм в науку логики и что открывает перед ней совершенно новые перспективы развития. Известно, что прежний материализм исследовал мышление преимущественно со стороны содержания: «Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта...» (там же, 581). Однако, понимая «чувственный опыт» созерцательно, прежний материализм не мог обосновать всеобщий характер логических закономерностей, их известную независимость от конкретного содержания явлений. Поэтому разработка форм мышления оказалась преимущественно в ведении идеализма, который обосновывал принципиальную независимость логических категорий от «чувственного опыта».

Только марксистская философия сумела раскрыть действительную природу всеобщих форм мышления и тем самым преодолеть всякие идеалистические спекуляции по поводу логики мышления и человеческого знания вообще. В этом смысле история логики подтверждает правильность слов Маркса о том, что «историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит

отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент» (1, 13, 43).

В понимании природы логического марксистская философия противостоит как всякого рода идеализму, так и созерцательному материализму, редуцирующему логические закономерности мышления к его предметно-объективному содержанию либо рассматривающему их просто как «естественные» закономерности мышления натуралистически понимаемого человека. Если идеализм принципиально не может объяснить возникновения логических закономерностей мышления (и самого мышления как такового), рассматривая логическое как нечто изначально существующее и даже предшествующее реальному миру, то редукционизм, сводя логическое к предметному содержанию человеческой деятельности, к всеобщим свойствам и закономерностям действительности, утрачивает самое форму логического как такового. Между тем всеобщие законы бытия сами по себе еще не образуют логики мышления, так же как и мышление само по себе еще не есть действительное бытие. Марксистская постановка вопроса позволяет вывести логические закономерности мышления на основе предметно-практической деятельности человека, т. е. понять процесс производства логических категорий в ходе и на основе общественной деятельности людей.

Как отмечает Ф. Энгельс, до возникновения марксистской философии «как естествознание, так и философия... совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» (1, 20, 545).

Именно труд как специфически человеческая форма жизнедеятельности, принципиально отличающая человека от животного, является основанием развития человеческого мышления, всех его форм и закономерностей. Дело в том, что «нормальное существование животных дано в тех одновременных с ними условиях, в которых они живут и к которым они приспособляются; условия же существования человека, лишь только он обособился от животного в узком смысле слова, еще никогда не имелись

налицо в готовом виде; они должны быть выработаны впервые только последующим историческим развитием. Человек — единственное животное, которое способно выбратся благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*» (там же, 510).

Объективным условием реализации этой задачи является наличие понимания сущности тех вещей и процессов, на преобразование которых направлена человеческая деятельность, и эта способность понимания развивается по мере развития (становления) самой человеческой деятельности. Всеобщие определения вещей человек выявляет не путем непосредственного созерцания их, а лишь путем их преобразования в соответствии с человеческими потребностями и их объективными возможностями. Только изменяя окружающий его мир, приспособливая его к потребностям своего существования, человек выявляет, раскрывает действительно всеобщие формы существования предметов, которые становятся формами его собственной деятельности, его логикой, опосредствующей всю конкретно-содержательную деятельность, всегда протекающую в особых, специфических условиях.

Вместе с тем мышление, как и материальная производственная деятельность человека, является продуктом его общественного развития. Поэтому логические закономерности и формы мышления отнюдь не представляют собой некие «естественные», природно обусловленные психологические закономерности, какими они обычно представляются при натуралистическом понимании человека и его мышления, а выступают как общественно развитые формы деятельности и как таковые имеют вполне самостоятельное, не зависящее от отдельного индивидуума существование. Ф. Энгельс замечает в полемике с Дюрингом, что формы знания существуют независимо «от *особого* опыта каждой отдельной личности» (1, 20, 36). В другом месте он говорит, что не является «необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков» (там же, 582).

Точно так же и логические нормы мышления, будучи продуктом общественного развития, выступают по отношению к индивидууму первоначально как нечто внеш-

нее, как продукт развития общественной культуры, который становится законом его личной деятельности лишь по мере того, как он овладевает этой системой требований, формируется по ее образу и подобию. Другими словами, логика существует и развивается в совместной деятельности людей как реальная способность согласовать деятельность, направленную на реализацию своих потребностей и целей, с объективными свойствами и законами вещей, вовлекаемых в сферу человеческой деятельности. Будучи продуктом общественной деятельности, способность мышления в то же время выступает предпосылкой каждого нового цикла деятельности. Гегель был прав, когда говорил, что «обладание самосознательной разумностью, присущее нам, современному миру, не возникло сразу и не выросло лишь на почве современности, а его существенной чертой является то, что оно есть наследие и, говоря точнее, результат работы всех предшествующих поколений человеческого рода» (22, 10).

Осознание социальной природы логических форм, выражающих всеобщие связи действительности, осваиваемой в человеческой деятельности, позволяет правильно понять исторический характер логики мышления и сознательной деятельности человека вообще, раскрыть процесс развития логических форм, положив конец всякой абсолютизации тех или иных ступеней развития логической культуры человечества, неизбежно связанной с идеалистическим пониманием логических законов и категорий как неких «абсолютных» положений, не зависящих от предметного содержания человеческой деятельности, от истории познания и преобразования мира.

С точки зрения марксистской философии законы мышления историчны, как и всякие другие законы человеческой деятельности.

Об историческом характере логики мышления

Известно, что историческое понимание человеческого разума, форм мышления впервые нашло широкое обоснование в философии Гегеля (об этом см. 54). Гегель, в частности, писал: «Созданное каждым поколением в области науки и духовной деятельности есть наследие, рост которого является результатом сбережений всех предшествовавших поколений, святилище, в котором все человеческие поколения благодарно и радостно поместили

все то, что им помогло пройти жизненный путь, что они обрели в глубинах природы и духа... Оно является душой каждого последующего поколения, его духовной субстанцией... и вместе с тем это полученное наследство низводится получившим его поколением на степень предлагаемого материала, видоизменяемого духом» (22, 11).

Марксистская философия развивает дальше идеи Гегеля об историчности «самосознательной разумности», т. е. всех форм мышления человека, освобождая эти идеи от идеалистической оболочки и неизбежно связанной с ней ограниченности.

Первоначально логика мышления общественного человека формируется вполне стихийно. Она вырастает как бы сама собой, просто навязываясь реальной связью предметного содержания, на переработку которого направлена деятельность людей. Но по мере развития этой деятельности, по мере вовлечения в ее сферу все более многообразного и тем самым противоречивого содержания логика как система всеобщих принципов, регулирующая практическую деятельность людей, становится предметом человеческого сознания и даже особого исследования. Поскольку же вопросы, связанные с организацией мышления, сами по себе достаточно сложны и противоречивы, постольку возникает потребность в специальных исследованиях, а значит, в теории, в рамках которой находили бы разрешение исторически выявляющиеся противоречия, присущие деятельности мышления.

Логика как наука и выступает теоретическим решением этих проблем, имеющих в известном смысле практический характер. Люди не только подчиняются определенной логике мышления и сознательной деятельности вообще, не только строят свою индивидуальную деятельность в соответствии с определенными нормативами, но и в известных условиях — а именно когда способ их деятельности приходит в противоречие с ее объективным содержанием и ее результатами — перестраивают те или иные логические нормы, развивают способность мышления в целом. В решении этой задачи философской теории мышления принадлежит далеко не последняя роль.

В силу исторического характера человеческого разума сама логика как наука приобретает исторический характер. «Теоретическое мышление каждой эпохи... — отмечает Ф. Энгельс, — это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и

вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. А это имеет важное значение также и для практического применения мышления к эмпирическим областям... теория законов мышления отнюдь не есть какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль» (1, 20, 366—367).

Дюринг же рассматривал логические законы как нечто вечное и неизменное, совершенно независимое от истории человеческой деятельности. С точки зрения Дюринга, *«подлинные истины вообще неизменны... так что вообще нелепо представлять себе правильность познания зависящей от времени и реальных перемен»* (цит. по: 1, 20, 86).

В соответствии с историческим пониманием мышления, всех форм его деятельности марксистская философия впервые в истории философии — а это стало возможным лишь на основе разработки материалистического понимания форм мышления — поставила задачей логического исследования изучение не только вопроса о том, как производится знание в рамках наличных форм мышления, но и вопроса о том, как человек создает и развивает сами формы мышления, формы производства знания.

Идеализм в понимании логических форм в принципе не может решить эту задачу. Для него не существует вопросов, почему логические закономерности таковые, а не иные, откуда и каким образом возникает само логическое, ибо для него, как мы уже отметили, логика есть изначально данная форма, нечто самостоятельное. И именно поэтому идеализму всегда присуще в той или иной мере не критическое отношение к наличным формам мышления. Как отмечает Ф. Энгельс, ошибка Гегеля состоит в том, что законы и категории диалектики он истолковывает лишь только как законы мышления, он не выводит их «из природы и истории, а навязывает последним свыше как законы мышления. Отсюда и вытекает вся вымученная и часто ужасная конструкция: мир — хочет ли он того или нет — должен сообразоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенной ступени развития человеческого мышления» (там же, 384). Тем самым он изменяет своему же общему историческому пониманию человеческого разума.

Если логические формы рассматривать как нечто принципиально независимое от действительного мира, то вопрос об основаниях определенности содержания логических форм, логики в целом в конечном счете остается без ответа. Идеалистическое понимание логического оказывается в конце концов несовместимым с историческим пониманием его и рано или поздно, но неизбежно приходит с ним в противоречие, ибо на вопрос, почему логика развивается так-то и так, не остается другого ответа, кроме тавтологии «потому, что она так устроена».

С точки же зрения марксистской философии логическое содержание самих форм мышления носит в конечном счете объективный характер, являясь выражением всеобщего содержания объективной реальности, вовлеченной в человеческую деятельность, выражением определенной стороны содержания опыта практической, а затем и теоретической деятельности человека. Отсюда становится понятным, что содержание самих логических форм, т. е. их собственное формальное (категориальное) содержание, а не то содержание, которое вкладывается в эти формы, носит всегда исторический, а не абсолютный характер. Оно ограничено уровнем развития предметной деятельности людей. Но по мере развития человеческой деятельности, по мере освоения человеком и его наукой все нового и нового объективного содержания, существенно отличного от прежнего, должны постоянно развиваться и сами логические формы мышления людей и их предметно-практической деятельности. Границ этому развитию человеческого разума нет.

Теоретическое осмысление исторического развития разума людей выражается в развитии тех всеобщих понятий и принципов, которыми определяется деятельность людей независимо от особенностей ее предметного содержания, т. е. в развитии общего понимания природы объективной реальности, с которой они имеют дело. Мерой развития логики мышления выступает развитие философских категорий.

Мышление всегда опирается на ту или иную предметную (содержательную) логику, осуществляется в рамках тех или иных логических категорий. Однако уровень развития этих всеобщих понятий может быть различным. «...Метафизика (или логика — здесь это одно и то же. — Авт.), — писал Гегель, — есть не что иное, как совокупность всеобщих определений мышления, как бы та алмазная

сеть, в которую мы вводим любой материал и только этим делаем его понятным... все различие между различными уровнями образования сводится к различию употребляемых категорий. Все перевороты как в науках, так и во всемирной истории происходят оттого, что дух в своем стремлении понять и услышать себя, обладать собой менял свои категории и тем постигал себя подлиннее, глубже...» (23, 1, 21).

Конечно, развитие логических категорий мышления не является первопричиной «переворотов в науке, как и во всемирной истории», но в приведенных словах Гегеля хорошо выражена активная роль логических категорий, логики в целом в развитии человеческой культуры, науки и социально-исторической деятельности людей.

Люди должны сознательно относиться к формам своего собственного мышления, обладать способностью в соответствующих условиях «менять» и развивать категории своего мышления, делать их более конкретными и эффективными. Иначе они могут оказаться рабами сложившихся стереотипов мышления, уже утративших свое практическое значение, и не смогут решить те новые, более сложные задачи, которые ставит перед ними жизнь, практика.

Критикуя ученых, пренебрежительно относящихся ко всякой «философии», Ф. Энгельс отмечает: «Естественнопытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно умерших философских систем, либо из крох прослушанных в обязательном порядке университетских курсов по философии (которые представляют собой не только отрывочные взгляды, но и мешанину из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений,— то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, по, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» (1, 20, 524—525).

Вопрос состоит в том, какой логикой руководствоваться в своем мышлении и деятельности вообще, из какого общего понимания действительности исходить? «Вопрос лишь в том,— пишет Энгельс,— желают ли они (ученые, люди. — *Авт.*), чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями» (там же, 525).

Другими словами, задача состоит в том, чтобы сама логика мышления была истинной, наиболее зрелым продуктом развития всей логической культуры человечества.

Известно, что вопрос об истинности форм мышления, логических категорий, опосредствующих деятельность мышления, был впервые поставлен в истории логики Гегелем. «Вопрос об истинности определений мысли,— пишет он,— должен представляться странным обыденному сознанию, ибо кажется, что они содержат истину лишь при применении их к данным предметам и что бессмысленно поэтому спрашивать об их истинности вне этого применения. Но именно этот вопрос и важен» (23, 1, 126). Ставя вопрос об истинности логических определений самих по себе, Гегель видит задачу логики в том, чтобы в ходе критики наличных форм мышления развить более глубокие и конкретные логические категории, на основе которых человеческий разум мог бы успешнее решать стоящие перед ним проблемы.

Развивая это достижение гегелевской логики на основе материалистического понимания мышления, марксистская философия придает большое значение вопросу об истинности логических категорий, устанавливая в отличие от Гегеля точный критерий истинности логических форм. Истинность логики, ее объективность доказывается продуктивностью тех результатов, к которым приходит — при прочих равных условиях — человек, руководствующийся этой логикой, соответствием результатов его мышления его целям и объективной реальности.

С точки зрения марксистской философии развитие логики мышления есть закономерный общественно-исторический процесс, особый аспект общей истории познания, истории развития науки прежде всего. Формы мышления, логические категории, которыми руководствуется наука, представляют собой исторический продукт разви-

тия самой науки, и она в ходе своей истории постоянно перестраивает и развивает не только конкретное содержание своих теорий, но и сами «орудия познания», формы теоретического мышления.

Логика развивается посредством разрешения противоречий между имеющимся способом мышления и реально-предметным содержанием, осваиваемым наукой. Новые логические идеи и принципы выступают как результат разрешения этих противоречий. Переход от одной ступени логического развития к другой отнюдь не является чисто имманентным самостоятельным процессом, — он опосредствован реальной познавательной деятельностью мышления, освоением нового предметного содержания, без конкретного анализа которого нельзя понять и самого процесса развития логики. Логика мышления формируется по образу и подобию внешнего мира, познаваемого через посредство человеческой деятельности, а не на основе каких-то, в принципе обособленных от него, внутренних потенций. Поэтому как факт ее развития, так и сама определенность этого процесса диктуются объективными потребностями познания мира, действительности, тем содержанием, которое раскрывается в предметной деятельности человека.

Понятно, что и само развитие логической теории, в рамках которой осмысливается процесс исторического развития разума людей, протекает в форме полемики различных и даже прямо противоположных теоретических концепций, в противоречиях которых отражаются реальные противоречия развития человеческого мышления. По мере разрешения этих противоречий и развития форм мышления человек расширяет границы своего разума, открывает перед собой новые возможности в познании мира.

Поскольку логика мышления определяется как выражение всеобщего содержания осваиваемой наукой реальности — а это объективное содержание постоянно расширяется и преобразуется, — постольку и анализ развития логических форм и их теоретического обоснования оказывается неотделимым от изучения общей истории научного познания. Примером такого анализа и является работа Ф. Энгельса по вопросам истории и теории диалектики.

Об историческом развитии диалектического способа мышления

Рассматривая историю человеческого познания мира и ее отражение в истории философии, Ф. Энгельс постоянно подчеркивает своеобразие того или иного периода развития знаний, фиксирует его особенности. Известно, что наибольшее внимание уделил он вопросам развития метода мышления в науке и философии Нового времени, а именно возникновению и развитию метафизического метода мышления, его теоретическому обоснованию в философии, и особенно исторической подготовке и формированию диалектического способа мышления.

Диалектика как логика, как способ миропонимания рассматривается Ф. Энгельсом в качестве определенной исторической ступени в развитии логической культуры, с необходимостью вырастающей в науке на определенном этапе ее развития.

«Метафизический способ понимания,— отмечает Ф. Энгельс,— хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса» (1, 20, 21).

Диалектический способ мышления выступит как результат разрешения противоречий, исторически выявляющихся в прежнем способе понимания действительности, как «высшая форма мышления», на основе которой наука оказывается в состоянии конкретно и правильно решить те проблемы, которые остаются принципиально неразрешимыми на основе прежней, метафизической логики мышления.

Диалектика К. Маркса неотделима, с точки зрения Ф. Энгельса, от исторического понимания предмета теоретического мышления. Именно марксизм сумел понять общественные отношения людей в их реальной истории, обосновать и дать конкретный теоретический анализ исторического развития капиталистического способа общественного производства. В этом прежде всего выражается

принципиальное отличие марксистской политической экономики от буржуазной классической политической экономики, для которой было характерным отсутствие анализа развития экономических отношений между людьми, производства этих отношений в человеческой жизнедеятельности.

Аналогичный процесс выработки исторического понимания природы развертывался, хотя и в значительно более медленном темпе, и в естествознании. И именно Ф. Энгельс был первым, кто увидел и сумел правильно оценить глубокое философское значение этого обстоятельства.

Рассматривая историю развития естествознания, особенно периода после Гегеля, Ф. Энгельс главное внимание обращает на изучение того, как постепенно вызревало и оформлялось это принципиально новое понимание природы, опрокинувшее всю прежнюю натурфилософию, и материалистическую, и идеалистическую.

«Как у французов XVIII века, так и у Гегеля господствовало представление о природе, как о всегда равном себе целом, движущемся в одних и тех же ограниченных кругах, с вечными небесными телами, как учил Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил Линней; в противоположность этому представлению о природе современный материализм обобщает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени...» (там же, 24). По мере того как естествознание все больше и больше становится наукой о процессах, о происхождении и развитии предметов и о связи, соединяющей их в одно великое целое, по мере этого появляется и становится все более и более насущной потребность в разработке принципиально нового способа теоретического мышления, адекватного историческому пониманию природы. Ответом на эту объективную потребность и является диалектическая логика марксизма. «Для диалектики... — пишет Энгельс, — существенно то, что она берет вещи и их умственные отражения в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении» (там же, 22).

Принципиальное отличие диалектического способа понимания мира от прежнего, метафизического, состоит не в том, что согласно первому действительность надо рассматривать как находящуюся «в движении», а согласно

второму — как нечто покоящееся. Отличие состоит в том, что при метафизическом способе миропонимания движение рассматривается лишь в рамках одной и той же формы (или небольшого их «набора») существования материи, которые признаются изначально данными и неизменными. При диалектическом же способе миропонимания речь идет о развитии самих форм существования материи и соответствующих им форм движения в рамках единого исторического развития природы.

По мере осмысления природы как единого великого процесса развития наука все более и более начинает интересоваться вопросом о том, как выразить процессы развития объективной реальности в логике понятия в составе научных теорий. А метафизическая логика никакого ответа на этот вопрос дать не может, ибо она не знает и не признает никаких процессов развития природы (и действительности вообще) в точном смысле слова, никакого возникновения одной формы организации материи из другой, качественно отличной от нее, никакого образования высшего из низшего и т. д. и т. п. «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит,— отмечает Энгельс,— сплошными непосредственными противоположностями; речь его состоит из: «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности» (1, 20, 21).

Диалектическая логика принципиально отличается от метафизической формами мышления, логическими категориями, которые она обосновывает. Так же как и метафизика, диалектика пользуется категориями причинности, необходимости и случайности, тождества и различия и т. д., однако ее понимание этих категорий, а потому и способ ее деятельности существенно отличаются от метафизического.

Опираясь на идею саморазвития материи, природы и человеческого общества, диалектика в свою очередь выступает в виде логической экспликации процесса развития, раскрывает его всеобщие формы и законы. В соста-

ве своих понятий она выражает не просто «состояния», функциональную связь элементов в рамках некоего целого, а именно процессы преобразования, развития как отдельных форм существования целого, той или иной системы взаимосвязи, так и образование и развитие самой системы. Само собой понятно, что теоретическое изображение этих процессов включает в себя в качестве своего момента и анализ состояний, «структур» и т. д., но не сводится к ним. Во всех категориях и законах диалектики в том или ином аспекте отражаются процесс саморазвития деятельности и процессы развития ее отдельных форм, выступающие предметом теоретического анализа в той или иной науке. Именно идея развития является важнейшим принципом диалектики, без которого невозможно правильно понять и единство мира, а разработка средств объективно верного воспроизведения процессов развития в понятиях, в научных теориях, т. е. разработка логических категорий диалектического мышления, составляет основную задачу диалектики как науки.

Диалектика, с точки зрения Ф. Энгельса, представляет собой науку «о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» (там же, 145). Другими словами, диалектика как наука разрабатывает единый способ понимания, применимый в любой области действительности — и в сфере анализа природных процессов, и в сфере социальных исследований, и при изучении форм духовной деятельности человека. Законами диалектического мышления выступают объективно-всеобщие закономерности развития реальных процессов, освоенные человеком и превращенные им в формы своей собственной сознательной деятельности, в формы мышления и непосредственно практической деятельности.

С другой стороны, именно потому, что в диалектике, ее категориях и законах выражаются всеобщие формы процесса развития, логике марксизма органически присущ историзм, она нацеливает исследователя и требует от него конкретно-исторического анализа фактов и явлений в их взаимосвязи, генезисе и перспективе.

Важно подчеркнуть, что не философия сама по себе создает диалектику как логику научного мышления. Ее создает и развивает совокупность всех наук в ходе их исторического развития как способ адекватного (истинного) понимания исследуемой ими действительности. Философия же в лице теории диалектики выступает формой

теоретического осознания этого исторического процесса и принимает активное участие в сознательном развитии нового способа миропонимания, в его обосновании и распространении. В этом смысле теория диалектики не просто регистрирует то, что происходит вне ее, а выступает мощным фактором развития, укрепления новой логики мышления, нового способа миропонимания, подвергая критике наличные, но все более и более устаревающие формы мышления, и тем самым выполняет свою специфическую функцию в развитии логической культуры людей, их коллективного разума.

Деятельность Ф. Энгельса по обоснованию диалектико-материалистического метода мышления, по разработке логических категорий диалектики была подчинена одной цели — развитию таких логических средств мышления, на основе которых можно построить объективно верное теоретическое понимание процессов развития реальности. Именно эта цель и придает внутреннюю связь, единство всем его исследованиям в области диалектики.

Обоснование форм диалектического мышления

«...Исследование *форм* мышления, логических категорий, — отмечал Ф. Энгельс, — очень благодарная и необходимая задача, и за систематическое разрешение этой задачи взялся после Аристотеля только Гегель» (1, 20, 555). К этому необходимо добавить, что сам Энгельс — уже на принципиально новой философской основе — провел значительную работу по исследованию форм теоретического мышления, по раскрытию содержания категорий диалектической логики. Его полемика с Дюрингом по конкретным вопросам логики интересна и значительна именно потому, что Дюринг выражал довольно обычные в то время, дошедшие в тех или иных модификациях и до наших дней, представления относительно логических принципов мышления. Но полемика Энгельса с ходячими представлениями по вопросам логики, норм и критериев научности разворачивалась не с какой-то внешней к самой науке позиции, а с точки зрения наиболее глубоких и существенных ее собственных тенденций. Она открывала перед наукой новые возможности продвижения по пути к истине. Метафизические же предрассудки относительно мышления и форм его деятельности все более и более тормозили прогресс науки.

Кроме того, в этой полемике отчетливо выявляется еще один очень важный аспект науки о мышлении. Вопрос о том, как мыслить, какой логикой руководствоваться в решении теоретических и практических задач, имеет не только огромное значение для развития самой науки, но и обнаруживает свою связь с определенными социальными (классовыми) интересами. Не случайно К. Маркс отмечал то обстоятельство, что «в своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (1, 23, 22).

Позиция Ф. Энгельса как по общим, так и по конкретным вопросам логики явилась продолжением и развитием всего лучшего, что было создано в предшествующей истории логики как науки, в первую очередь гегелевской диалектики.

Рассмотрим прежде всего вопрос о «центральном пункте» диалектического способа понимания мира, который Ф. Энгельс определяет следующим образом: «Центральным пунктом диалектического понимания природы (это относится и к пониманию общественной жизни. — *Лвт.*) является уразумение того, что эти противоположности и различия, хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, и что, напротив, их воображаемая неподвижность и абсолютное значение привнесены в природу только нашей рефлексией» (1, 20, 14).

Ф. Энгельс неоднократно возвращается в своих исследованиях к этому центральному пункту диалектического способа миропонимания, или, как он пишет в других случаях, «основному закону диалектики», уточняя и конкретизируя его определение. С нашей точки зрения, было бы неправильно отдавать предпочтение какому-то одному из даваемых Энгельсом определений, ибо все они с разных сторон характеризуют одно и то же, а именно марксистское понимание противоречия как источника и основной формы всякого развития *.

* В «Анти-Дюринге», как и в других теоретических работах, Ф. Энгельс уделяет громадное внимание конкретной разработке «центрального пункта» диалектического способа понимания дей-

С точки зрения Дюринга, «первое и важнейшее положение об основных логических свойствах бытия касается *исключения противоречия*. Противоречивое,—пишет он,—представляет собой такую категорию, которая может относиться только к комбинации мыслей, но никак не к действительности. В вещах нет никаких противоречий, или, иными словами, противоречие, полагаемое реальным, само является верхом бессмыслицы» (цит. по: 1, 20, 122). Выступая против положения диалектики о реальности (объективности) противоречия, Дюринг приписывал ей тезис, согласно которому «чем противоречивее, тем истиннее, или, иными словами, чем абсурднее, тем более заслуживает веры». С точки зрения Дюринга, диалектика вообще есть не что иное, как «мистика», выдаваемая за логику.

В основании всех разглагольствований Дюринга относительно противоречия, отмечает Энгельс, лежит одно простое и на первый взгляд совершенно правильное положение о том, что «противоречие=бессмыслице и что поэтому оно не может существовать в действительном мире» (1, 20, 122). И в самом деле, пишет далее Энгельс, «для людей с довольно здравым в прочих отношениях рассудком это положение может казаться столь же само собой разумеющимся, как и то, что прямое не может быть кривым, а кривое — прямым» (там же, 123).

Все дело в том, что сами представления о противоположностях как абсолютно несовместимых определениях, присущие так называемому здравому смыслу, в том числе и представление о несовместимости прямого и кривого, оказываются правомерными лишь в известных границах, за рамками которых они становятся неправильными. Метафизический метод мышления, получивший теоретическое обоснование в философии, опирался как раз на такое «обычное» понимание вопроса об отношении противоположностей. «Этот способ мышления,—пишет Энгельс,—кажется нам на первый взгляд вполне приемлемым потому, что он присущ так называемому здравому человеческому рассудку. Но здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего

ствительности, анализируя его в разных планах на разном материале и на разных уровнях обобщения. Мы остановимся лишь на некоторых аспектах общего понимания категории противоречия, имея в виду, что по поводу их в литературе существуют различные взгляды и споры.

домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования» (там же, 21).

Опровергая мнение Дюринга о принципах «строго научного» метода мышления, действительная наука, отмечает Ф. Энгельс, давно уже научилась оперировать такими формами мышления, которые обыденному рассудку кажутся совершенно неприемлемыми. Дифференциальное исчисление, например, «вопреки всем протестам здравого человеческого рассудка, приравнивает при известных условиях (т. е. не всегда и не везде. — *Авт.*) прямое и кривое друг к другу и достигает этим таких успехов, каких никогда не достигнуть здравому человеческому рассудку, упорствующему в своем утверждении, что тождество прямого и кривого является бессмыслицей» (там же, 123).

Поскольку же Дюринг как раз и выступает от имени пресловутой «здравой» логики, он постоянно оказывается в противоречии с действительной наукой и выдает за принципы научного мышления свои собственные фантазии. Но так называемый здравый человеческий рассудок является действительно «здравым» лишь в определенных, сравнительно узких границах. Диалектика же как логика мышления формируется на основе выхода науки за рамки этих границ, когда вещи и явления рассматриваются не просто в их внешнем отношении друг к другу, в их обособленности, а в их внутреннем единстве, возникновении, движении и развитии.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что положения диалектики являются не просто заменой норм обычного, метафизического, рассуждения другими — эти нормы вполне уместны в определенных границах, — а именно развитием, обогащением норм мышления соответственно развитию предметной области, с которой мышление имеет дело: «Пока мы рассматриваем вещи как покоящиеся и безжизненные, каждую в отдельности, одну рядом с другой и одну вслед за другой, мы, действительно, не наталкиваемся ни на какие противоречия в них. Мы находим здесь определенные свойства, которые частью общи, частью различны или даже противоречат друг другу, но в этом последнем случае они распределены между различными вещами и, следовательно, не содержат в себе никакого противоречия. В пределах такого рода рассмотрения вещей мы и обходимся обычным, метафизическим способом мышления. Но совсем иначе обстоит дело, ко-

гда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга. Здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия» (1, 20, 123).

Как видно из приведенного отрывка, с точки зрения Энгельса, противоречие, т. е. совмещение (отождествление, синтез) противоположных определений, является объективно правильной формой мышления не всегда, а в строго определенных условиях, когда предметом рассмотрения оказываются не просто отдельные вещи, вырванные из контекста, а именно «взаимосвязь», движение и развитие вещей, целое, в рамках которого только и может быть правильно понята та или иная отдельная «вещь».

Не менее важно отметить и другой момент. Говоря об объективности противоречия, Ф. Энгельс имеет в виду не просто противоречие «между различными вещами», но именно внутреннее противоречие вещи в ней самой.

Внешнее противоречие между различными, самостоятельными вещами признавал и Дюринг. Противопоставляя гегелевской и Марксовой диалектике свое понимание «основных логических свойств» бытия, Дюринг утверждал, что «антагонизм сил», действующих друг против друга, «составляет даже основную форму всякой деятельности в бытии мира и его существ» и, далее, что «это противоборство в направлениях сил элементов и индивидов даже в отдаленнейшей мере не совпадает с абсурдной идеей о противоречиях» (цит. по: 1, 20, 122).

И в самом деле, Дюринг высказал здесь правильную мысль. Сводить учение диалектики о противоречиях к представлению о действии противоположно направленных сил, внешних друг другу и друг от друга не зависящих, действительно было бы верхом вульгаризации диалектического понимания противоречия (именно такого вульгаризированного представления придерживаются ныне маоисты). Если бы оно состояло просто в утверждении того, что иногда вещи, люди и т. д. приходят в столкновение друг с другом, хотя могут столь же и даже более успешно существовать и без этого «столкновения» и друг без друга вообще, то одним из самых выдающихся «диалектиков» был бы несомненно Е. Дюринг. Но он-то и является, по словам Ф. Энгельса, самым банальным метафизиком! Именно потому, что отрицает противоречие вещи «себе самой».

Ф. Энгельс называет противоречием в строгом смысле слова отношение противоположности внутри одного и

того же: «...если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой; то же относится и к выражению этой вещи в мысли. Например, в том, что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между «пребыванием одной и той же» и «изменением», заключается *противоречие*» (там же, 640).

Таким образом, говоря о противоречии вещей самим себе, Ф. Энгельс имеет в виду не случайное столкновение внешних друг другу самостоятельных сил, а внутреннее закономерное отношение противоположных сторон одного и того же. Причем само это «отношение» опять-таки противоположно: оно есть отношение «взаимоисключения» (взаимоотрицания) и вместе с тем взаимообусловленности, взаимоположения и взаимопроникновения. Именно отсюда и возникает движение, преобразование самой «вещи», внутреннее противоречие которой разрешается и в то же время возникает вновь. Противоречие есть деятельное отношение противоположностей внутри одного и того же, а развитие выступает как форма разрешения этого противоречия, заканчивающаяся таким качественно новым состоянием «вещи», при котором в ней уже нет прежнего противоречия.

Развивая диалектическое понимание противоречия, Энгельс выступает против «основного принципа старого (метафизического. — *Авт.*) мировоззрения» — точки зрения «абстрактного тождества ($a=a$ и в отрицательной форме: a не может в одно и то же время быть равно a и не равно a)», показывая на многих примерах из современной ему науки односторонность и ошибочность этого принципа и утверждая в противовес ему, что в реальных объектах и процессах «истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, изменение» (там же, 529; 530).

Совершенно очевидно, что Ф. Энгельс критикует метафизическую трактовку «основных законов мышления», и прежде всего положение традиционной формальной логики о «недопустимости» любых противоречий в мышлении *. Существенно важным в этой критике оказывается

* Ф. Энгельс возражает и против абсолютизации так называемого закона исключенного третьего: «*Hard and fast lines* (абсолютно резкие разграничительные линии. — *Авт.*) несовместимы с теорией развития. ...«Или — или» становится все более и более недостаточным. ...Для такой стадии развития естествознания, где все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов, уже недостаточно старого метафизического метода мышления.

то, что положения, развиваемые Энгельсом относительно «тождества» и «противоречия», в отличие от понимания этих категорий в обычной формальной логике вовсе не являются простой заменой одних представлений другими, одних положений — их абстрактной противоположностью. Эта критика отнюдь не является оправданием произвола в мышлении, некоего абсолютного «права» на противоречие и путаницу. Сами по себе положения прежней логики признаются Энгельсом правомерными, но лишь в определенных границах и условиях. Они лишаются своего абсолютного знания и «снимаются» более развитым, более конкретным пониманием тождества и различия, отрицания и полагания *.

В противоположность Дюрингу, утверждавшему, что всякое противоречие, т. е. совмещение (одновременное признание) противоположных утверждений, есть «бессмыслица», Ф. Энгельс доказывает, что далеко не всякое противоречие есть нечто лишенное объективного значения, т. е. нечто сугубо субъективное. Однако было бы совершенно неверно понимать позицию Энгельса таким образом, будто он считает всякое противоречие в мышлении выражением чего-то действительного и что, чем противоречивее рассуждение, тем оно истиннее. Есть противоречия и противоречия... Ф. Энгельс признает, что бывают и бессмысленные, лишенные объективного значения противоречия, которые в научном мышлении совершенно недопустимы. Ярким

Диалектика, которая точно так же не знает *hard and fast lines* и безусловного, пригодного повсюду «или — или», которая переводит друг в друга неподвижные метафизические различия, признаёт в надлежащих случаях (т. е. не везде и не всегда. — *Авт.*) наряду с «или — или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности, — является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания. Разумеется, для повседневного обихода, для научной мелкой торговли метафизические категории сохраняют свое значение» (1, 20, 527—528).

* Критикуя «законы мышления» традиционной формальной логики, Ф. Энгельс вовсе не отвергает формальную логику вообще (так же как и известную правомерность метафизических категорий). Он выступает лишь против метафизической абсолютизации ее положений, подчеркивая, что когда мы переходим от рассмотрения вещей, изолированных друг от друга, к рассмотрению процессов развития и превращения вещей из одних состояний в другие, то положения формальной логики относительно тождества и различия, противоречия и т. д. (точно так же как и все другие категории прежней «метафизики») снимаются более глубоким, диалектическим пониманием. Именно поэтому действительными законами мышления оказываются законы диалектики, т. е. всеобщие законы развития действительности.

примером такого рода противоречий являются противоречия в сочинениях самого Дюринга. «...Сочинения г-на Дюринга,— с иронией замечает Энгельс,— оказываются принадлежащими к тем «вещам», в которых «противоречивое существует объективно и может быть обнаружено, так сказать, в телесной форме» (1, 20, 126). И эти противоречия отнюдь не являются чем-то «допустимым», с точки зрения Энгельса. На протяжении всей своей работы, разбирая взгляды Дюринга по различным вопросам, он постоянно выявляет внутреннюю противоречивость и нелепость дюринговских концепций. Так, например, Энгельс отмечает, что у Дюринга имеется пять различных, уничтожающих друг друга определений стоимости. В этом вопросе, так же как и в вопросе о прибавочной стоимости, Дюринг не смог ничего создать, кроме путаницы и противоречий — действительно самых нелепых и бессмысленных, несмотря на то что руководствовался «законом» о недопустимости всяких противоречий в «научном» мышлении.

Руководствуясь диалектикой, в частности ее пониманием противоречия, К. Маркс дал блестящее, строго научное решение проблемы стоимости (и прибавочной стоимости) без всякой путаницы. И условием правильного решения этих проблем была самая последовательная критика в адрес метафизической логики мышления, которой руководствовался, в частности, Дюринг в своих запятиях политической экономии.

Но как отличить противоречия путаного мышления от таких теоретических противоречий, в которых выражаются противоречия самой объективной реальности, причем выражаются правильно? Различие выступает вполне отчетливо в ходе конкретно-содержательного анализа теоретических построений, тех или иных рассуждений с точки зрения самого предмета.

Есть противоречия, в которые мышление впадает вопреки своим собственным исходным посылкам и существованию дела и которые обязывают к перестройке всего теоретического построения, и в первую очередь основных, исходных представлений, на которые опирается мышление. И есть противоречия, которые мышление констатирует в самом предмете и из которого оно сознательно исходит, выводя из взаимосвязи сторон его строго последовательно новые теоретические определения предмета, раскрывая его собственное развитие.

В объективном противоречии отношение сторон, как мы уже отметили, не ограничивается простым «и», моментом соединения одного определения с другим, прямо ему противоположным и его исключающим, хотя такой момент и присутствует. В путанице же действительно кроме простого «и», которое при ближайшем рассмотрении оказывается незаконным, само себя упраздняющим, ничего больше нет.

Понятие противоречия в диалектике состоит не просто в утверждении единства, взаимосвязи противоположностей в рамках одного и того же, а в указании характера взаимоотношения различных, противоположных моментов или сторон одного и того же, в раскрытии — в общей форме, разумеется, — способа движения, разрешения противоречий. Структура объективного, диалектического противоречия отнюдь не сводится к утверждению противоположных определений одного и того же. Она состоит именно в развертывании взаимоотношения, необходимой, закономерной взаимосвязи сторон, полюсов противоречия, их преобразования, в результате чего движется и преобразуется то, чему противоречие присуще, т. е. сам предмет.

Понять противоположности в единстве — это значит выразить их закономерное отношение, ибо «единство» противоположностей не абстракция, а реальный процесс, оно реализуется лишь в движении, включая в себя и отрицание и взаимообусловленность сторон в известных пределах. Понять объективное противоречие — это значит проанализировать, раскрыть в теории его собственное движение, т. е. построить теорию развития той реальности, которой данное противоречие присуще. Противоречие — именно потому, что это деятельное отношение сторон одного и того же, — не остается на одном и том же месте, а «разрешается в бесконечном поступательном движении» (там же, 124) согласно своей собственной особенной, конкретно-содержательной природе. Оно определяет внутренне процесс развития той реальности, которой оно присуще, задает направление ее развитию.

Противоречия же, в которые мышление впадает естественным путем, но тем не менее неожиданно для себя и вопреки своим собственным исходным определениям, являются лишь симптомом, первоначальной формой обнаружения реально-объективной противоречивости, формой, которая отнюдь не может быть принята в качестве исчерпы-

вающей и которая должна быть преобразована в форму, соответствующую объективной природе предмета, объективному диалектическому противоречию.

Заметим, что путаница и противоречия Дюринга по поводу стоимости также отражают, в конечном счете, разумеется, но превратно собственную диалектику стоимости, противоречивость ее объективного содержания. Однако это «отражение» ни в коей мере не может быть поставлено на один уровень с Марксовым анализом стоимости, например. Ибо в первом нет никакого понятия, никакой закономерной, внутренне необходимой связи различных определений, а есть просто нагромождение никак не связанных (а лишь совмещенных), разрозненных, взаимоисключающих друг друга определений. Сила Марксовой логики состоит в способности связать воедино различные, противоречивые явления одного и того же, объяснить на основе теоретического принципа объективные факты, по своему непосредственному смыслу противоречащие содержанию теоретического принципа, «отрицающие» его, а потому и представляющиеся с ним несовместимыми.

Вопреки мнению Дюринга позиция диалектики относительно противоречия состоит не просто в «разрешении» мышлению противоречить самому себе, когда ему вздумается, не в оправдании путаницы и не в обосновании приписываемого ей Дюрингом тезиса «чем противоречивее, тем истинней», а в строго научном, объективном, без всякой путаницы анализе реального развертывания объективно реальных противоречий, их развития в новую форму существования реальности.

Говоря о развертывании, разрешении противоречий, их «снятии», диалектика может ограничиться лишь общими, принципиальными соображениями, из которых нельзя, разумеется, объяснить какой-либо конкретный процесс развития, решить тот или иной вопрос, входящий в сферу компетенции специальной науки. Диалектика и не претендует на это. Она сознательно отказывается от того, чтобы давать какие-то универсальные «отмычки» для решения тех или иных конкретных вопросов.

Опровергая Дюринга, который утверждал, будто Маркс выводит конкретно-научные положения (например, тезис о необходимости экспроприации экспроприаторов) из общих философских соображений (из закона отрицания отрицания), Энгельс писал: «Само собой разумеется, что я ничего еще не говорю о том *особом* процессе развития,

который проделывает, например, ячменное зерно от своего прорастания до отмирания плодоносного растения, когда говорю, что это — отрицание отрицания. Ведь отрицанием отрицания является также и интегральное исчисление. Значит, ограничиваясь этим общим утверждением, я мог бы утверждать такую бессмыслицу, что процесс жизни ячменного стебля есть интегральное исчисление или, если хотите, социализм. Именно такого рода бессмыслицу метафизики постоянно приписывают диалектике. Когда я обо всех этих процессах говорю, что они представляют собой отрицание отрицания, то я охватываю их всех одним этим законом движения и именно потому оставляю без внимания особенности каждого специального процесса в отдельности» (1, 20, 145).

Это, однако, не означает, что диалектика не играет никакой роли в конкретно-научном мышлении. Напротив, ее значение, ее функция в конкретно-научном мышлении состоит в том, чтобы давать мышлению вполне определенную общую логическую ориентацию, очерчивать общий характер связи и развития явлений действительности. И если из логики никаких конкретно-научных положений вывести невозможно, то и без логики, без логических категорий диалектики, составляющих основу теоретического мышления, их также вывести невозможно. Без теоретического мышления, «невозможно,— отмечает Энгельс,— связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь. Вопрос состоит только в том, мыслят ли при этом правильно или нет» (там же, 382).

Правильный образ мышления и задается как раз, с точки зрения Ф. Энгельса, категориями диалектики.

Раскрыть процесс развития того или иного конкретного явления, той или иной отдельной формы существования реальности, формы движения материи, можно только в ходе специального научного исследования предмета, его конкретно-особенного содержания. Общие же положения диалектики о противоречии, отрицании отрицания, тождестве и различии и т. д. и т. п., выработанные на основе критического осмысления всего опыта развития науки и философской теории о мышлении, оказывают существенную помощь в организации конкретно-научного исследования, в разработке конкретного способа исследования конкретного процесса развития. «О полном непонимании природы диалектики,— пишет Энгельс,— свидетельствует

уже тот факт, что г-н Дюринг считает ее каким-то инструментом простого доказывания, подобно тому как при ограниченном понимании дела можно было бы считать таким инструментом формальную логику или элементарную математику. Даже формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» (там же, 138).

В отличие от диалектики метафизика отрицает само единство, тождество противоположностей, исключаящих друг друга, тот факт, что противоположности в известных условиях переходят друг в друга, что они суть моменты одного и того же, его саморазличения, поляризации, а не что-то изначально самостоятельное. Само собой разумеется, что все определения диалектики, в которых фиксируется факт перехода (единства) противоположностей, такие, как Марксово определение идеального как материального, пересаженного в человеческую голову и преобразованного в ней, и т. п., представляются с точки зрения метафизики чем-то «путаным» и «недопустимым», чем-то противоречащим нормам «научного» рассуждения. В действительности же в оценках такого рода выражается лишь узость понимания норм и критериев научности, лежащих в основе подобных оценок.

Метафизическое мышление само постоянно оказывается жертвой своих узких логических представлений. Поскольку объективная природа вещей, процессов внутренне противоречива, то метафизика, стремясь максимально полно и связно выразить природу вещей, их взаимосвязь, постоянно впадает вопреки своим собственным принципам в противоречия, выбраться из которых она не может и именно потому, что не владеет категорией объективного противоречия. В результате она оказывается в рабской зависимости от объективной противоречивости вещей и процессов, не может выработать никакого действительно научного их понимания. Выше мы уже приводили слова Ф. Энгельса о том, что метафизическое мышление рано или поздно запутывается в неразрешимых для него противоречиях. А диалектика и выступает как раз единственно разумной формой познания этих противоречий и преодоления их, диалектика открывает перед мышлением

возможность «выпутаться» из тех противоречий, выйти из которых оно не может, оставаясь в рамках метафизической логики.

Подвергая критике узкое понимание логических принципов научного мышления, свойственное метафизике, диалектика освобождает мышление от тех объективно неоправданных ограничений, которые накладывает на него метафизика, делает его способным действительно понять реальный мир, его развитие, из него самого без всякой мистики, овладеть законами его развития и поставить эти законы на службу человеку. «...Точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества (т. е. о развитии действительности вообще, любой ее формы. — *Авт.*), равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем...» (1, 20, 22).

Диалектика является логикой предельно точного, конкретного анализа действительности. Критикуя ограниченность метафизического метода мышления, ограниченность лежащих в его основе форм мышления, диалектика открывает и теоретически обосновывает новые формы развития теоретической мысли, обосновывает правомерность таких ходов мысли, умозаключений, которые с точки зрения прежней логики являются недопустимыми, «неправильными», сохраняя при этом известную правомерность прежней логики, четко очерчивая ее границы. Тем самым диалектика идет навстречу действительным логическим потребностям и запросам науки, способствует развитию человеческого разума.

Истинность диалектики как науки, ее трактовки тех или иных конкретных вопросов логики мышления измеряется продуктивностью рекомендаций, которые она может дать мышлению в отношении того, какими логическими категориями надо руководствоваться в процессе научного исследования, как ставить и решать теоретические проблемы. А условием ответа на поставленные вопросы является исследование реального мира, его общей природы, реально-всеобщих форм и закономерностей его существования.

Ленинский анализ «кризиса физики», данный в «Материализме и эмпириокритицизме», полностью подтвердил и на новом конкретно-научном материале доказал справедливость прогноза Ф. Энгельса о том, что наука постепенно переходит к принципиально новому — диалекти-

ческому — способу понимания мира. Вместе с тем В. И. Ленин отметил сложность, противоречивость этого процесса. Физика «идет к единственно верному методу, — писал В. И. Ленин, — и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм» (2, 18, 332).

Продолжая линию теоретического осмысления науки, ее философских логических основ, развитую в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин конкретно показал, как должна марксистская философия осуществлять союз с естествознанием и наукой вообще, приняв активное участие в разработке тех логических проблем, связанных с диалектикой материи и движения, теории и реальности, абсолютного и относительного и т. д., которые были поставлены всем ходом исторического развития физики.

Союз марксистской философии с наукой носит принципиальный характер, он основывается на заинтересованности обеих в развитии объективной истинности человеческих знаний, в определении путей, которыми можно быстрее и точнее постичь объективную истину. Союз этот не исключает и известной полемики между сторонами по поводу философских проблем развития научного знания, определенных расхождений во взглядах, которые преодолеваются путем более конкретных исследований и от разрешения которых выигрывает как марксистская философия, так и наука.

В современной советской философии, особенно за последние двадцать пять лет, проведена большая работа по разработке теории материалистической диалектики, ее общих и конкретных проблем, связанных с трактовкой логических категорий мышления, с осмыслением философских проблем современной науки. В этой работе советские философы опираются на те принципы исследования мышления, логики научно-теоретического исследования, которые были заложены в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, продолжая эти традиции, ту большую работу, которая была проведена ими по исследованию развития научного мышления с позиций марксистской философии.

Работа над проблемами материалистической диалектики осуществляется в нескольких основных направлениях, которые были со всей четкостью определены в философ-

ском завещании В. И. Ленина — его статье «О значении воинствующего материализма». Это работы по истории диалектики, особенно по диалектике Гегеля и логике «Капитала» К. Маркса, в составе которой гегелевская диалектика получила новую, подлинно научную форму развития; это и работы по философским проблемам современного естествознания, общественных наук; и работы по критике логических концепций современной буржуазной философии. Синтезом всех этих направлений исследований является область общетеоретической разработки проблем диалектики, в составе которой она получает форму, уже не зависящую от того или иного конкретного материала.

В «Анти-Дюринге», так же как и в «Диалектике природы», Ф. Энгельс не ставил перед собой задачи раскрыть категории диалектики в их внутренней систематической связи, дать целостное, синтетическое изложение диалектики как науки, хотя и подчеркивал единство, внутреннюю связь выдвигаемых им воззрений. Все его анализы конкретных проблем диалектической логики, тех или иных всеобщих противоположностей, в которых развивается действительность и ее отражение, органически связаны, подчинены единым принципам и цели, о которой мы говорили выше, — разработке логики конкретно-научного анализа объективной действительности, логики, на основе которой человек мог бы объективно верно постигать процессы развития реальности.

По мере развития исследований в области материалистической диалектики как науки потребность во внутренней систематичности категорий диалектики, всех ее положений становится все более насущной.

Понятно, что если диалектика есть наука, предметом которой являются всеобщие формы и законы развития объективной действительности и ее познания, то и вся система категорий диалектики, ее развертывание должно выражать объективную системность всеобщих определений действительности, логику их развертывания.

С точки зрения диалектики всякая конкретная система явлений, сколь бы сложной она ни была, представляет собой продукт определенного исторического развития, развертывания многообразия ее определений (категорий) и их взаимосвязи. Структура любой системы, связь ее элементов несет в себе историю ее возникновения, подобно тому как структура кристалла — историю его образования.

Поэтому любая пара категорий диалектики не только сама выражает в том или ином аспекте процесс развития, но и ее место в общей системе понятий диалектики, структуре диалектики как науки должно выражать всеобщую объективную логику процесса развития действительности и ее познания. «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы (это относится ко всей действительности в целом. — *Авт.*), — отмечает Энгельс, — находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом» (1, 20, 35—36).

Конечно, систематическая связь явлений, выраженная «в целом» в формах всеобщности, может носить лишь относительно законченный, исторически ограниченный характер. Диалектика, так же как и всякая другая наука, не может претендовать на некую «абсолютную истину в последней инстанции». В отличие от «науки», которую пытался создать Дюринг, все ее представления, так же как и связь этих представлений, историчны по существу.

«Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории, — писал Энгельс, — противоречит основным законам диалектического мышления, но это, однако, отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи с каждым поколением» (там же, 24).

Понятно, что с прогрессом научного познания мира развивается и теория материалистической диалектики, углубляется ее понимание всеобщих определений действительности, общего характера ее развития, что находит выражение как в развитии конкретных категорий диалектики, так и системы категорий в целом.

Категории материалистической диалектики, способ мышления, который она обосновывает, являются ответом на исторически развивающиеся потребности науки в адекватных осваиваемому ею объективному содержанию «орудиях познания». Тем самым материалистическая диалектика выступает как подлинно историческая, постоянно развивающаяся наука, вся проблематика которой, как и характер ее решения, носят принципиально исторический характер. В этом одно из существенных отличий марксистской диалектики от гегелевской, которая, как известно, претендовала на достижение абсолютной истины, окончательное решение всех основных логических проблем.

Материалистическая диалектика как теория познания

Полемика великого мыслителя против ныне забытого мелкого доктринера превратилась в «связное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения» (1, 20, 8). Она стала непреходящим вкладом в сокровищницу марксистских идей также и в области теории познания. В первом отделе «Анти-Дюринга» была впервые в цельном виде изложена гносеология диалектического материализма.

Здесь мы обратим основное внимание на актуальные выводы, вытекающие из книги Ф. Энгельса для марксистско-ленинской теории познания, а также на критику новейших фальсификаторов гносеологических идей «Анти-Дюринга».

Ф. Энгельс рассматривает процесс познания как достигаемое коллективной деятельностью людей и исторически развивающееся отражение в различных его видах и формах, и этот процесс все более ускоряется, в нем все чаще происходят качественные скачки. Ревизионисты и буржуазные марксологи уже не первый год распространяют ложные представления, будто взгляды Ф. Энгельса и К. Маркса на познание были диаметрально противоположными. Согласно этим представлениям, «онтологической» концепции пассивного отражения Энгельса противостояло якобы «антропологическое» учение об активной практике Маркса, причем концепцию диалектики познания Энгельс будто бы заимствовал некритически не то от Гегеля, не то от Шеллинга (см. 105, 15).

Югославский философ П. Враницкий, например, вынужден признать единство философских воззрений Ф. Энгельса и К. Маркса, но выдвигает обвинение в «непоследовательности», ибо у Энгельса якобы «из целостной концепции философии выпала онтологическо-антропологическая проблема» (128, 114) и он ограничился «сциентистской» общеонтологической интерпретацией диалектики как только диалектики природы. Соответственно и проблемы диалектики познания будто бы исключают у Энгельса

из своего состава проблематику социальную, в том числе социально-гносеологическую.

Таким образом, противопоставление Энгельса Марксу проводится в данном случае уже не путем поисков неких мифических противоречий между их взглядами по содержанию, а посредством постулирования аналогичных противоречий между характером принципиальной направленности их интересов, но конечный замысел и результат те же самые.

В работах советских философов эти и подобные им мышления подвергаются последовательной критике. Советские исследователи показывают как внутреннее единство воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса на практику и отражение, так и органическую связь и взаимообусловленность самих этих категорий. Всякая, дающая действительное приращение знаний научная дисциплина в конечном счете «возникла из *практических потребностей людей*» (1, 20, 37), практика есть и источник познания, и его цель, и критерий истинности достигнутых в нем результатов. Познание, как неоднократно указывал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», есть диалектически совершающееся отражение и природы, и общества, и познания. Соответственно научный социализм есть «отражение в мышлении» (там же, 279) основного социально-экономического противоречия буржуазного общества.

«Отражение» и «практика» суть для Ф. Энгельса теснейшим образом связанные категории, и опустить какую-либо одну из этих категорий значило бы существенно исказить действительное понимание Энгельсом процесса познания.

Обратимся к ряду специальных вопросов гносеологии в трактовке их Ф. Энгельсом. Один из них — это вопрос о содержании субъективной диалектики и ее соотношении с формальнологическими структурами мышления.

Ф. Энгельс рассматривает вопрос об отражении объективной диалектики процессов и вещей в субъективной диалектике понятий, суждений и теорий как фундаментальную проблему теории познания. В наиболее общем виде соотношение субъективной и объективной диалектики не есть гегелевское тождество, но оно все-таки может быть охарактеризовано так, что законы познающего мышления и законы объективного мира «согласуются между собой» (там же, 34) и в этом смысле диалектически «тождественны». Но это согласование не абсолютно полно, т. е.

оно никогда не есть абсолютное тождество, и оно включает в себе нечто от специфичности познающего субъекта, а именно его относительную самостоятельность, активность и своеобразие структуры его деятельности в виде, во-первых, практики и, во-вторых, мышления. Поэтому если, с одной стороны, к познанию диалектической структуры фактов объективного мира легче подойти с уже достигнутым «пониманием законов диалектического мышления» (там же, 14), то, с другой — буквальное наложение этих законов на структуру мира приводит к ее субъективизации, а значит, к тому же плачевному результату, к какому приходит чисто субъективное отрицание, оказывающееся обычно «бесплодным» (там же, 641), если с его помощью пытаются осмыслить объективные диалектические отрицания в природе и обществе.

Для того чтобы достигнуть более точного понимания позиции Энгельса в этом вопросе, необходимо проводить различие между двумя аспектами субъективной диалектики, о которых идет речь в «Анти-Дюринге».

Ф. Энгельс часто пишет о субъективной диалектике в наиболее широком смысле, например, тогда, когда он отмечает, что в процессе познания «люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать исчерпывающим образом систему мира в ее совокупной связи, а с другой стороны, их собственная природа, как и природа мировой системы, не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу. Но это противоречие не только лежит в природе обоих факторов, мира и людей, оно является также главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества...» (1, 20, 36).

Но различие между двумя аспектами субъективной диалектики все же намечается достаточно определенно. Во-первых, Энгельс имеет в виду отраженную в содержании мыслительной деятельности субъекта объективную диалектику самих вещей и процессов, при этом присущие объективным явлениям противоречия находят соответственно свое отражение в содержании познающего мышления. «Если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой; то же относится и к выражению этой вещи в мысли» (там же, 640). И вообще «так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение гос-

подствующего во всей природе движения...» (там же, 526).

Во-вторых, имеется в виду субъективная диалектика в смысле специфических диалектических законов процесса отражения. Ф. Энгельс не выделяет этого аспекта субъективной диалектики посредством введения специального термина, но явно имеет именно его в виду, когда пишет в «Анти-Дюринге» о роли и месте понятий, суждений и умозаключений в познании, а также о восхождении от абстрактного к конкретному, о синтезе и анализе, дедукции и индукции, т. е. о формах и приемах отражения, о понятиях и категориях диалектического метода познания. В «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу»» (1878) Ф. Энгельс говорит о «теории законов мышления» (см. там же, 367), в том числе о теории диалектической.

В марксистской философской литературе встречается точка зрения, согласно которой теория объективной диалектики и само ее познаваемое людьми содержание всё полностью входит, включается, так сказать, втягивается в субъективную диалектику как диалектическую теорию мышления. При этом игнорируется различие между формой и содержанием субъективной диалектики, а это различие, как мы только что отметили, дает основание говорить о двух разных аспектах единой субъективной диалектики. Ссылаются на то, что «в учение о мышлении, как отражении внешнего мира в сознании человека, должно входить прежде всего раскрытие предмета отражения» (77, 16), и на основании этой ссылки отрицают само выделение в составе марксистской философии специально методологии и гносеологии как будто бы попытку «искусственного обособления» диалектики познания от диалектики бытия (см. там же, 18); соответственно утверждают *полное* совпадение законов объективной и субъективной диалектики, в силу чего и совпадают науки об этих законах (см. там же, 24). Применяют и тот аргумент, что признание за гносеологией права на относительно самостоятельную область исследования означало бы возрождение «онтологии» как особой дисциплины, а это была бы реставрация «науки наук».

Но ведь «онтология» в марксизме, если уж употребить это слово, означала бы как раз не спекулятивную онтологию в старом смысле слова, а именно разрабатывавшуюся Ф. Энгельсом теорию диалектического развития материального, т. е. объективного мира (развития мира по законам

объективной диалектики), которая по содержанию гораздо шире законов мышления. С другой стороны, надо помнить о специфике мыслительной деятельности, на которую основоположники марксизма не раз указывали. Если субъективная диалектика в смысле отраженной в содержании мышления людей объективной диалектики, согласно учению о соотношении относительной и абсолютной истины, «лишь в асимптотическом приближении» (1, 39, 354), как писал Ф. Энгельс К. Шмидту, отражает диалектику объективную, то тем более это должно быть сказано о субъективной диалектике в смысле логико-диалектических форм познания, а еще более — в смысле научной теории этих форм (см. 24).

Кроме диалектической теории законов мышления имеется и другая, частная теория, а именно формальнологическая, поскольку соответственно имеются собственно формальнологические законы движения познающей мысли. Об отношении Ф. Энгельса к формальной логике имеется немало разных мнений, изображающих, в частности, Энгельса ее принципиальным врагом, сторонником полного отождествления формальной логики с метафизическим методом мышления и т. п. Однако внимательное чтение «Анти-Дюринга» и подготовительных материалов к этому труду приводит к иному выводу по данному вопросу, который затрагивает и очень сложную проблему гносеологического противоречия между диалектическим законом единства и борьбы противоположностей и формальнологическим законом исключения противоречия.

Дюринг вслед за Гегелем растворил объективные связи в мыслительных и истолковал объективную диалектику как диалектику только мышления (что не мешало ему порицать того же Гегеля), и он же, Дюринг, подменил диалектические противоречия формальнологическими. Ф. Энгельс строго различает эти два противоречия и поэтому, защищая диалектику, он в то же время решительно возражает против логической путаницы (см. 1, 20, 71; ср. 2, 34, 338) и порицает Дюринга, между прочим, и за то, что тот в вопросе об общественной и индивидуальной собственности, например, допускает алогические соединения противоположностей (см. 1, 20, 135).

Более того, Ф. Энгельс рассматривает формальную логику, о чем уже было сказано в предыдущей главе, как полезный и необходимый «метод для отыскания новых

результатов, для перехода от известного к неизвестному» (1, 20, 138), в силу чего не только диалектика, но и явно отличающаяся от нее формальная логика «сохраняется» из всего состава прежнего, идущего в общем к концу спекулятивного философствования (см. там же, 25). Но это вовсе не означает, будто, согласно Ф. Энгельсу, формальная логика не есть частная наука, но обязана и впредь, как это было в прошлом, сохранять статус части философии, т. е. стать составной частью философии марксизма. Из всего контекста «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» видно, что Энгельс рассматривает формальную логику как науку, близко примыкающую к теории познания, но все же не составляющую часть последней. Формальная логика в наши дни вполне определилась в своем статусе как специальная частная наука.

Отсюда становится очевидным, что замечание Ф. Энгельса о том, что рассудочное мышление, будучи метафизическим, годится для «домашнего обихода» (там же, 21), а диалектическая логика прорывает «узкий горизонт формальной логики» (там же, 138), буквально может быть приложено не ко всякой формальнологической теории, но только к такой, которая укоренилась в прежней метафизической односторонности или подверглась заново метафизической обработке и интерпретации.

Напомним, что, по Гегелю, «рассудок» может быть не только метафизическим, но и диалектическим: это обстоятельство вытекает из сопоставления гегелевских рассуждений о трех отношениях мысли к объективности с его учением о трех моментах, входящих в состав диалектического метода. Но если так, то употребление Энгельсом термина «рассудочное мышление» никоим образом не может означать, будто совпадение «рассудочной», т. е. формальной, логики с метафизикой есть нечто неизбежное, само собой разумеющееся, вечное и фатальное. В одном из фрагментов «Диалектики природы» прямо говорится о метафизике, но не о формальной логике, что «для повседневного обихода» допустимы не приносящие здесь заметного вреда метафизические категории (см. там же, 528). С другой стороны, не конкретное, а догматическое, шаблонное применение законов самой диалектики, например, закона отрицания отрицания или хотя бы частных диалектических результатов может снова привести к мышлению «на старый ограниченный метафизический лад» (там же, 125).

Эти положения Ф. Энгельса проясняют его действительный взгляд на вопрос о соотношении диалектики познания, формальной логики и метафизики. Согласно этому взгляду, формальная логика должна быть очищена от метафизики и поставлена на службу диалектике как ее подчиненное средство. Таким образом, формальная логика должна применяться диалектически, а диалектика — с использованием формальнологических приемов.

Рассматривая собственно диалектическое учение Ф. Энгельса о познавательном отражении, мы видим, что в «Анти-Дюринге» Энгельс дал классическое изложение марксистского понимания диалектического соотношения относительной и абсолютной истин, внося в это понимание ряд возникших в процессе критики писаний Дюринга новых моментов. К этому изложению обратился В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» в связи с критикой крайнего релятивизма махистов и агностицизма юнстов и кантианцев. К чеканным формулировкам Ф. Энгельса постоянно обращаются марксисты-ленинцы в наши дни, опираясь на них в борьбе против фальшивых построений буржуазных марксологов и ревизионистов, в особенности тех, кто специально обращает свои атаки на теорию отражения и логику марксизма. А в буржуазной философии ныне все большей модой становится клеймить стремление марксистов-ленинцев к проникновению в сущность вещей как ложные попытки «внедриться» в «герменевтические категории», как узколобый «догматизм», вариант «религиозной веры» в абсолют и т. д. Это мы найдем в писаниях И. Фетчера и Ж. П. Сартра, А. Шмидта и П. Фейерабенда, Э. Топича и Г. Г. Гадамера.

Указывая на диалектическое «противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно» (1, 20, 88), Ф. Энгельс разрешает его так, что стороны полученного решения соотносятся диалектически двусмысленным образом: в рамках *единого* взаимоотношения они указывают на различные отношения. Ведь, опираясь на факт бесконечного поступательного движения человечества, наше «человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограниченна, как ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограничено по отдель-

ному осуществлению, по данной в то или иное время действительности» (там же).

Учение о диалектике суверенности (осуществимости) и несуверенности (неосуществимости) полного человеческого отражения было развито Ф. Энгельсом в ходе борьбы как против абсолютистов-априористов типа Дюринга, так и против агностиков-релятивистов кантианского толка. Последнее обстоятельство связано с принципиальными положениями Энгельса о роли практики в процессе познания и об отношении диалектического материализма к понятию «вещи в себе» (см. 75, 193—200). Факт борьбы Ф. Энгельса на два фронта должен быть особо подчеркнут в связи с тем, что ревизионисты 60-х годов XX в. усиленно старались доказать наличие некоей «противоположности» в подходе к данному вопросу у Энгельса и Ленина: если Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» защищает так называемые вечные истины (прежде всего в виде бесспорных констатаций фактов и элементарных всеобщих положений в той или иной частной науке), то Энгельс в «Анти-Дюринге» их будто бы только порицает и высмеивает.

В исследованиях советских ученых по теории познания достаточно убедительно показано, что Ф. Энгельс признавал определенное значение для науки «вечных истин» в виде аналитических суждений и следствий («дважды два — четыре» и др.), констатаций фактов («Наполеон умер 5 мая 1821 года»), элементарных законов природы («человек, лишенный пищи, умрет с голоду»). Энгельс порицал и высмеивал не сами «вечные истины», а Дюринга и всех тех, кто, воспроизводя в современных условиях обветшалые идеи давнишнего рационализма, метафизически и идеалистически утверждал, что все *«подлинные истины вообще неизменны»* (цит. по: 1, 20, 86), а изменяющиеся истины вообще не суть истины. Кроме того, следует иметь в виду, что некоторое, действительно имеющееся различие в направленности полемики у Ф. Энгельса и В. И. Ленина вызвано тем, что перед ними находились различные теоретические противники. С одной стороны, дюрингианский догматизм, ошибочно абсолютизовавший роль «вечных истин» в познании, был опровергнут Энгельсом, а с другой — крайний релятивизм эмпириокритиков, имманентов и иже с ними был подвергнут по данному вопросу сокрушительной критике Лениным как раз в плане доказательства того, что «вечные истины»

в определенном смысле все-таки существуют и они необходимы для успешного перехода «несуверенности» человеческого познания в свою противоположность, т. е. в «суверенность», под которой имеется в виду действительно реализуемая способность успешно познавать существующий мир.

Как Ф. Энгельсу, так и В. И. Ленину были чужды и гипертрофия роли «вечных истин» в познании, и их недооценка. Дело в том, что «вечные истины» трактуются классиками марксизма как особая разновидность не только абсолютной, но и относительной истины, поскольку может оказаться, что они зависят от прежде не учитывавшихся границ их значимости и от некоторых таких ранее не известных фактов, которые вносят определенные коррективы в факты, известные прежде, при условии, что они поддаются коррективам в смысле их уточнения*. «Вечные истины» в общественных науках зависят от характера той исторической эпохи, к которой они прилагаются: в условиях иной эпохи вкладываемый в формулировки этих истин смысл может существенно измениться.

Относительность истин понимается в смысле, во-первых, субъективности собственно «человеческой» их формы, во-вторых, неполноты и, в-третьих, неточности их содержания, а в общем эта относительность проистекает от неисчерпаемости мира и от противоречий процесса познания, в том числе противоречий социального характера. «Вечные истины» трактуются как «чисто» абсолютные нередко именно теми людьми, «кто собирается из факта существования вечных истин вообще сделать вывод, что и в истории человечества существуют вечные истины, вечная мораль, вечная справедливость и т. д.» (1, 20, 91), и они поступают так из идеологических побуждений.

Идеологический характер, замечает Ф. Энгельс, присущ и той иллюзии, будто современность достигла уже всех возможных высот познания (см. там же, 118). Но с фактом двойственного, гносеологического характера «вечных истин», т. е. относительности их «абсолютной вечности», логически связано то положение, что по своей структуре они как относительные истины находятся «между»

* Такие «вечные истины», как суждения, утверждающие существование или несуществование чего-либо, коррективам в смысле уточнения не поддаются: они либо истинны, либо ложны — третьего здесь не дано.

незнанием и полным знанием, будучи именно *истинами*, хотя они, являясь истинами *относительными*, страдают при этом человечески субъективной ограниченностью формы выражения, приблизительностью содержания и общей неполнотой (см. 65, 9—14). Будучи истинами, они не суть соединение, или сумма, истины и лжи (ср. 44, 294—298).

Было бы неверно рассматривать относительные истины как своего рода кентавра, состоящего из двух «частей» — истинной и ложной. Однако при определенных условиях «вечные истины» могут превращаться в противоположность истины, т. е. в ложь. Это обстоятельство в силу своего важного значения для понимания диалектики познания привлекло к себе специальное внимание Ф. Энгельса. В главе IX первого отдела «Анти-Дюринга» мы читаем: «Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность делается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения. А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной» (1, 20, 92).

Далее Ф. Энгельс приводит примеры с физическим законом Бойля — Мариотта и с проблемой истинной морали. Эти примеры указывают на два основных обстоятельства, вызывающих превращение истинного знания в заблуждение, т. е. относительной истины — в ложь (в логическом смысле слова «ложь»), т. е. в неистинность.

Первое обстоятельство — это случаи применения данного положения вне определенных пределов, когда этих пределов не знают или же когда они уже выявлены, но на них не обращают внимания. Нередко так происходит при оперировании законом Бойля — Мариотта об обратной пропорциональности объема газа при постоянной температуре давлению (см. там же, 93). В качестве других примеров можно привести историю отношения теоретиков к аксиоме «целое больше части» в математической теории

множеств и в физической теории микрочастиц, а также к постулату «параллельные линии существуют» в геометрии и к принципу исключенного третьего в формальной логике. Если пределы применения указанных законов, аксиом, постулатов и принципов нарушаются, они просто-напросто становятся ложными.

Второе обстоятельство состоит в забвении точного содержания тех практических запросов и требований, которые заставляют людей прибегать к использованию именно данного утверждения или теории. В этом и состоит, например, собственно гносеологический смысл известного замечания Ф. Энгельса о том, что моральная заповедь «не кради» теряет силу в коммунистическом обществе (см. там же, 95). Это не значит, что при коммунизме «можно» будет красть, дело в том, что это деяние станет тогда бессмысленным. Однако настаивание на важности указанной заповеди, как будто бы абсолютно истинной, окажется уже ложным. Обратимся теперь к примеру уже не из области аксиологических понятий, дабы приведенный пример стал совершенно очевидным и для тех, для кого сама приложимость к ценностным нормам гносеологических, т. е. истинностных, характеристик спорна, так что пример с моральной заповедью их не очень убедил бы. Допустим, что расстояние между жестко установленными двумя деталями монтируемого агрегата, куда входит третья деталь, утверждается равным 432 мм. Очевидно, что, если это утверждение практически используется при дальнейшей сборке уже готовых деталей, тот факт, что действительное расстояние здесь равно 431,7 мм, не существен, так что данное утверждение является относительной истиной. Но если речь идет об изготовлении новой третьей детали взамен, скажем, сломанной, оно, это утверждение, окажется ложным, когда заново изготовленная деталь вследствие допущенной при изготовлении относительно большой ошибки, т. е. существенной неточности, хотя она и составляет всего 0,3 мм, не войдет в оставленный для нее при сборке промежуток. Таким образом и здесь решающим критерием истины является практика.

В ходе анализа проблемы относительной и абсолютной истины Ф. Энгельс указывает на особую диалектическую закономерность процесса изменения соотношения между относительными истинами и теми «вечными истинами», которые более всех прочих «вечных истин» совпа-

дают с абсолютной истиной как ее часть, т. е. носят характер окончательной, пусть частной, истины в последней инстанции. По мере прогресса общественной практики и наук происходит, с одной стороны, увеличение общего объема достигнутых знаний, что не может не повлечь за собой также количественное увеличение доли абсолютного знания, в том числе в составе «вечных истин», в этом объеме. Однако, с другой стороны, само дальнейшее развитие процесса отражения создает себе новые затруднения: исследователи проникают в сферы, все более труднодоступные и упорно «сопротивляющиеся» познанию, а это приводит к тому, что «окончательные истины в последней инстанции становятся здесь с течением времени удивительно редкими» (1, 20, 89). «Удельный вес» их в составе знания если даже и не уменьшается резко, то во всяком случае отнюдь не увеличивается. В наши дни состояние многих наук, например физики, демонстрирует эту ситуацию весьма наглядным образом. Но это не дает серьезных оснований для гносеологического пессимизма: и количественно и качественно наши знания в целом неуклонно возрастают, хотя, может быть, и не во всех своих параметрах ускоренным образом, но ведь мы стоим только в начале бесконечного пути этого возрастания (см. там же, 117).

Среди логиков науки на Западе ныне появились ученые, признающие, что без понятия об относительных истинах теория познания невозможна. Таков Марио Бунге. Но и поныне многие буржуазные теоретики нападают на диалектико-материалистическое учение о восхождении от относительных истин к абсолютным с особенным рвением. Ф. Шмидт, например, объявляет «мистическими» всякие упования на объективное познание, которое по мере своего приближения к абсолютной истине все более успешно обеспечивало бы предвидение и прогнозирование (см. 126, 229—230). П. Фейерабенд издевается над сторонниками объективной истины, содержащей в себе моменты истины абсолютной, заявляя, что они «ныне так же бескритично принимают их (т. е. ученых. — Авт.) суждения о строении мира, как раньше принимались суждения епископов и кардиналов» (100, 108). Фейерабенд отрицает существование относительных истин и славит это отрицание как... «демократизацию» знания, тогда как убеждение в существовании относительных истин «аристократично»: оно «защищает бонз науки от сужде-

ния простых людей» (там же, 110). Ясно, что, по Фейерабенду, лучшим средством «демократизации» познания служит полное невежество и обскурантизм. Во всяком случае он усиленно хвалит тех, кто новым теориям всегда предпочитает обветшавшие старые, любыми средствами их защищая и подновляя.

Подняв демагогический ультра«левый» бунт против объективной истины и создавая своего рода «антифилософию» научного познания*, Фейерабенд отрицает всякую возможность приращения знаний в процессе их исторического развития. Именно с отрицанием этой возможности связывает он свои нападки на учение Ф. Энгельса об объективной истине и изображает тезис о преемственности и поступательном развитии знаний карикатурно-метафизически, как якобы отрицание противоречивого изменения знаний через постановку альтернатив. Он изображает дело так, будто Ф. Энгельс, отстаивая момент преемственности в восходящем развитии знаний, тем самым якобы выступил против... качественных революционных преобразований в содержании наших знаний, т. е. против революций в науках, которые обогащают их истинами в гораздо большей степени, чем постепенные количественные накопления.

И это говорится о великом философе, который много раз указывал на диалектику незнания и знания, а также устойчивости и противоречивой изменчивости (альтернативности) в процессе развития самого знания! О философе, который исследовал диалектику количественных приращений и коренных качественных преобразований знания и потому проявлял живейший интерес к переломным, поистине революционным, периодам в истории наук! Как таким периодам, в которые преемственность знания, несмотря на ломку прежних воззрений, все же во многом сохранялась, так и таким, в которые она, видимо, в значительной мере нарушалась.

И характерно, что те буржуазные логики науки, которые изображают себя рьяными защитниками идеи «научных революций» против Ф. Энгельса, будто бы отрицавшего их, особенно хвалят ультра«левых» нигилистов в гносеологии, которые довели эту самую идею «революционности» в науке до полного абсурда и тем самым ее

* Эту «антифилософию» он изложил в книге, которую озаглавил: «Против метода» (99).

дискредитируют (см., напр., 108, 38). Ультра«левые» гносеологи, призывая к «анархической критике» науки, договорились до того, что открыто провозглашают: «Освободим наше общество от проникнутой сказками науки, которая схватила общество за горло, как наши предки освободили нас от удушающих рук религии!» (99, 116).

Фактически «тотальные анархисты» в теории познания 70-х годов XX в. повторяют зады конвенционалистских и неопозитивистских доктрин 20—30-х годов, согласно которым гипотезы в науках *никогда* не могут превращаться в истинные научные теории: их статус навсегда остается вероятностным, они могут из «предлагаемых» временно стать «принятыми», чтобы позднее оказаться отброшенными и замененными иными гипотезами такого же гносеологического типа, и только. Однако существо знаменитого высказывания Ф. Энгельса в «Диалектике природы» о том, что гипотеза есть форма развития естествознания, коренным образом противоречит таким агностическим установкам: согласно Энгельсу, прогресс науки имеет место тогда, когда происходит не только выдвижение новых гипотез, но также и их подтверждение, которое надежно санкционирует их преобразование в *относительно истинные* теории. Наука прогрессирует тогда, когда возникшие гипотезы превращаются затем в обоснованные теории.

Об исключительной глубине и плодотворности для наших дней теоретико-познавательных прозрений Ф. Энгельса свидетельствуют его соображения о природе математических абстракций. По своей логико-гносеологической структуре последние не сводятся к обобщениям, хотя с аналогий, сравнений и обобщений начинается сложный процесс образования уже таких фундаментальных абстракций, как «число» и «фигура». Но, для того чтобы исследовать пространственные формы и количественные (и вообще структурные) отношения действительного мира «в чистом виде» (чтобы прийти, например, к новейшему понятию числа как класса классов), «необходимо совершенно отделить их от их содержания, оставить это последнее в стороне как нечто безразличное» (1, 20, 37).

Что именно имел в виду Энгельс, когда писал, что «законы, абстрагированные из реального мира, на известной ступени развития отрываются от реального мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное»

(там же, 38), проясняется, когда мы обратимся к материалам из подготовительных работ Энгельса к «Анти-Дюрингу».

Ф. Энгельс имел в виду по сути дела такую важную методологическую операцию, как образование идеализаций с последующей их конкретизацией, а это родственно операциям моделирования и тесно связано со сформулированным К. Марксом в его «Математических рукописях» принципом «оборачивания метода» (см. 50, 152), а также с разрабатываемым ныне советскими учеными на основе этого принципа методологическим приемом введения и последующего исключения символов, отвлеченных и общих понятий. Будучи частным случаем закона отрицания отрицания, действие принципа оборачивания обнаруживается, как это хорошо показано в статье В. С. Черняка «Оборачивание метода и диалектика развития знания» (71), в широком диапазоне гносеологических связей, в том числе в связях между практикой, чувственным и рациональным познанием, между индукцией и дедукцией, анализом и синтезом и т. д. Но более того, указанное Ф. Энгельсом «противопоставление» законов в качестве чего-то самостоятельного реальному миру есть разновидность общей диалектической закономерности «перехода в противоположное», которая в процессе отражения действует чуть ли не на каждом шагу, хотя упорно не замечается естествоиспытателями и философами метафизического склада мышления.

Коль скоро даже и «искаженные» идеи в конечном счете все же суть отражения действительности (см. 1, 20, 629), это тем более должно быть признано применительно к идеализированным абстракциям. При образовании таких абстракций теоретик отвлекается от свойств данного класса объектов, не существенных в некотором определенном теоретически и практически важном отношении (отвлекается от них, но наличия этих свойств не отрицает), тогда как иные свойства, для этого отношения существенные, берутся теоретиком посредством мыслительных преобразований в предельно развитом (в этом смысле — «абсолютном») виде, в котором фактически в реальной действительности они не встречаются и не могут быть найдены. Далее из этих существенных свойств ученый выводит все возможные, но достаточно обоснованные следствия. А те другие свойства, которые также имеются у

данных объектов, но несовместимы с принятием у этих объектов вышеуказанных свойств, взятых посредством идеализации в предельно развитом виде, нацело исключаются теоретиком. Вопрос об учете этих других свойств может встать лишь в будущем, и только после внесения «антиидеализирующих» поправок.

Введение идеализаций уже само по себе означает оборачивание в методе, так как абстракции-идеализации (абсолютно черное тело, идеальный газ, некоторая социально-экономическая формация в абсолютно «чистом» виде и т. д.), а также и идеальные конструкты (например, в математическом анализе дифференциал), в том числе гипотетические (например, в квантовой механике пси-функция), начинают жить самостоятельной жизнью. Они превращаются в исходные «точки отсчета» по отношению к своим материальным интерпретациям, которые могут быть в сопоставлении с ними (интерпретациями) только приближительными. Это аналогично тому, что до операций оборачивания абстракции-генерализации, которые суть, так сказать, предшественницы абстракций-идеализаций, приближительны в сопоставлении их с их материальными конкретными прообразами. Здесь происходит оборачивание самого *направления* соотношения отражаемого с отражающим: то, что в процессах обобщения было отражающим (продуктом отражения), условно рассматривается в процессах идеализации и конструктивизации как отражаемое (объект отражения)!

Поэтому противоположные друг другу направления в исследовании вопроса о соотношении понятий дифференциального исчисления и действительности у К. Маркса в «Математических рукописях» и у Ф. Энгельса в «Диалектике природы» на самом деле не противоречат друг другу, но составляют целостное единство. Энгельс находит для этих понятий приближительные «аналоги», имея в виду, что «математические абстракции имеют безусловную значимость только в пределах чистой математики» (1, 20, 584), а Маркс именно и определяет их точный внутриматематический оперативный смысл. В наши дни математика, как правило, имеет дело не с непосредственными свойствами объективной реальности, а с формализованными моделями, для свойств которых лишь потом находятся приближительные реальные аналоги и примечания (классический пример этому: для групп Ли лишь

после их открытия было найдено применение в квантовой механике).

Следующий акт оборачивания происходит тогда, когда ранее введенные идеализации должны быть исключены, с тем чтобы мы пришли наконец к реальным, в том числе вещественным, результатам. Истоки теоретического осмысления этих операций Марксом в процессе исследования им гносеологических оснований математического анализа рассматривались в СССР еще в 30-е годы XX в. (см. 78, 79). Энгельс, как известно, исключительно высоко оценивал значение «Математических рукописей» Маркса именно в методологическом отношении.

В «Диалектике природы» имеется один фрагмент, написанный Ф. Энгельсом в 1875 г., т. е. всего лишь за несколько месяцев до начала его работы над «Анти-Дюрингом». Роль этого фрагмента для понимания новаторских мыслей Энгельса по методологии науки, с каждым десятилетием ныне более раскрывающихся в полноте своего значения, уже отмечалась в нашей литературе по гносеологии и логике науки (см. 76, 246). Она исключительно велика, и идеи данного фрагмента следует прокомментировать дополнительно.

Ф. Энгельс критикует как «все-индуктивистов» (All-induktionisten), так и «все-дедуктивистов» и вскрывает диалектику связи и взаимодействия индукции и дедукции, в которой обнаруживается, что помимо индукции и дедукции существуют и иные структуры приращения знания. В этой связи Ф. Энгельс обращает внимание на исследования С. Карно в термодинамике. Этот французский физик взялся за проблему превращения теплоты в механическое движение, но «не путем индукции. Он изучил паровую машину, проанализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает *в чистом виде*, а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти безразличные для главного процесса побочные обстоятельства и сконструировал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую, правда, так же нельзя осуществить, как нельзя, например, осуществить геометрическую линию или геометрическую плоскость, но которая оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неискаженном виде» (1, 20, 543—544). В этом интереснейшем высказывании Ф. Энгельса со всей определенностью следует видеть наи-

более яркое предвосхищение им основных принципов теории идеализации.

Обратим при этом внимание на то, что Ф. Энгельс указывает на глубоко диалектический характер отношения между идеализациями и практикой: именно благодаря тому, что идеализации как таковые сами на практике не реализуемы, они обеспечивают приблизительную (но практически как раз достаточно точную) практическую реализацию опирающихся на эти идеализации технических выводов. Таким образом возникает своеобразная ситуация осуществления через его противоположность, т. е. неосуществимость. Осуществление через противоположность достигается тогда, когда ранее введенные идеализации и идеальные конструкты исключаются, заменяясь вещественными результатами.

На примере перехода от дифференциальных формул к результатам их интегрирования Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» характеризует эту общую гносеологическую закономерность в терминах диалектического закона отрицания отрицания, чем еще более подчеркивает ее общезначимость и познавательную эффективность. Он пишет: «...я не просто вернулся к тому, с чего я начал, но разрешил задачу...» (там же, 141).

Если идеальные конструкты выдвигались в свое время как гипотезы, то успешность их исключения (в указанном выше смысле этого термина) есть практическое свидетельство того, что эти гипотезы имеют веское право на статус научных теорий. Недаром гипотеза, по Энгельсу, как мы уже отмечали, есть форма развития естествознания (об этом подробнее см. 95, 182—186). Таким образом, специальный логико-методологический прием идеализации и исключения через конкретизацию (в частных его деталях этот прием относится к компетенции логики науки) в принципе гармонически «вписывается» в рамки общего диалектико-материалистического метода познания, находит в нем свою оценку и обоснование и получает основную характеристику своих подлинных познавательных возможностей. В этой связи подчеркнем и общую идею разрешения Ф. Энгельсом вопросов теории отражения: гносеология не может развиваться далее, если она игнорирует уроки современного развития частных наук.

Мы, естественно, не исчерпали всего богатства плодотворных гносеологических идей, содержащихся в «Анти-

Дюринге», многое остается за пределами этой главы. Однако необходимо указать на то, что Энгельс исследовал вопросы социально-экономической обусловленности познания как исторического процесса (см. 117, 126 и сл.). Ф. Энгельс отметил специфичность отражения в разных областях действительности и зависимость его характера от уровня ранее накопленных знаний. От этого обстоятельства зависит конкретный вид, принимаемый механизмами связи гипотез с подтвержденными научными теориями. Ф. Энгельс создал учение об историко-философском процессе как познавательном восхождении, в рамках которого имеет место не только «взаимоотталкивание», но и сложное взаимодействие между знанием и идеологией, материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой.

Специального анализа требует гносеологическая сторона знаменитого положения Ф. Энгельса о скачке «из царства необходимости в царство свободы» (1, 20, 295), — положения, тесно связанного с диалектикой возрастания роли субъективного фактора и сознательного творчества в истории и обратного воздействия науки и научно обоснованной идеологии на жизнь общества.

Великий автор «Анти-Дюринга» подходил к собственному произведению с диалектических позиций, не делая для него никакого исключения из действия всеобщего гносеологического закона о соотношении относительной и абсолютной истины. Не только огромная личная скромность Ф. Энгельса, но и принципиальная его враждебность к догматизму в науке велили его пером, когда он писал, что «поколения, которым придется поправлять нас, будут, надо полагать, гораздо многочисленнее тех поколений, познания которых мы имеем возможность поправлять теперь» (там же, 87). Но история показала и иное: многие поколения после смерти Ф. Энгельса черпают из его трудов, и в том числе из «Анти-Дюринга», методологические выводы и уроки, которым совсем не грозит судьба быть отброшенными, но которые, наоборот, с каждым новым поколением ученых вновь подтверждают свое значение и обнаруживают свою возрастающую плодотворность при решении новых проблем гносеологии и логики.

Их эвристическая плодотворность чрезвычайно велика в наши дни, в частности, в связи с проводимым марксист-

стами критическим анализом новых течений в логике научного исследования в буржуазных странах. Из исканий И. Лакатоша, пытавшегося «улучшить» попперовский вариант неопозитивизма, а также из разработок представителей так называемой социологическо-эволюционной школы в логике науки Т. Куна, С. Тулмина, П. Фейерабенда и Дж. Агасси, стремившихся этот вариант ниспровергнуть, обнаруживается, что все они, как бы ни подчеркивали различия в своих позициях, не в состоянии сладить с раскрытой Ф. Энгельсом диалектикой единства логического и исторического, а также преемственности и новаторства в развитии науки. Выше уже говорилось о том воинствующем агностицизме, к которому в своей борьбе против учения о движении от относительных истин к абсолютной пришел П. Фейерабэнд.

Т. Кун из этой группы философов науки, пожалуй, наиболее приблизился к диалектическим представлениям о смене плавноеволюционных и революционных периодов в историческом развитии науки, но и он не смог правильно поставить вопрос о познавательном прогрессе научного знания (ему кажется, что признание движения познания к абсолютной истине означало бы вариант идеалистической телеологии) и сделал серьезные уступки им же самым отвергаемому неопозитивистскому конвенционализму, поставив в гносеологическом плане совершенно на одну доску переход от аристотелевской картины мира к галилеевской с переходом от физики Ньютона к физике Эйнштейна (см. 111, 95; 102; 172). Для Куна оба перехода в равной мере означают смену «убеждений» и не более того. Кун — «антикумулятивист», он в принципе отрицает приращение знаний на значительных отрезках развития наук. Между тем Энгельс существенно отличал разрыв химии с алхимическими представлениями или астрономии — с астрологическими от качественных скачков в развитии собственного химического и астрономического знания.

Отрицание объективной истинности содержания наук, проводимое большинством современных буржуазных философов и логиков науки, значительно деформирует понимание ими целей научного познания и заводит их в тупик. Они повторяют в новой концептуальной и терминологической форме те старые метафизические заблуждения, против которых решительно выступил Ф. Энгельс

еще сто лет назад. Конечно, в теории отражения и логике науки есть ныне и такие проблемы, которые в 70-е годы XIX в. не стояли на первом плане, а тем более в столь детализированном виде, как они стоят ныне (например, проблема соотношения подтверждаемости и опровергаемости научных теорий). Но и для их решения имеют незаменимое эвристическое значение те методологические принципы, которые были выдвинуты и развиты в свое время гением Ф. Энгельса.

Проблемы диалектики как метода познания

В «Анти-Дюринге» классически четко и развернуто сформулированы основные положения материалистической диалектики как философского метода исследования, имеющего общенаучное значение. Ряд принципиальных тезисов Ф. Энгельса, относящихся к диалектической интерпретации процесса познания, обнаруживают особую актуальность именно в настоящее время в связи с современными дискуссиями по проблемам гносеологии и методологии науки. На первый план выступает органическая связь методологии научного познания и собственно гносеологии на основе целостного диалектико-материалистического понимания мира и метода исследования его развития.

Прежде всего обратим внимание на акцентирование Энгельсом принципиального, качественного отличия понимания проблем, задач и методов марксистской методологии и гносеологии от того, что в этом отношении имело место в прежней классической буржуазной философии.

Сам термин «теория познания» (гносеология, эпистемология) появился в философии в 1854 г., ввел его впервые шотландский философ Дж. Ферьер. А в широкий оборот он был пущен лишь в конце XIX — начале XX в. в первую очередь неокантианцами, которые сводили почти всю философскую проблематику к теоретико-познавательной.

Во время написания «Анти-Дюринга» термин этот был еще мало распространен, Ф. Энгельс нигде им не пользуется, и теоретико-познавательная проблематика исследуется им в связи с анализом других философских вопросов. Даже спустя 35 лет после публикации классической работы Ф. Энгельса В. И. Ленин, уделявший много внимания проблемам теории познания, отмечал сравнительную новизну самого термина, обращая внимание на то, что материалистическая диалектика «включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией» (2, 26, 55).

Однако, хотя соответствующий термин появился сравнительно поздно, проблемы теории познания исследовались по существу с момента возникновения самой философии, и к середине XIX в. в буржуазной философии сложились казавшиеся общепринятыми особые традиции и способы анализа этих проблем.

Два основных противостоящих друг другу направления в теории познания (как и в философии в целом) — это материализм и идеализм. Классическая формулировка основного вопроса философии, разные решения которого характеризуют материалистическую и идеалистическую линию в философии, была дана Энгельсом почти десятилетие спустя после написания «*Анти-Дюринга*» в работе «*Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*». Однако уже и в «*Анти-Дюринге*» Энгельс исходит из принципиальной несовместимости материализма и идеализма.

При всем различии существовавших в домарксистской философии подходов к решению вопросов теории познания общепринятым было мнение о том, что специфически философская задача в исследовании процесса познания состоит в нахождении путей обоснования знания, т. е. в нахождении таких критериев, которые позволяют точно и строго отделить, отграничить знание от не-знания (или от «мнения»), знание достоверное от знания не-достоверного, определить степень достоверности и обоснованности знания и т. д. Решение последней задачи в свою очередь искали на пути выявления таких статических элементов знания, достоверность и истинность которых является как бы самоочевидной. Последние могут служить фундаментом всей системы знания, к которым эта система посредством разного рода логических связей может быть так или иначе сведена.

Сторонники эмпиризма выделяют ощущения, чувственные восприятия в качестве таких элементов, которые генетически предшествуют всему остальному знанию и служат обоснованием истинности результатов познавательного процесса. Из взаимодействия ощущений якобы можно понять образование знания подобно тому, как из взаимодействия атомов можно понять образование всех природных тел. В свою очередь рационалисты, начиная с Декарта, пытаются уподобить истины, лежащие в основе всякого знания и якобы обосновывающие сами себя, «ясным и отчетливым» математическим аксиомам. Та-

кое фундаментальное самообосновывающее утверждение Декарт усмотрел в положении: «мыслю, следовательно существую»; и многие последующие идеалистические системы кладут в основу своих как теоретико-познавательных, так и онтологических положений тезис о самодостоверности Я.

Классическая немецкая философия отличалась от предшествующей тем, что в ней впервые решение проблем теории познания было поставлено на историческую почву, была разрушена метафизическая стена между знанием и незнанием, истиной и заблуждением и т. д. Вместе с тем нельзя упускать из виду и то, что наследие предшествующей буржуазной философии в самом понимании проблемы обоснования знания не полностью преодолено даже в немецком диалектическом идеализме. Это и не могло произойти, поскольку эта философия оставалась идеалистической. Для Канта высшим основоположением системы знания является трансцендентальное единство самосознания, выражающееся в акте сознания: «я мыслю». Правда, для Гегеля истинным обоснованием знания является сам процесс диалектического, исторического развития системы знания. Это понимание было существенным шагом вперед. Но и для Гегеля процесс развития знания носит характер некоей замкнутой в себе целостности, в которой конец совпадает с началом, в силу чего развитие оказывается как бы predetermined, причем основу его образует опять-таки самообоснование абсолютного духа, достигаемое посредством самосознания и самопознания. В системе «абсолютного знания», по Гегелю, и осуществляется подлинное основание всякого знания.

Другая характерная черта теоретико-познавательных построений классической буржуазной философии — ориентация на анализ познавательных процессов отдельного Я, индивидуального субъекта (гносеологическая «робинзонада»). Для метафизического материализма этот индивидуальный субъект понимается как природное существо, с природой данными познавательными способностями, существо, включенное в цепь естественных взаимодействий (где общество тоже представляется частью природы). Для идеализма основу познающего субъекта образует чисто духовная субстанция, которая мыслится в качестве некой законченной, замкнутой в себя «идеальной вещи».

Лишь классическая немецкая идеалистическая философия осуществляет прорыв этого ограниченного метафизического горизонта. По Канту, в основе всякого индивидуального, или эмпирического, *Я* лежит трансцендентальное, над-индивидуальное *Я*. Гегель показывает в «Феноменологии духа», что всякий индивидуальный познавательный акт лишь постольку может быть признан познанием, поскольку он приобщен к всемирно-историческому процессу познания, осуществляемому всем человечеством.

Вместе с тем, и по Канту, и по Гегелю, коллективность познавательного процесса обеспечивается не столько реальным взаимодействием реальных, конечных, эмпирических индивидов, сколько тем, что каждое индивидуальное сознание именно в силу того, что оно является сознанием, как бы изначально выходит за свои собственные индивидуальные границы и приобщено к над-индивидуальному субъекту (трансцендентальному субъекту Канта или абсолютному субъекту Гегеля). Таким образом, и в классическом немецком идеализме по существу сохраняются элементы индивидуалистического понимания познавательного процесса, поскольку и в этом случае каждый отдельный субъект несет в себе если и не актуально, то потенциально все черты той деятельности, которую мы называем специфически познавательной, а сам объективный дух понимается в сущности по аналогии с индивидуальным субъектом.

Следует заметить, что обрисованное понимание существования проблем теории познания, разделявшееся представителями буржуазной философии до Маркса (и лишь отчасти поколебленное классическим немецким идеализмом), в общем и целом характеризует и современную буржуазную философию. Достаточно сказать, что поиски неизблемых, абсолютно достоверных элементов знания характеризуют как претенциозную неопозитивистскую программу эмпирического обоснования научного знания, так и разрабатывавшиеся в рамках философии логического эмпиризма системы индуктивной логики. С другой стороны, попытка выявить специфические характеристики знания на пути анализа индивидуальных познавательных процессов (начиная от исследования индивидуальных «чувственных данных» и кончая обсуждением логического характера индивидуального самоотчета: «знаю ли я, что я это знаю?»), до сих пор интенсивно

предпринимающаяся в современной западной философии как специалистами по «лингвистическому анализу», так и представителями современной феноменологии, привели к целому ряду теоретико-познавательных тупиков (вроде, например, проблемы отношения моего индивидуального Я и «другого сознания»).

Необходимо особо подчеркнуть, что в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс со всей ясностью и четкостью дает понимание самого характера проблем теории познания и путей их научной разработки, которые специфическим образом выделяют марксистскую гносеологию из всех домарксистских и немарксистских попыток решения этих проблем. Конечно, основы диалектико-материалистического решения вопросов теории познания были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в 40-е годы в таких трудах, как «К критике гегелевской философии права», «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Святое семейство», «Тезисы о Фейербахе» и «Немецкая идеология». основополагающие принципы теории познания и диалектической методологии науки были разработаны Марксом в «Капитале» и в примыкающих к нему работах. Вместе с тем именно Энгельс в «Анти-Дюринге» (а затем в работах «Людвиг Фейербах...» и «Диалектика природы») в развернутой и обобщенной форме представил коренные положения марксистской гносеологии, которые либо лишь имплицитно содержались в предшествующих работах Маркса и Энгельса, либо вообще впервые были изложены, являясь дальнейшим развитием принципиальных тезисов философии диалектического материализма.

Основные положения марксизма Ф. Энгельс излагает в полемической форме — в форме критики путаной философии Дюринга, эклектически сочетавшего метафизический материализм с позитивизмом и идеалистическим рационализмом. Эта форма позволяет Энгельсу не только формулировать ряд классических положений диалектико-материалистической теории познания, но и показать ее превосходство над разнообразными видами домарксистского и немарксистского теоретизирования в этой области.

Критикуемый Энгельсом Дюринг, претендовавший на осуществление «великого переворота» в философии и науке, по сути дела был заражен всеми догмами метафизического теоретизирования, присущего буржуазной философии. Дюринг воспроизводит характерное для этой философии понимание проблемы обоснования знания в

самой наивной спекулятивно-метафизической форме. Энгельс следующим образом характеризует метод Дюринга: «Метод его состоит в том, чтобы разлагать каждую группу объектов познания на их якобы простейшие элементы, применять к этим элементам столь же простые, якобы самоочевидные аксиомы и затем оперировать добытыми таким образом результатами» (1, 20, 97).

«Это,— замечает Энгельс,— только иная форма старого излюбленного идеологического метода, называемого также априорным, согласно которому свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета. ...У г-на Дюринга вместо понятия фигурируют простейшие элементы, последние абстракции, до которых он в состоянии дойти, но это нисколько не меняет сущности дела: эти простейшие элементы, в лучшем случае, обладают чисто логической природой» (там же).

Итак, Дюринг воспроизводит теоретико-познавательную догму относительно самодостовверных, самоочевидных, самообосновывающих «элементов знания» (или «принципов», или «аксиом»),— догму, которая до сих пор не преодолена буржуазным философским сознанием.

Ф. Энгельс показывает прежде всего, что даже в том случае, если исходящий из данных догм теоретик претендует на эмпиризм, на выявление самоочевидных аксиом и «элементов знания», якобы непосредственно данных в опыте, реально он все же будет исходить не из действительного опыта, а из собственных априорных, предвзятых представлений, которые будут выдаваться за нечто эмпирически данное. Ибо в действительном опыте как раз нет таких самообосновывающих и абсолютно самодостовверных «элементов» знания.

На первый взгляд может показаться, что в «Анти-Дюринге» основной упор делается на критику априоризма и догматического рационализма на примере Дюринга, в то время как в центре «Диалектики природы», над которой Энгельс работал одновременно с написанием «Анти-Дюринга» и после этого, находится критика эмпиризма. В действительности это не совсем так, ибо, как показывает Энгельс, грубый эмпиризм и догматический априоризм, бескрылый позитивизм и схоластическое теоретизирование — это в сущности две стороны одного и того же метафизического, статического, внеисторического под-

хода к анализу познания. «...Односторонняя эмпирия, та эмпирия, которая сама, насколько возможно, запрещает себе мышление,— пишет Энгельс в «Диалектике природы»,— которая именно поэтому не только мыслит ошибочно, но и оказывается не в состоянии верно следовать за фактами или хотя бы только верно излагать их и которая, таким образом, превращается в нечто противоположное действительной эмпирии» (там же, 434). «Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями» (там же, 550).

Дюринг претендует на материализм, на построение «философии действительности», на близость к эмпирическим фактам, на обобщение данных современной ему науки. Однако принятый Дюрингом, по выражению Энгельса, «идеологический метод», т. е. ориентация на выявление неких «абсолютных начал», из которых можно было бы аксиоматически построить всю систему знания, превращает «философа действительности» в априориста и сближает его построение не с сильными, а с самыми слабыми сторонами философской концепции столь ненавидимого им Гегеля. Метафизический материалист Дюринг превращается в этом пункте в идеалиста. «...Взгляд г-на Дюринга есть идеалистический взгляд, переворачивающий вверх ногами действительное соотношение, конструирующий действительный мир из мыслей, из предшествующих миру и существующих где-то от века схем, теней или категорий, точь-в-точь как это делает... *некий Гегель*» (1, 20, 34).

И в этой связи Ф. Энгельс формулирует основное положение диалектико-материалистической теории познания: «...принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» (там же).

Суть дела состоит здесь вовсе не в том, что априористскому методу Дюринга Энгельс лишь противопоставляет необходимость следования эмпирическим фактам. Сами эти факты, подчеркивает Энгельс, не есть нечто непосредственно данное. Они устанавливаются в резуль-

тате долгой, трудной, полной противоречий истории познания, в которую входит как история естествознания, так и история философии. Одна из важных специфических особенностей марксистской гносеологии как раз и состоит в ориентации на анализ истории коллективной человеческой мысли, на исследование диалектики развития систем знания, систем философских и естественнонаучных представлений об объективном мире. Речь идет о выведении философских принципов именно из анализа этого исторического процесса, который составляет подлинную эмпирическую базу для научных теоретико-познавательных исследований.

Ф. Энгельс подчеркивает важность материалистического принципа отражения: «Все идеи извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или искаженные» (там же, 629).

Вместе с тем в марксистской методологии и гносеологии способность отражения понимается не натуралистически, не просто как естественная способность человеческой головы, а как способность, развитая культурно-исторически, процесс отражения истолковывается как сложный, противоречивый процесс развития знания. «Уже верное отражение *природы* — дело трудное, продукт длительной истории опыта» (там же, 639). Если принимать «сознание», «мышление» «вполне натуралистически, просто как нечто данное, заранее противопоставляемое бытию, природе, «в таком случае должно показаться чрезвычайно удивительным то обстоятельство, что сознание и природа, мышление и бытие, законы мышления и законы природы до такой степени согласуются между собой» (там же, 34).

Конечно, важное значение имеет тот факт, что сознание и мышление являются продуктами «человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в определенной среде и вместе с ней» (там же).

Но главную роль в соотношении мышления и бытия, в установлении их подлинного диалектического единства играет предметная материальная деятельность человека, практика. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс пишет: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого

мышления является как раз *изменение природы человека*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» (там же, 545). Именно социально-исторически обусловленная предметная материальная деятельность, практика, лежит в основе познания; развитие практической и познавательной деятельности обуславливает единство мышления и бытия.

Марксистское учение о познании как гносеология и методология, показывает Ф. Энгельс, вовсе не является теорией познавательных способностей субъекта самих по себе. Знание — это отражение объективного мира, и нельзя понять особенностей отражения без исследования принципиальных характеристик самой объективной действительности. Вместе с тем познание самого процесса познания не дается непосредственно, а возникает в результате сложного исторического развития философских и естественнонаучных концепций, и выделение объективного содержания последних предполагает исследование самого исторически развивающегося познавательного процесса.

Таким образом, философский анализ познания и исследование «онтологических» характеристик действительности предполагают друг друга и невозможны в метафизическом отделении друг от друга. Хотя Ф. Энгельс и не формулирует в явной форме тезис о совпадении материалистической диалектики, логики и теории познания (такую формулировку, как известно, дал В. И. Ленин; Ф. Энгельс, как мы уже отмечали, не пользуется термином «теория познания»), имплицитно этот тезис уже содержится в развиваемой им теоретико-познавательной концепции. «Над всем нашим теоретическим мышлением,— пишет Энгельс,— господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления. Материализм XVIII века вследствие своего по существу метафизического характера исследовал эту предпосылку только со стороны ее содержания. ...Только новейшая идеалистическая, но вместе с тем и диалектическая философия — в особенности Гегель — исследовала эту предпосылку

также и со стороны *формы*. Несмотря на бесчисленные произвольные построения и фантастические выдумки, которые здесь выступают перед нами; несмотря на идеалистическую, на голову поставленную форму ее результата — единства мышления и бытия, — нельзя отрицать того, что эта философия доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами мышления и процессами природы и истории — и обратно — и господство одинаковых законов для всех этих процессов» (1, 20, 581).

Именно в этой связи и следует понимать смысл известного тезиса Ф. Энгельса о том, что «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» (там же, 25).

Этот тезис у нас иногда трактовался в узкогносеологическом смысле, а именно что марксистская философия сводится только лишь к учению о познании, о мышлении и никаких других функций не имеет. Иной раз, наоборот, это важнейшее указание Энгельса либо просто игнорировалось, либо объявлялось случайной обмолвкой великого классика на том основании, что этот тезис якобы противоречит знаменитому определению марксистской диалектики, данному в том же «*Анти-Дюринге*»: диалектика «есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» (там же, 145).

В действительности никакого противоречия между этими двумя характеристиками материалистической диалектики нет. Именно потому, что диалектика марксизма является наукой о всеобщих законах развития объективной действительности, считает Энгельс, она одновременно есть наука о законах содержательного, познающего мышления. «*Онтология*» и гносеология — это не две разные части философии, а два ее аспекта, в основе содержания которых — отражаемая в теории объективная реальность.

Принципы диалектико-материалистической философии, характеризующие существенные особенности самой объективной действительности и лежащие в основе марксистской методологии и гносеологии, формулируются не просто в результате изучения тех или иных отдельных эмпирических фактов и не в результате схоластического, апприористского анализа «чистых понятий», показывает

Энгельс, а как следствие исследования истории человеческого познания, истории развития философии и естественнонаучных теорий. К таким принципам относится, в частности, принцип материального единства мира.

Дюринг с помощью формального анализа категории бытия пытался доказать, что единство мира состоит в его бытии. Между тем, как указывает Ф. Энгельс, «когда мы говорим о *бытии* и *только* о бытии, то единство может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, *суть*, существуют» (там же, 42). Но такое рассуждение не дает еще действительного решения проблемы. Подлинное, содержательное единство мира состоит не просто в бытии, существовании всех образующих мир вещей, а в материальности мира, которая исключает идеалистически-теологическое различие посюстороннего и потустороннего, чувственного и сверхчувственного и т. д. Обоснование принципа материального единства мира может быть лишь результатом исторического развития познания: «Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен *существовать*, прежде чем он может быть *единым*. Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения. Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» (там же, 43).

Методологическое исследование развития человеческого познания, естественно, должно иметь дело не просто с мышлением отдельных единичных людей, а с историческим развитием обобщенных результатов познания, воплотившихся в идеальные системы знания (наука, философия и т. д.). Конечно, познание не существует вне познавательной деятельности отдельных индивидов. Но последние могут осуществлять специфические акты познания лишь постольку, поскольку они приобщаются к коллективно выработанной, обобщенной системе знаний, передаваемых от одного поколения к другому и развивающихся по особым, специфическим законам. «...Мы должны исследовать, что такое человеческое мышление,— ставит вопрос Ф. Энгельс. — Есть ли это мышление отдельного единичного человека? Нет. Но оно существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих лю-

дей» (1, 20, 87). На примере математики Энгельс показывает отношение объективированных идеальных систем научного знания к субъективному процессу познания отдельного теоретика: «Что чистая математика имеет значение, независимое от *особого* опыта каждой отдельной личности, это, конечно, верно, но то же самое можно сказать о всех твердо установленных фактах любой науки и даже о всех фактах вообще» (там же, 36—37).

Конечно, теория познания имеет дело также и с исследованием индивидуального процесса познания, но лишь в той мере, в какой этот последний рассматривается как элемент социально-исторически обусловленного коллективного процесса познавательной деятельности. «Развитие какого-нибудь понятия или отношения понятий... — пишет Энгельс в «Диалектике природы», — в истории мышления так относится к развитию его в голове отдельного диалектика, как развитие какого-нибудь организма в палеонтологии — к развитию его в эмбриологии... Что это так, было открыто по отношению к понятиям впервые Гегелем» (там же, 537).

Марксистская гносеология и диалектико-материалистическая методология познания направлены прежде всего на анализ проблем, поставленных современным развитием науки, и должны учитывать специфические особенности современной познавательной ситуации. Однако сами факты современности могут быть правильно поняты лишь в том случае, если раскрывается их историческое место, их связь с тем, что было в прошлом и что может возникнуть в будущем, если анализ этих фактов осуществляется в широком контексте исследования всемирно-исторического развития социальной практики и познания. Именно учет подобной широкой перспективы может уберечь исследование процесса познания от узости, метафизической односторонности и субъективизма. Именно на этом пути можно вскрыть такие глубинные механизмы порождения нового знания, которые сложились в прошлом, но активно действуют сегодня и влияют на будущее.

Таким образом, марксистский принцип историзма, применяемый к исследованию развития знания, служит не средством ухода от решения современных проблем в изучение далекого прошлого, а способом подлинно научного, всестороннего и глубокого решения самых современных, самых актуальных проблем, стоящих перед философией, и в частности перед теорией познания. Именно

на эту принципиальную особенность диалектико-материалистической теории познания обращал впоследствии внимание В. И. Ленин, когда он писал о том, что гносеология «должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» (2, 26, 55).

Подчеркивая важность изучения истории познания, Ф. Энгельс не противопоставляет при этом историю философии истории естествознания (такое противопоставление, как известно, постоянно проводится позитивистами, как во времена Энгельса, так и сегодня). «...Бессмыслица, получившаяся от дуализма между естествознанием и философией» (1, 20, 522) — предмет самой решительной критики автора «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы». В основе всех крупных естественнонаучных концепций, широких программ исследований всегда лежат определенные философские идеи, говорит Энгельс. Непонимание этого принципиального факта не дает возможности выработать настоящие критерии оценки современных научных теорий, которые нередко преподносятся их творцами в качестве не имеющих никакого отношения к философским концепциям прошлого и настоящего и выражающих «только» эмпирические факты. Именно исторический подход к анализу процесса познания позволяет вскрыть философско-теоретические корни многих естественнонаучных идей и дает важный инструмент как для сравнительной оценки разных концепций, так и для возможного прогнозирования их будущего развития.

«...Знакомство с ходом исторического развития человеческого мышления, с выступавшими в различные времена воззрениями на всеобщие связи внешнего мира необходимо для теоретического естествознания и потому, что оно дает масштаб для оценки выдвигаемых им самим теорий. Но здесь недостаток знакомства с историей философии выступает довольно-таки часто и резко. Положения, установленные в философии уже сотни лет тому назад, положения, с которыми в философии давно уже покончили, часто выступают у теоретизирующих естествоиспытателей в качестве самоновейших истин, становясь на время даже предметом моды». Энгельс приводит ряд примеров, иллюстрирующих это общее положение: «Когда механическая теория теплоты привела новые доказательства в подтверждение положения о сохранении эпер-

гии и снова выдвинула его на передний план, то это несомненно было огромным ее успехом; но могло ли бы это положение фигурировать в качестве чего-то столь абсолютно нового, если бы господа физики вспомнили, что оно было выдвинуто уже Декартом? С тех пор как физика и химия стали опять оперировать почти исключительно молекулами и атомами, древнегреческая атомистическая философия с необходимостью снова выступила на передний план» (там же, 367).

Вместе с тем именно философские системы аккумулировали в себе в концентрированной форме опыт построения синтетических моделей внешнего мира и самого мышления. Без учета этого опыта невозможно грамотное теоретическое мышление вообще. В этом смысле история философии является незаменимой школой развития теоретических способностей. Результаты, в которых обобщаются данные опыта, суть понятия. «...Искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления, которое тоже имеет за собой долгую эмпирическую историю, столь же длительную, как и история эмпирического исследования природы» (там же, 14). «...Теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии» (там же, 366).

В. И. Ленин, подчеркивая принципиальную важность диалектического осмысления истории познания, истории науки и техники для позитивной разработки материалистической диалектики и теории познания, творчески развивает отмеченные положения Ф. Энгельса. В. И. Ленин выделяет «области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (2, 29, 314): история познания вообще, история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка и животных, история языка, а также психология и физиология органов чувств. Речь по существу идет о широкой программе диалектико-материалистического исследования той самой проблематики — исторического развития социального и индивидуального познания, филогении и онтогении мышления, — которая была в свое время идеалистически прецедирована Гегелем в «Феноменологии духа» и послу-

жила основой для построения системы идеалистической диалектики в «Науке логики».

В выполнении этой программы современные философы-марксисты достигли определенных успехов. В то же время следует подчеркнуть, что в этой области существует множество проблем, требующих диалектико-материалистического осмысления и решения. Актуальность анализа развития знания в широком историческом контексте все более осознается не только философами, но и естествоиспытателями, ибо в решение этих вопросов упирается исследование многих современных проблем методологии науки. Так, например, все шире распространяется понимание того обстоятельства, что даже логическая структура научной теории не может быть полностью выявлена в том случае, если теория рассматривается в статике, вне отношения к ее генезису и внутренним возможностям развития.

Нужно заметить, что проблематика методологического осмысления истории познания находится ныне в центре тех западных концепций «философии науки», которые пришли на смену изжившему себя логическому позитивизму. Вместо третигования философии и культа эмпирических фактов появилось множество исследований, в которых на материале истории естествознания прослеживается важная роль философской «метафизики» в создании важнейших естественнонаучных гипотез (Т. Кун, И. Лакатош, П. Фейерабенд и др.). Обсуждение философско-«метафизических» проблем в рамках «философии науки» стало своеобразной модой (концепция «третьего мира» К. Поппера, теория «личного знания» М. Полэни и др.). Но сама философская «метафизика», которая выдвигается представителями современной «философии науки» в противовес позитивизму, как правило, заражена идеализмом, релятивизмом и метафизикой и не может послужить настоящим ориентиром для научного исследования исторического процесса развития знания.

Именно диалектико-материалистические принципы анализа истории познания, сформулированные Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, являются основой научной разработки современных проблем теории познания и методологии науки.

В связи с широким обсуждением в литературе по методологии науки вопросов, связанных с понятием исторически сменяющихся друг друга «стилей» естественнона-

учного мышления (так же как в связи с дискуссиями по таким имеющим прямое отношение к этой же проблеме понятиям, как «парадигма» Т. Куна или «исследовательская программа» И. Лакатоша), принципиальную важность приобретает развиваемый Ф. Энгельсом тезис о том, что история познания — это не просто история смены тех или иных представлений о мире, но также и история развития самих методологий, самого категориального аппарата мышления. Изучение исторического развития логического строя мышления, воплотившегося в естественнонаучных и философских теориях, — важнейшая задача исследователей познания (заметим, что в решении этой задачи философами-марксистами сделаны лишь первые шаги). «Теоретическое мышление каждой эпохи, — подчеркивает Энгельс, — а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления... теория законов мышления отнюдь не есть какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль» (1, 20, 366—367). Важное место в работе Ф. Энгельса занимает исследование диалектического характера истины. Дюринговской претензии на постижение окончательных истин в последней инстанции Ф. Энгельс противопоставляет представление о познании как об историческом процессе разрешения диалектического противоречия.

Задача исчерпывающего постижения мира осуществляется через накопления относительных истин, содержащих в себе наряду с элементами абсолютной истины также и момент заблуждения. «...Люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать исчерпывающим образом систему мира в ее совокупной связи, а с другой стороны, их собственная природа, как и природа мировой системы, не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу» (там же, 36). Но это же противоречие как раз и является «главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества — совершенно так, как, например, известные математические задачи находят свое решение в бесконечном ряде или непрерывной дроби» (там же).

Именно «безусловное право на истину» (там же, 87), именно «абсолютный» характер человеческого мышления и реализуются не иначе, как в «бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен» (там же, 88). «...Суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно; познание, имеющее безусловное право на истину,— в ряде относительных заблуждений; ни то, ни другое не может быть осуществлено полностью иначе как при бесконечной продолжительности жизни человечества» (там же, 87).

Ф. Энгельс раскрывает диалектику истины и заблуждения: «Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность сделается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения. А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной» (там же, 92).

Перед нами первый набросок того важнейшего принципа марксистской теории познания, который впоследствии будет развит В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» как учение о диалектике объективной, относительной и абсолютной истины.

Именно данная диалектико-материалистическая концепция раскрывает важную особенность развития научного знания, ту самую особенность, которая совершенно недостаточно учитывается многими современными позитивистскими теориями, односторонне подчеркивающими прерывность развития знания, замкнутость принципиальных понятийных схем науки, «несоизмеримость» разных «парадигм» и вследствие этого отрицающими представление о том, что развитие науки характеризуется прогрессирующим приближением к абсолютной истине (таково, например, мнение Т. Куна).

Ф. Энгельс иллюстрирует общий тезис о диалектике относительной и абсолютной истины, истины и заблуждения чрезвычайно характерным примером из истории физики. Пример этот служит Энгельсу не только для иллюстрации общего тезиса, но и для раскрытия некоторых дополнительных важных моментов развития науки. Речь идет об известном законе Бойля, согласно которому объем газа при постоянной температуре обратно пропорционален производимому на него давлению. «Реньо нашел, что этот закон оказывается неверным для известных случаев» (1, 20, 92). Если бы теория была простым слепком с эмпирии, то закон Бойля следовало бы признать заблуждением и отвергнуть. Но в действительности, показывает Энгельс в противовес позитивистскому эмпиризму, теоретик всегда имеет дело с идеальными моделями изучаемой им предметной области. И эти модели вовсе не обязательно носят чисто инструментальный характер, являясь какими-то подсобными фикциями, не имеющими прямого отношения к реальной действительности. Напротив, в научно-плодотворных модельных представлениях верно отображается некоторая сторона объективной реальности, поэтому к ним применима характеристика истинности. «Если бы Реньо был «философом действительности», то он обязан был бы заявить: закон Бойля... вовсе не подлинная истина, значит — он вообще не истина, значит, он — заблуждение. Но тем самым Реньо впал бы в гораздо большую ошибку, чем та, которая содержится в законе Бойля; в куче заблуждения затерялось бы найденное им зерно истины; он превратил бы, следовательно, свой первоначально правильный результат в заблуждение, по сравнению с которым закон Бойля, вместе с присущей ему крупницей заблуждения, оказался бы истиной» (там же, 92—93).

Когда обнаруживается, что некоторые известные модельные идеализации в ряде случаев неприменимы, наука не отбрасывает их, а выясняет пределы сферы их действия; вместе с тем она выделяет новые параметры и формулирует новые законы, которые позволяют объяснить сферу действия также и первоначальных моделей. Таким образом, как показывает Энгельс, и в развитии научного знания действует в своеобразной форме тот самый диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному, который Маркс применил для построения научной теории системы экономических от-

ношений капитализма. С раскрытием диалектики абсолютности и относительности, «суверенности» и «несуверенности» познания тезис Энгельса о «конечных» параметрах человеческого познания.

Дюринг претендует на постижение таких «вечных» и «абсолютных» истин, которые имеют значение не только для человечества, но и для «сознательных и мыслящих существ всех небесных тел» (там же, 35). «...Дабы не появилось подозрение, что на каком-нибудь другом небесном теле дважды два составляет пять, г-н Дюринг лишает себя права называть мышление «человеческим» и вынужден поэтому оторвать его от единственной реальной основы, на которой мы его находим, т. е. от человека и природы» (там же, 35). Дюринг претендует на применимость найденных им «истин» ко «всем другим возможным мирам» (там же, 85).

В противоположность этому Ф. Энгельс подчеркивает принципиальную «конечность» человеческого познания, его связанность и с характером существующих на Земле природных условий, и с особенностями физической организации самого познающего субъекта, реального, телесного человека, и с конкретными социально-историческими условиями протекания познания: «...каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным, объективно — историческими условиями, субъективно — физическими и духовными особенностями его автора» (там же, 36).

Так, например, пишет Энгельс в «Диалектике природы», «у муравьев иные глаза, чем у нас», они видят то, чего не видит человек. Вместе с тем «для нас возможна только геоцентрическая физика, химия, биология, метеорология и т. д., и эти науки ничего не теряют от утверждения, что они имеют силу только для Земли и поэтому лишь относительно» (там же, 554).

Мысль Ф. Энгельса, по-видимому, может быть продолжена и в том отношении, что сменявшие друг друга в истории естествознания в Западной Европе принципиальные теоретические схемы были обусловлены не только логикой движения по познаваемому предмету, но и специфическими социально-историческими условиями развития научной мысли.

«Конечность» человеческого познания — его важный параметр, и теория познания должна с этим считаться. Ибо у нас нет и не может быть другого способа прибли-

жения к абсолютной истине, кроме как тех конкретно обусловленных форм, которыми реально располагает человечество. Претендовать на выход за пределы этих «конечных» измерений означает лишить себя возможности какого бы то ни было реального познания. Мы не можем знать, каким было бы развитие науки, если бы оно осуществлялось в других конкретно-исторических условиях. Точно так же, «разумеется, мы никогда не узнаем того, *в каком виде* воспринимаются муравьями химические лучи. Кого это огорчает, — пишет Энгельс, — тому уж ничем нельзя помочь» (там же, 555). Ибо «если мы всерьез потребуем лишенной центра науки, то мы этим остановим движение *всякой* науки» (там же, 554).

Суть дела в том, что в этих конечных, конкретно-исторических формах человек способен получать бесконечное знание, т. е. знание, содержащее элементы абсолютной истины. И в этом смысле человеческое познание является не только конечным, но и бесконечным. Ибо «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное. ...Форма всеобщности в природе — это *закон*... Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно» (там же, 548—549).

Ф. Энгельс намечает диалектико-материалистические контуры методологического решения той теоретико-познавательной проблемы, которая до сих пор усиленно обсуждается в западной литературе по «философии науки» и «философии логики» как вопрос о взаимоотношении «возможных миров» и «альтернативных концептуальных рамок» (У. Куайн, Ст. Кёрнер, Б. Страуд и др.). Но буржуазные методологи заводят решение этой проблемы в тупик, только методология марксизма выводит из него.

Исторический материализм — философская основа научного коммунизма

«Анти-Дюринг» даст целостное изложение основ исторического материализма и научного коммунизма, последовательно выражая точку зрения как Ф. Энгельса, так и К. Маркса, принявшего непосредственное участие в создании этого труда. Книга Ф. Энгельса является итогом исторического процесса формирования и развития материалистического понимания истории и теории научного коммунизма. Социализм, говорил Энгельс, превратился из утопии в науку благодаря двум великим открытиям: историческому материализму и теории прибавочной стоимости. Таким образом, историко-материалистическое обоснование коммунистического идеала, так же как экономическое доказательство объективной необходимости коммунистического преобразования общественных отношений, составляют две неразрывно связанные друг с другом стороны единого целого.

К. Маркс во введении к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», являющейся несколько переработанной частью «Анти-Дюринга» и представляющей «наиболее существенные извлечения из теоретической части этой книги», подчеркивал, что «эти извлечения образуют, так сказать, *введение в научный социализм*» (1, 19, 245).

В «Анти-Дюринге» классически изложены основные положения исторического материализма как общей теории исторического процесса и методологии исторического исследования. Общественно-экономические формации, социальный и научно-технический прогресс, классы, классовая борьба, социальная структура общества, роль насилия в истории, соотношение экономики и политики, происхождение и природа государства, сущность и основные черты социализма и коммунизма, духовное развитие общества, роль коммунистической партии в борьбе за социализм — эти и многие другие вопросы получили в «Анти-Дюринге» столь ясные, глубокие решения, что и в наши дни, через столетие после выхода книги, они

сохраняют свое научное значение и непосредственную актуальность.

В книге Ф. Энгельса содержатся ответы на острейшие проблемы развития человечества, волнующие людей и сейчас. Положения Энгельса о закономерностях становления социалистического строя, обогащенные историческим опытом построения развитого социализма в Советском Союзе, сохраняют значение руководящих принципов коммунистического строительства. Материалистическое понимание истории, изложение которого составляет значительную часть всего содержания «Анти-Дюринга», рассматривается Энгельсом как дальнейшее развитие философского материализма, последовательное распространение его на ту область явлений, в объяснении которых домарксовский материализм оказался неспособным преодолеть идеалистические воззрения. Энгельс характеризует марксистское понимание общественно-исторического процесса как исторический материализм. Это учение, изгнавшее идеализм из его последнего убежища, преодолевает вместе с тем и характерное для старого материализма натуралистическое понимание истории.

Исторический материализм вскрывает, исследует специфическую материальную основу социальных процессов. Выделяя из всей совокупности общественных отношений основные, определяющие отношения — общественные отношения производства, исторический материализм диалектически исследует этот специфический фундамент социальной жизни. Материалистическое понимание истории является диалектико-материалистическим пониманием общественного развития. Единство материализма и диалектики характеризует, таким образом, не только марксистское понимание природы, но и марксистское понимание общественной жизни. Сознание есть свойство высокоорганизованной материи, и оно вместе с тем есть отражение общественного бытия, общественный по своему происхождению и содержанию продукт. Исторический материализм, следовательно, открывает «путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания» (1, 20, 26).

Идеалистическая диалектика отождествляет бытие с мышлением, что неизбежно приводит к мистификации как материальной, так и духовной жизни общества. К. Маркс и Ф. Энгельс, материалистически переработав диалектику Гегеля, выявили тем самым ее выдающееся

значение в качестве теории развития и метода исследования, адекватного содержанию предмета исследования. Энгельс писал: «Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории» (там же, 10).

Последовательное развитие материалистического понимания истории, естественно, определило и классовую, партийную позицию исторического материализма, который, философски обосновывая великую историческую миссию рабочего класса, выступает в качестве его научно-философского мировоззрения. «Новые факты,— пишет Энгельс,— заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов...» (там же, 667). Материалистическое понимание истории обосновывает объективную необходимость существования и борьбы классов в условиях частнособственнического, эксплуататорского общества, закономерность освободительного движения пролетариата, так же как и закономерность перехода к бесклассовому коммунистическому обществу.

Таким образом, исторический материализм выступает как философская основа научного коммунизма. При этом исторический материализм является единством общей теории всемирно-исторического процесса и методологии конкретного социального исследования.

Представители современной буржуазной социологии нередко пытаются изображать исторический материализм как продолжение традиционной спекулятивной философии истории, которая, исходя из абстрактных постулатов, конструировала картину всемирно-исторического процесса. Такое толкование исторического материализма является фальсификацией этого учения, впервые поставившего на научную основу исследование исторических фактов, реальных общественных отношений, которые совершенно выпадали из поля зрения домарксовской социологии. Известно, что эта социология по существу игнорировала такие определяющие факты человеческой жизни, как общественное производство и классовая борьба.

Уже в 1845 г. Ф. Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» осуществил конкретное социо-

логическое исследование, которое, основываясь на анализе громадной совокупности эмпирических данных, увенчивается важнейшими теоретическими выводами об исторической миссии пролетариата.

Современные буржуазные социологи пытаются противопоставить историческому материализму методы системного, структурного, функционального анализа социальных процессов. Но они умалчивают о том, что эти методы в своем рациональном виде, совершенно неприемлемом для буржуазной социологии, были впервые разработаны основоположниками марксизма. Классический пример системного исследования общественной жизни — «Капитал» Маркса, где дан диалектический анализ капиталистической системы в ее противоречивом развитии, которое порождает революционное отрицание.

Рассматривая мир в целом и каждое общественное явление в частности как систему или ее элементы (см. 1, 20, 630), Ф. Энгельс выделяет качественно различные структуры (экономическую, политическую и т. д.), вскрывает отношения между ними (см. там же 26; 96; 106; 164), анализирует законы функционирования и развития социальных структур, выявляет механизм их обусловленности системой производственных отношений (там же, 150). Такой всесторонний подход позволяет понять общество как развивающееся целое. Исторический материализм выступает, следовательно, как «наука о всеобщих законах движения и развития» общества (там же, 145).

В разделе «Очерк теории» Ф. Энгельс следующим образом формулирует основные принципы научно-философского понимания общественной жизни: «Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не

в философии, а в экономике соответствующей эпохи... Отсюда вытекает также и то, что средства для устранения обнаруженных зол должны быть тоже налицо — в более или менее развитом виде — в самих изменившихся производственных отношениях. Надо не *изобретать* эти средства из головы, а *открывать* их при помощи головы в наличных материальных фактах производства» (там же, 278).

Не останавливаясь на всех проблемах исторического материализма, рассмотренных в «Анти-Дюринге», сосредоточим наше внимание лишь на некоторых вопросах, наглядно раскрывающих выдающееся значение труда Ф. Энгельса в истории марксизма.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Ф. Энгельс всесторонне развивает сформулированное К. Марксом в предисловии «К критике политической экономии» основное положение исторического материализма, согласно которому «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (1, 13, 7). Исследование связи всего многообразия общественных отношений, их взаимодействия, их обусловленности общественным производством, производственными отношениями является главным в книге Энгельса. Энгельс подчеркивает, что «всякое экономическое отношение сперва рассматривается с точки зрения *производства*» (1, 20, 651). Производство есть не только производство вещей, но вместе с тем и производство общественных отношений. Именно поэтому оно и определяет все стороны общественной жизни. «...Экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая» (там же, 164). В ходе развития общества и взаимодействия всех сторон общественной жизни «экономическое развитие прокладывало себе путь» (там же, 188). Именно «производственные отношения определяют политические отношения насилия» (там же, 645).

На экономических отношениях покоятся прежде всего социальные и политические отношения, «социальные и политические формы» (там же, 647). Особо говорит Ф. Энгельс о правовых отношениях (см. там же, 113; 155; 649), о специфике таких духовных явлений, как нравственность (см. там же, 155). Раскрывая диалектику общественного развития, Энгельс вместе с тем научно предвосхищает его исторические перспективы, он отвер-

гает метафизическое воззрение (которое разделял и Гегель, несмотря на свою диалектику), согласно которому социальное развитие и прогресс завершается на определенной — буржуазной — ступени общественного развития. Ф. Энгельс выделяет во всемирной истории доклассовое общество, которое он характеризует как «предысторию» человечества, охватывающую многие тысячи лет. Переход от доклассового общества к обществу, разделенному на классы, был вызван развитием производительных сил, которое сделало необходимым возникновение новых производственных отношений и соответствующей им надстройки — политической, правовой, идеологической. «...Мы, по всей вероятности,— замечает Энгельс,— находимся еще почти в самом начале человеческой истории...» (там же, 87).

Таким образом, анализ генезиса цивилизации является подтверждением истинности исторического материализма. Этот вывод, как известно, был всесторонне обоснован Ф. Энгельсом в его выдающемся труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Если цивилизация, т. е. классово антагонистическое общество, является отрицанием доклассового общества, то коммунистический общественный строй в свою очередь представляет собой отрицание классово антагонистического общества. Это отрицание отрицания, которое закономерно обусловлено объективной логикой развития классово антагонистического общества, каждая ступень которого — общественная формация — является объективно необходимой, несмотря на порождаемые ею уродливые, подавляющие человека отношения господства и подчинения. «Нам никогда не следовало бы забывать,— отмечает Ф. Энгельс,— что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма» (1, 20, 185—186). Пройдя эти необходимые антагонистические формы общественного развития, «будущие исторические периоды, избавленные от этих трудностей и препятствий, обещают небывалый научный, технический и общественный прогресс» (там же, 118).

Таков обоснованный исторический оптимизм основоположников марксизма, практическим воплощением кото-

рого является уже существующий в наше время социалистический строй, мировое социалистическое содружество.

Ф. Энгельс не идеализирует реального человека, не противопоставляет его историческому развитию, не отрывает человеческого индивида от природы. «...Уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и, следовательно, речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, речь может идти только о различной степени животности или человечности» (там же, 102). Энгельс говорит о социальных качествах человеческого индивида, о его исторически развивающихся психологических особенностях, без чего нельзя понять не только роли личности в истории, но и роли народных масс, общественная активность которых постоянно возрастает в ходе истории человечества.

Индивидуальное развитие неразрывно связано с развитием общества. К. Маркс указывал, что обособление человека в качестве индивида, личности есть социальный процесс. Этот вывод непосредственно вытекает из основоположений исторического материализма. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «...способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В ещё большей степени, это — определённый способ деятельности данных индивидов, определённый вид их жизнедеятельности, их определённый *образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами» (1, 3, 19). Продолжая эти совместно разработанные положения об образе жизни, Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит о различиях между людьми «по своему образу жизни» (1, 20, 305), о навязывании им определенного «жизненного призвания».

Все это богатство мыслей Ф. Энгельса по общим проблемам исторического материализма непосредственно подводит к основным проблемам теории научного коммунизма.

Центральное место в анализе Ф. Энгельсом проблем исторического материализма занимает проблема классов и классовой борьбы, рассмотрение которой является переходом к специфической проблематике научного коммунизма как теории освободительного движения рабочего класса. Великое богатство идей, высказанных Энгельсом

в этой связи, все еще недостаточно освоено в нашей научно-исследовательской литературе.

Прежде всего Ф. Энгельс вскрывает диалектику перехода от бесклассового общества к классово антагонистическому, диалектику становления классов как необходимое следствие стихийного процесса развития родового строя. Возникновение классов, указывает Энгельс, совершается двумя путями. Первый, наиболее прогрессивный путь связан с разложением древней общины вследствие возникновения новых экономических отношений, частной собственности и товарного обмена. Хотя этот путь не исключает различных форм внеэкономического насилия, здесь превалирует экономический процесс. Только там, где древние общины «разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда» (там же, 186). Второй путь — менее прогрессивный, поскольку он совершается в рамках экономически изжившей себя, но сохраняющей свое существование общины. Здесь экономическое развитие, результатом которого является возникновение классов, сковано старыми организационно-политическими, общинными формами. Такой путь характерен для Индии, Персии и других восточных деспотий (см. там же, 184). Существование классов сочетается в этих странах с существованием социальных форм, унаследованных от доклассового общества. «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России» (там же, 186).

Значительный вклад Ф. Энгельс внес в исследование природы общественных классов, в определение основных, решающих, классовобразующих признаков.

Природа общественных классов и их признаки определяются местом больших групп людей в системе производственных отношений. «...Общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи...» (там же, 26). В условиях капитализма «классы неизбежно порождаются современной крупной промышленностью, современным развитым кредитом и соответствующей развитию их обоим формой обмена, свободной конкуренцией» (там же, 152).

Известно, что В. И. Ленин, основываясь на данной К. Марксом и Ф. Энгельсом характеристике классов и классовой структуры различных общественных формаций, сформулировал ставшее классическим определение общественных классов. Классы различаются по месту в исторически определенной системе общественного производства, по отношению к средствам производства, по роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в исторически определенном укладе общественного хозяйства (см. 2, 39, 15).

Важнейшим признаком класса является его отношение к средствам производства, «присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов» (1, 20, 293), т. е. отношения собственности. В предшествующей истории классам, являвшимся экономически господствующими собственниками средств производства, «вместе с этой собственностью доставались также политическая власть и духовное руководство» (там же, 199).

Ф. Энгельс впервые в марксистской литературе всесторонне раскрыл значение классового признака, выражающего место групп людей в исторически определенной системе общественного производства. Он исследовал форму производственных отношений, образующих экономический базис общества, указал ее роль в определении характера социальной структуры общества. Каждая общественная формация характеризуется Энгельсом как специфическая система общественных отношений, которой присущи характерные именно для этой формации классы. Однако все антагонистические формации характеризуются вместе с тем общими чертами, обусловленными природой производственных отношений классового общества. «Общество разделяется на классы — привилегированные и обездоленные, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные...» (там же, 152). С другой стороны, место класса в системе общественного производства выражается в его определенном положении в исторически сложившемся общественном разделении труда. Это значит, что классы характеризуются также качественно различной деятельностью.

Уже в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркнули внутренне характеризующее каждый класс

единство отношений собственности и деятельности. «Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности» (1, 3, 34). Владение средствами производства в условиях сравнительно низкого уровня развития производительных сил дало возможность имущим, господствующим классам или вообще не заниматься трудом, или заниматься избранными ими видами труда. Благодаря частной собственности эксплуататорские классы получили социальную возможность диктовать формы общественного распределения труда, монополизировать избранные виды деятельности.

Как писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», рядом с «огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д.». Такое основанное на классовом делении социально избирательное распределение трудовой деятельности, общественное разделение труда и составляет существо классово антагонистической структуры общества. Именно эту мысль Ф. Энгельс выразил в словах: «...в основе деления на классы лежит закон разделения труда». Вместе с присвоением «особым общественным классом средств производства и продуктов» осуществляется и присвоение тем же господствующим классом «политического господства, монополии образования и духовного руководства» (1, 20, 293).

Таким образом, у К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина классообразующий признак места больших социальных групп в системе общественного производства выражает единство отношений собственности и деятельности, что определяет конкретное соотношение классов в системе общественного производства. Совершенно очевидно, что место социальной группы в системе производства и ее отношение к средствам производства — две неразрывно связанные стороны единого целого, которое и детерминирует исторически определенный характер общественной организации труда и роль того или иного класса в этой организации.

Ф. Энгельс указывает, что господствующий в экономике класс, освобожденный от непосредственно произ-

водительного труда, ведает «такими общими делами общества, как управление трудом» (там же). Следовательно, ведущую роль в общественной организации труда Энгельс прямо выводит из господствующего экономического положения правящего класса, а вовсе не из характера труда. Это положение давало возможность «господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в эксплуатацию масс» (там же).

Основные классовые различия находят проявление в области распределения (см. там же, 152), ибо «распределение в главных своих чертах всегда является необходимым результатом отношений производства и обмена в данном обществе» (там же, 157). Энгельс с гневом говорит о капиталистическом «способе распределения продуктов труда, с его вопиющими противоположностями нищеты и роскоши, голода и обжорства» (там же, 160).

Такова выделенная и проанализированная Ф. Энгельсом совокупность основных, решающих признаков общественного класса. Вместе с тем он неоднократно подчеркивал, что общественный класс есть многостороннее, многомерное общественное явление, охватывающее не только экономическую, но и социально-политическую, а также духовную сферы жизни общества. Энгельс называл такие дополнительные, производные признаки классового положения, как образование (см. там же, 293), нравственные воззрения (см. там же, 95) и ряд других.

Ф. Энгельс глубоко связал анализ существующего в обществе классового неравенства с анализом социальных различий, вызванных общественным разделением труда. Он дал всестороннюю характеристику сложной проблемы разделения труда в обществе, ее связи с делением общества на классы.

Разделение труда осуществляется в двух качественно различных формах, смешение которых исказит научное понимание общественного развития. Это, во-первых, технико-экономическое разделение труда и, во-вторых, социально-экономическое, «общественное разделение труда». По поводу этих двух качественно различных видов разделения труда Энгельс писал: «Основную форму всего существовавшего до сих пор производства образует разделение труда, с одной стороны, внутри общества, с другой — внутри каждого отдельного производственного предприятия» (там же, 301).

В технико-экономическом смысле, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила,— поскольку это не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель),— влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда» (1, 3, 20). В этом смысле Ф. Энгельс называл разделение труда «рычагом производства», «новым рычагом производства» (1, 20, 303), поскольку оно как специфическая форма развития производительных сил оказывает существенное влияние на этот процесс.

Что же касается общественного, социально-экономического разделения труда, то оно возникает, во-первых, в условиях недостаточного уровня развития производительных сил, во-вторых, на базе частной собственности на средства производства, в-третьих, в рамках уже существующего деления общества на классы, в-четвертых, как результат определенного отношения господствующего класса к разным видам труда, одни из которых становятся его монополией, в то время как другие — уделом эксплуатируемых, угнетенных классов.

Именно такого рода социально-экономическим разделением труда является, как указывает Энгельс, отделение города от деревни (развитие неземледельческих видов труда: промышленного, торгового, научного, управленческого и т. д.) и отделение умственного труда от физического, развитие противоположности между ними. «Первым крупным общественным разделением труда является отделение города от деревни» (там же, 301). Оно «обрело сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физического развития других» (там же, 303). Вторым крупным общественным разделением труда явилось отделение умственного труда от физического. Это «крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой» (там же, 186).

Общественное разделение труда, возникающее в условиях и на базе классового деления общества, пред-

ставляет собой складывающуюся в обществе наряду с системой классового неравенства систему социальных противоположностей, социального неравенства. В отличие от классового деления, обусловленного различным отношением к средствам производства, основу социальных различий в сфере общественного разделения труда образуют различия по выполняемым и закрепленным видам деятельности между классами и социальными слоями, между составляющими классы группами.

Общественное разделение труда в частнособственническом обществе неизбежно носит антагонистический характер. Оно вызывает отчуждение труда и продукта труда, подавляет развитие человеческой личности, извращает отношения между людьми. Следствием антагонистического социально-экономического разделения труда являются отсталость и отупение людей массового земледельческого и вообще массового физического труда, а с другой стороны, развитие науки, искусства, управленческой деятельности, т. е. тех видов деятельности, которые в классовом антагонистическом обществе носят монополизированный, обособленный характер.

Прогресс и блага цивилизации доставались человечеству именно за счет социального неравенства, господства эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством. Город был сферой индустриального прогресса вследствие отсталости и прозябания деревни. Развитие умственного труда обеспечивалось тяжелым физическим трудом большинства. «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы» (там же, 185).

Деформация человеческой личности в условиях частной собственности и общественного разделения труда выступает в многообразных и отчужденных формах. Господствующий класс, пишет Ф. Энгельс, стремится «взваливать на трудящиеся массы все большее бремя труда» (там же, 187). Речь идет о наиболее тяжелом, однообразном, лишенном элементов интеллектуальной деятельности физическом труде, об узкой, однобокой специализации, кото-

рая делает трудящихся придатком машины. «...Как только появляется разделение труда,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— каждый приобретает свой определённый, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти...» (1, 3, 31—32).

Материалистическое понимание истории доказало, что труд является решающей силой не только в становлении человека, но и в его последующем развитии. Однако антагонистические отчужденные формы трудовой деятельности неизбежно поработщают, деформируют человеческую личность. Эта двойственная природа труда в условиях антагонистического общества была впервые вскрыта марксизмом. «Вместе с разделением труда,— пишет Ф. Энгельс,— разделяется и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растёт разделение труда...». Промышленное производство приковывает рабочего «на всю жизнь к определенной частичной функции и к определенному орудию труда», оно «достигает своего совершенства лишь путем буквального физического и духовного уродования рабочего» (1, 20, 303).

Таким образом, общественное разделение труда, неразрывно связанное с существованием противоположных классов, принципиально отличается от организационно-технических и технологических форм разделения труда, обусловленных материально-техническим развитием производства. О социально-экономическом разделении труда Энгельс говорил следующее: «...последствия разделения труда... калечение, с одной стороны, рабочего, а с другой стороны — самой трудовой деятельности, сводящейся к тому, что рабочий в течение всей своей жизни однообразно, механически повторяет одну и ту же операцию» (там же, 304).

На основе классовых признаков, учета социально-экономического разделения труда Ф. Энгельс выделяет в капиталистическом обществе наряду с основными классами — буржуазией и пролетариатом — также промежуточные классы и социальные группы — мелкобуржуазный класс крестьян и мелких городских ремесленников и торговцев (см. там же, 271), а также интеллигенцию и служащих. Уже в «Анти-Дюринге» отмечается полностью выявившаяся в настоящее время тенденция увеличения численности служащих, управленческих работников, чиновни-

ков государства и акционерных компаний. «Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими» (там же, 675). В процессе милитаризации растет численность военнослужащих, «армия стала главной целью государства, она стала самоцелью» (там же, 175).

Глубокий анализ социальной структуры капиталистического общества позволил Ф. Энгельсу раскрыть значение классовой борьбы как важнейшего содержания общественного развития при капитализме. Противоречия между буржуазией и пролетариатом «развились в такой степени, что борьба между обоими классами, которые порождены существующим способом производства и постоянно воспроизводятся им со все более обостряющимся антагонизмом, охватила все цивилизованные страны и усиливается с каждым днем» (там же, 277). Назрела потребность разрешить «конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства» (там же, 268). Это задача порожденных классовой борьбой революционных элементов, которым предстоит «произвести переворот во всем производстве» (там же, 309).

Выводя из развития классовой борьбы необходимость социалистической революции, Ф. Энгельс подчеркивает сложившееся «понимание условий социального преобразования, ставшего в силу этих взаимосвязей необходимым, а также и понимание обусловленных всем этим основных черт этого преобразования» (там же, 277), т. е. путей социалистического преобразования старого, эксплуататорского общества в новое, социалистическое. Научный коммунизм, так же как и материалистическое понимание истории, является таким образом, как показывает Энгельс, продуктом общественного развития, научным обобщением реального общественно-исторического процесса.

Ф. Энгельс выделяет три основные предпосылки теории научного коммунизма: 1) историческую, коренящуюся в экономическом развитии; 2) классовую, революционно-практическую; 3) идеологическую и теоретическую.

Научный социализм есть «необходимый результат исторического развития», результат «материальных экономических условий современности» (1, 26, 296). Его корни лежат «глубоко в экономических фактах» (там же, 16). Реальной почвой научного коммунизма является

капиталистическое общество, в котором складывается самый революционный класс современности — пролетариат.

Излагая сущность материалистического понимания истории, Ф. Энгельс подчеркивает, что конечные причины всех общественных изменений надо искать в экономике соответствующей эпохи, что средства для устранения обнаруженных социальных зол нужно открывать в наличных материальных фактах производства. «Итак, как же, в связи с этим, обстоит дело с современным социализмом?» В условиях капитализма сложился и усиливается конфликт между производительными силами и производственными отношениями, который «существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса» (там же, 278; 279).

Следовательно, исторические, материальные, социально-экономические условия обусловили необходимость появления теории научного социализма именно в виде теории и идеологии рабочего класса как теоретического выражения его классовой, революционной борьбы. «Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, наемными рабочими и буржуа, а с другой — царящей в производстве анархии» (там же, 16).

История объективно поставила вопрос о замене эксплуататорского общества новым, социалистическим обществом, и «совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата» (там же, 295). Теоретическим и идейным оружием этой всемирно-исторической миссии пролетариата является марксизм-ленинизм в целом, и прежде всего научный коммунизм как теоретическое отражение потребностей, задач и целей классовой, революционной борьбы рабочего класса.

По своим теоретическим основам научный коммунизм есть социально-политическая теория общества, исследующая революционную борьбу рабочего класса за сверже-

ние капитализма и построение социализма и коммунизма. Вместе с тем «как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала... по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века» (там же, 16).

В «Историческом очерке» Ф. Энгельс подробно анализирует взгляды предшественников научного социализма — А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна. Отмечая гениальные догадки «патриархов» утопического социализма, Энгельс вместе с тем указывает: «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории» (1, 20, 269). Утописты «были вынуждены конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо в самом старом обществе эти элементы еще не выступали так, чтобы быть для всех очевидными; набрасывая свой общий план нового здания, они вынуждены были ограничиваться апелляцией к разуму именно потому, что не могли еще апеллировать к современной им истории» (там же, 276).

В условиях сложившегося капиталистического производства, усиливающейся классовой борьбы пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс, используя теоретическое наследие социалистов-утопистов, сформулировали подлинно научную теорию социализма как завершающую ступень целостного марксистского мировоззрения, выводя ее прежде всего из философии, из материалистической диалектики. «...Современный материализм... — писал Ф. Энгельс, — находит свое теоретическое завершение в научном социализме» (там же, 640).

Непосредственными теоретическими основами научного коммунизма являются исторический материализм и политическая экономия. «Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны Марксу. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях» (там же, 26—27).

Каковы объект и предмет научного коммунизма — вопросы, по которым до сих пор продолжаются научные дискуссии и споры. Ф. Энгельс дал на них четкие и обстоятельные ответы.

На наш взгляд, ответ на вопрос об объекте научного коммунизма дает само построение Ф. Энгельсом отдела, посвященного теории научного социализма. После исторического очерка следует «Очерк теории», а затем три самостоятельные главы: «Производство», «Распределение», «Государство, семья, воспитание». Как видно, к проблематике научного коммунизма подход осуществляется через изучение общества в целом со всеми его основными сторонами: экономической, социальной, политической, духовной.

Особенностью исследований непосредственно научного коммунизма является вполне конкретный подход к обществу, определенный ракурс, аспект анализа общественных явлений. Излагая основные положения научного социализма, Ф. Энгельс раскрывает закономерности освободительного движения пролетариата, закономерности революционного перехода от капитализма к социализму. Следовательно, конкретная предметность научного коммунизма заключается в том, что это есть социально-политическое учение о подготовке, возникновении и развитии коммунистической общественно-экономической формации.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» определяет предмет политической экономии в самом широком смысле как науки «о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе» (1, 20, 150).

Подобно этому Ф. Энгельс определяет в главных чертах и предмет научного коммунизма. «Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самую природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения» (там же, 295).

Согласно мысли Ф. Энгельса, научный коммунизм есть наука об условиях и законах революционного перехода от капитализма к социализму, строительства социализма и коммунизма, о роли рабочего класса в свержении буржуазного строя и построении нового общества.

Как социально-политическая наука научный коммунизм есть теоретическое выражение всемирно-исторического движения рабочего класса, и в этом его практически-политическое значение.

Основными проблемами и, так сказать, составными частями научного коммунизма являются проблемы: условий и природы революционного переворота и перехода от капитализма к социализму; условий и закономерностей осуществления всемирно-исторической миссии рабочего класса; путей и закономерностей строительства социализма и коммунизма; экономические, социальные, политические и духовные проблемы построения нового общества. Эти проблемы строительства различных сфер жизни нового общества рассматриваются с точки зрения всемирно-исторической миссии рабочего класса, с позиций социально-политического подхода к созданию социализма и коммунизма.

Формулируя основные положения научного коммунизма в условиях безраздельного господства капитализма, К. Маркс и Ф. Энгельс придавали первостепенное значение обоснованию объективной необходимости замены капиталистического способа производства социалистическим, определению условий и путей сознательной, организованной подготовки пролетариатом революционного свержения господства буржуазии и прихода рабочего класса к власти.

В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс в результате глубокого анализа противоречивости капиталистического способа производства вскрывает неразрешимые для капитализма противоречия общественного развития, обуславливающие историческую обреченность этого общественного строя, неизбежность его замены социализмом. Коренная противоположность между общественным характером производства и частной формой присвоения, определяющая природу капиталистического способа производства, проявляется, по словам Энгельса, в трех основных формах. Во-первых, указывает Энгельс, *«противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией»* (там же, 282). Во-вторых, в сфере капиталистической организации производства это противоречие *«воспроизводится как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе»* (там же,

285). В-третьих, в сфере товарно-капиталистического обращения это противоречие означает, что *«способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстанут против способа производства, который они переросли»* (там же, 287).

Все это делает закономерно неизбежным при всех возможных оттягиваниях и попытках буржуазии приспособиться к новым условиям углубление общего кризиса капитализма, замену его социалистическим обществом, воплощающим единство новых производственных отношений с развившимися в ходе научно-технического прогресса производительными силами.

Ф. Энгельс с замечательной прозорливостью указывает на возникновение в недрах капитализма новых явлений, свидетельствующих о формировании объективных и субъективных предпосылок социализма. В частности, он гениально предвидит тенденции перерастания домонополистического капитализма в монополистический, зарождение государственно-монополистического капитализма.

Ф. Энгельс отмечает такие определяющие новые моменты развития капиталистических производственных отношений, как усиление концентрации капитала, его централизация, рост акционерных обществ, мировых связей. Для капитала стал характерен *«переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных обществ»* (1, 20, 289). Этот процесс означает переход от свободной конкуренции к капиталистическим монополиям. *«...Целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, конкуренция внутри страны уступает место монополии этого общества внутри данной страны»* (там же, 673). То, что Энгельс отметил как тенденцию, было позднее систематически разработано Лениным в работе *«Империализм, как высшая стадия капитализма»*, где дана классическая характеристика высшей стадии развития капитализма — монополистического капитализма.

Ф. Энгельс выявил не только тенденции перехода к монополистическому капитализму, но и начало сращивания буржуазного государства с капиталистическими монополиями. Он обратил внимание на переход крупных предприятий *«в государственную собственность»*. Касаясь развития монополий, Энгельс писал: *«На известной*

ступени развития становится недостаточной и эта форма: государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство указанными средствами производства и сообщения. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог» (там же, 289).

Государственно-монополистическая собственность, как экономически обусловленное явление, представляет собой несомненный прогресс в рамках капиталистического способа производства (см. там же), но этот прогресс носит антагонистический характер, т. е. не только не изменяет природы этого строя, но еще более усиливает его эксплуататорский характер. Как подчеркивал Энгельс, «современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать» (там же, 290).

Проследившая начало процесса формирования монополистического и государственно-монополистического капитализма, Энгельс вскрыл объективную необходимость этого исторического процесса, основу которого образует расширенное капиталистическое воспроизводство, концентрация и централизация капитала. «Обращение крупных организмов производства и сообщения — сначала в собственность *акционерных компаний*, позже — *трестов*, а затем — и *государства*» (там же, 675).

Анализ тенденций перехода к монополистическому капитализму, данный Ф. Энгельсом, замечателен в том отношении, что он полностью разоблачает оппортунистические представления, согласно которым переход средств производства в руки капиталистического государства принципиально изменяет сущность капитализма. Капиталисты остаются собственниками денежного капитала, хозяевами акционерных компаний. Вместе с тем национализация средств производства в условиях капитализма означает дальнейшее развитие предпосылок социализма. «Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе

формальное средство, возможность его разрешения» (там же, 290).

Государственно-монополистическая собственность лишь в какой-то мере и на время «снимает» те конфликты и противоречия, которые объективно складываются между общественными производительными силами и частнособственническими производственными отношениями. Но она не в состоянии преодолеть основные конфликты и противоречия, внутренние присущие капиталистическому производству и постоянно воспроизводимые последним, хотя и создает объективные предпосылки для их революционного преодоления. Подлинное разрешение основного противоречия капиталистической формации — противоречия между производительными силами и производственными отношениями «может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного» (там же, 290).

Таким образом, анализ основных тенденций развития капиталистического способа производства, проведенный Ф. Энгельсом, вплотную подводит к выводу, который впоследствии был сделан В. И. Лениным: «...государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» (2, 34, 193).

Формирование предпосылок социализма в недрах буржуазного общества означает далее и формирование, развитие той социальной силы, которая призвана покончить с капитализмом. Развитие капитализма есть развитие пролетариата, и причем не только количественный рост этого класса, но и превращение его из класса «в себе» в класс «для себя». Энгельс пишет: «Движущая сила общественной анархии производства все более и более превращает большинство человечества в

пролетариев, а пролетарские массы, в свою очередь, уничтожат в конце концов анархию производства» (1, 20, 285).

На базе освободительного движения пролетариата возникает научная социалистическая идеология как теоретическое выражение его коренных интересов и необходимое условие его грядущей победы. Рост организованного рабочего движения, с одной стороны, развитие научной социалистической идеологии — с другой, делает необходимым создание революционной пролетарской партии, без которой невозможно революционное уничтожение капиталистических отношений. Глубоко проникая в грядущее, Энгельс писал о руководящей роли партии в борьбе за социализм: «...революционной партии необходимо знать и борьбу: партии предстоит совершить революцию — возможно, в более или менее близком будущем. ...партия может оказаться вынужденной, в защиту законов, установленных самой буржуазией, предпринять революционные шаги против буржуазного государства» (там же, 644).

Рабочее движение, развитие которого стимулируется развитием противоречий, присущих капиталистическому способу производства, есть освободительная борьба эксплуатируемого класса против политически господствующей буржуазии. Диктатура пролетариата представляет собой необходимый результат этой борьбы классов. «Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более превращать в государственную собственность крупные обобщественные средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность*» (там же, 291).

Социалистическая революция есть начало новой эры в истории человечества. «Пролетариат берет общественную власть и обращает силой этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества» (там же, 675). Начало новой эры всемирной истории — начало социалистического переустройства общественных отношений.

В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс, давая развернутую характеристику социализма и коммунизма, не разграничивает еще двух основных фаз коммунистического общественного строя. Основными чертами этого строя являются: высокий уровень производства, научное планирование общественного развития, ликвидация классов, отмирание политических характеристик государства, становление нового, свободного человека. Пролетарская революция «освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными» (там же, 675—676).

Материально-техническая основа коммунистического строя создается путем научно-технического прогресса, одним из важнейших элементов которого является производительное применение всей совокупности наук о природе и обществе. Наука становится производительной силой. Эта мысль, обоснованная К. Марксом в «Капитале», получает дальнейшее развитие в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса. Энгельс пишет: «Свойственная современным средствам производства сила расширения разрывает оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение средств производства от этих оков есть единственное предварительное условие непрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства» (1, 20, 293—294).

Важная черта развития производительных сил коммунистического общества — планомерный, научно организованный и управляемый характер. «Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией» (там же, 294), — пишет Энгельс. «Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве

заменится общественно-плановым регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности» (там же, 291).

Ликвидация частной собственности, классов и классовых различий, преодоление антагонистического разделения труда, уничтожение социального неравенства — все это становится необходимыми предпосылками формирования нового, всесторонне развитого человека свободного бесклассового общества. Труд является не только обязанностью каждого члена общества, но и основной жизненной потребностью, необходимой формой индивидуального развития каждого члена общества. Высокая производительность труда делает возможным все более значительное сокращение необходимого рабочего времени. Свободное время, масса которого будет постоянно возрастать, станет временем дальнейшего развития человеческой личности и тем самым могучим стимулятором развития производительных сил. «Только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических» (там же, 187).

При коммунизме устраняется общественное разделение труда; различные типы трудовой деятельности воссоединяются в качественно новую форму производственной деятельности. Прекращается отчуждение продукта человеческой деятельности и самой этой деятельности. Коммунистическое общество предоставляет все условия для всестороннего развития личности. Это достигается путем совершенствования условий труда, а также посредством соединения, чередования, перемены ряда профессий и видов деятельности с разным набором содержания и характера труда. Новое общество не может социально закреплять людей за профессиями, напротив, различные профессии должны быть подчинены индивидуальному развитию члена общества и развитию общества в целом.

Для новой общественной организации труда необходимо подготовить и нового труженика. Этот труженик должен быть (1) широко образованным и разносторонне культурно-технически развитым, (2) владеющим науч-

ными основами разнообразной трудовой деятельности, (3) практически подготовленным к выполнению совокупности различных операций, к совмещению, чередованию ряда профессий, некоторых отраслей производства. «Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу, которая с избытком перевесит труд по перевозке сырья и топлива из более отдаленных пунктов» (1, 20, 308).

Результатом новой организации труда и формирования нового типа труженика является превращение выполняемого людьми совокупного труда в труд привлекательный, интересный и творческий в целом, в труд как жизненную потребность человека и наслаждение. На место старого разделения труда, пишет Энгельс, «должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные,— где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (там же, 305).

Высокий уровень производства и новый труд должны сопровождаться в новом обществе установлением справедливых распределительных отношений, ведущих к повышению жизненных условий всех людей. Принципами распределения должны быть равенство оплаты за равный труд и обеспечение максимального развития способностей каждого: «...распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности» (там же, 206).

Ф. Энгельс исходил из того, что новое общество будет бесплатно обеспечивать обучение работников, в том чис-

ле наиболее искусным и квалифицированным видам деятельности: «В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т. е. бóльшие стоимости, созданные сложным трудом» (там же, 207). В таком подходе заложена идея общественных фондов потребления, когда социалистическое общество на социально равных и справедливых основах предоставляет всем гражданам возможность бесплатного обучения, медицинского обслуживания, получения пенсии и т. д.

Новое общество обеспечивает одновременно рост благосостояния людей, повышение их жизненного уровня и внутреннее обогащение их совокупной жизнедеятельности. Новое общество обеспечивает «всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей» (там же, 294).

На базе преодоления классовых различий все более будут стираться социальные различия между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда. Ф. Энгельс указывает важный путь преодоления социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней — равномерное размещение по всей стране не только промышленности, но и всей совокупности производительных сил: «Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства» (там же, 307). «Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране» (там же, 308).

Равномерный подъем и выравнивание по промышленному, экономическому развитию всех регионов страны обеспечивает синтез земледельческого и промышленного производства, подлинную интеграцию города и деревни, воплощающую «выгоды соединения земледелия с промышленностью» (там же, 302). Предвосхищая необхо-

димось создания в будущем аграрно-промышленных объединений, Ф. Энгельс писал в «Принципах коммунизма» о необходимости соединения промышленного и сельскохозяйственного труда. «Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин» (1, 4, 336).

Сближение города и деревни предусматривает и установление необходимого равновесия, единства между социальной и окружающей человека природной средой, обеспечение разумного природопользования. «Только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы...» (1, 20, 307—308).

В конечном счете, в результате утверждения коммунистического общественного строя исчезает «и государство как государство». Социальная организация общества получит новую, соответствующую структуре бесклассового общественного строя форму. «С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы,— с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества,— является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*» (там же, 292).

Первостепенное значение для нового общества имеет обеспечение научного руководства функционированием и развитием общества. Условия жизни, ранее противостоявшие людям, «теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и

сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству» (там же, 294—295).

Важнейшим социальным достижением нового общества является то, что на место навязанной антагонистическим обществом огромной массе трудящихся изоляции от подлинного духовного развития, от активной, творческой духовной деятельности приходит органическое соединение в людях физического и духовного развития (см. там же, 303; 305).

Единство материальной и духовной деятельности не только социально обеспечивается новым обществом, но также целенаправленно подготавливается, воспитывается у юных граждан. И в этом огромную роль играют школа и университет. В процессе образования обучение соединяется с трудом, а умственное воспитание — с физическим развитием человека. В социалистическом обществе, писал Ф. Энгельс, «труд и воспитание будут соединены и таким путем подрастающим поколениям будет обеспечено разностороннее техническое образование, как и практическая основа для научного воспитания» (там же, 334).

Итог всех комплексных преобразований в общественной жизни социалистического и коммунистического общества — новый человек. Новое общество обеспечивает его свободное и всестороннее развитие. Человек в полном смысле начинает воплощать в себе всё человеческое. «Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие... И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (там же, 294; 295).

Будущее общество, как писал Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма», есть общество всесторонней

развитости, справедливости, гуманизма и многостороннего творчества свободного человека.

Многие из указанных Ф. Энгельсом черт коммунистического общества уже воплощены в жизнь в странах социализма. Дальнейшее развитие социализма и его постепенное перерастание в коммунизм полностью осуществят возвышенные и благородные идеалы марксизма-ленинизма.

Ф. Энгельс о предмете политической экономии и современный опыт социалистического строительства

Содержанием экономических отношений в социалистическом обществе являются средства производства и результаты труда — продукт производства. И средства производства, и результаты труда становятся предметом социалистического распределения, которое образует одну из основных экономических функций социалистического общества.

Однако не отношения распределения составляют экономическую основу социалистического общества, хотя они, конечно, входят в состав экономических отношений. Эту сторону вопроса подчеркивал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», обосновывая марксистское понимание предмета политической экономии в широком смысле. «...Политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов,— политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана,— писал Энгельс. — То, что даст нам до сих пор экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства...» (1, 20, 153—154). Такую науку Энгельс считал политической экономией в узком смысле. Отсюда вытекает, что политическая экономия в узком смысле изучает экономические отношения, экономические законы той или иной отдельной общественной формации.

Развиваемая Ф. Энгельсом концепция предмета политической экономии в широком смысле, как и вся марксистская наука, послужила теоретической основой борьбы нашей партии за создание политической экономии социализма, против отступлений от марксизма-ленинизма.

Политическая экономия в широком смысле и предмет политэкономии социализма

Как известно, вскоре после победы Великого Октября, в начале перехода от капитализма к социализму, некоторые авторы выступили с отрицанием политической экономии социализма как составной части марксистской политической экономии. Они ограничивали предмет политэкономии, оставляя за ней изучение только одной общественно-экономической формации — капитализма. Такую позицию, в частности, отстаивал Гильфердинг в «Финансовом капитале». Ее придерживались и другие деятели II Интернационала. Под влиянием этих идей Н. Бухарин в книге «Экономика переходного периода» попытался так определить предмет политической экономии: «*Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве*». В. И. Ленин расценил такое определение как «шаг назад против Энгельса». Следуя ложной схеме, Бухарин утверждал, что «конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии». Этот ненаучный механистический подход был отвергнут В. И. Лениным. «Неверно,— заметил Ленин. — Даже в чистом ком[муни]зме хотя бы отношение $IV + m$ к IIc ? и накопление?» (4, 349). Защищая тезис Энгельса о политической экономии в широком смысле, сформулированный в «Анти-Дюринге», Ленин открыл тем самым перспективы для создания марксистской политической экономии социализма.

Реальная действительность, история социалистического строительства в нашей стране и в других странах социалистического содружества подтвердили научную обоснованность вывода Ф. Энгельса о политической экономии в широком смысле.

«Раз общество возьмет во владение средства производства,— писал Энгельс в «Анти-Дюринге»,— то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование» (1, 20, 294). Энгельс предвидел, что общество, основанное на общенародной собственности на средства производства, в конечном счете придет к уст-

ранению товарного производства. Это утверждение было использовано не только Бухарным, но и некоторыми другими экономистами для вывода относительно «конца» политической экономии. Гносеологическим корнем этого ошибочного вывода явилось неправильное представление об экономических отношениях как отношениях только товарного обмена, т. е. представление, игнорировавшее производство как первооснову всей системы общественных отношений.

Политическая экономия социализма как составная часть политэкономии в широком смысле слова отрицалась также и в связи с проблемой конца классовой борьбы в обществе победившего социализма. «Победа современного рабочего класса,— писала Р. Люксембург,— и осуществление социализма означают, таким образом, конец политической экономии как науки. Тут обнаруживается особая связь между политической экономией и классовой борьбой современного пролетариата» (45, 98). Ошибочность такой позиции доказана историей социалистического строительства. В свое время В. И. Ленин, разрабатывая основы политической экономии социализма, опирался на доводы К. Маркса и Ф. Энгельса о предмете политической экономии как науки, изучающей систему производственных отношений и законов их развития в различных общественно-экономических формациях.

Однако в нашей экономической литературе конца 40-х — начала 50-х годов встречаются взгляды, которые по существу ведут к отрицанию предмета политической экономии. Так, Л. Ярошенко сводил задачу политической экономии к изучению вопросов рациональной организации производительных сил. Другие авторы нередко делали упор на проблему распределения, на соотношение цен и издержек производства, на закупочные (оптовые) цены как инструмент распределения совокупного общественного продукта. При этом оставался в тени тот факт, что основу экономических отношений социалистического общества составляют отношения производства. Но эти последние предполагают формирование условий расширенного воспроизводства, следовательно, соответствующее распределение совокупного общественного продукта и национального дохода.

В определении предмета политической экономии в широком смысле Ф. Энгельс исходил из диалектической

взаимосвязи всех фаз воспроизводства, из того непреложного факта, что отношения производства предполагают и обуславливают отношения распределения, обмена и потребления. Поэтому политическая экономия социализма при исследовании условий производства не замыкается в кругу отношений распределения и обмена, основу которых составляет материальное производство. Ее предмет значительно шире. Энгельс, определяя его, писал: «...политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами и проявляются как вещи*» (1, 13, 498).

При обосновании предмета политической экономии социализма В. И. Лениным, нашей партией, развивающей марксистско-ленинскую экономическую теорию, применен метод «Капитала», метод материалистической диалектики, предполагающий единство логического и исторического, общего и особенного. Эту научную основу марксистской политической экономии, наиболее рельефно представленную в «Капитале», Ф. Энгельс защитил и развил в «Анти-Дюринге». Подчеркивая исторический характер политической экономии, Энгельс писал: «Условия, при которых люди производят продукты и обмениваются ими, изменяются от страны к стране, а в каждой стране, в свою очередь,— от поколения к поколению» (1, 20, 150). Следовательно, и политическая экономия, как наука, не может быть сводом застарелых догматов, она развивается вместе с развитием материальных условий производства. А потому Энгельс предостерегал ученых: «Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономию Огненной Земли и политическую экономию современной Англии,— тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. Таким образом, политическая экономия по своему существу — *историческая наука*» (там же, 150—151).

Подчеркивая историзм политической экономии, Ф. Энгельс учил видеть в экономических процессах внутреннюю взаимосвязь, наличие материальных элементов различных общественно-экономических формаций, а также социально-экономические факторы различных этапов и периодов движения данной исторической формации. Существует определенная преемственность отмеченных явлений и их взаимное отрицание, предполагающее возникновение новых качественных особенностей более высокой

ступени общественного развития. Но экономическая сущность формаций, составляющая основу их преемственности, а также отдельных этапов и отдельных периодов внутри формации представляет то наиболее устойчивое, что получает свое выражение в общих, социологических законах. Потому-то политическая экономия, по определению Энгельса, «имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще» (там же, 151).

Исторический характер политической экономии, обусловленный социальной природой производства, в условиях раскола мира на две противоборствующие социальные мировые системы — социалистическую и капиталистическую — еще более подчеркивает ее классовость, которая органически присуща характеру самих мировых систем, их целям и интересам, их развитию.

Отмечая наличие общего в развитии качественно различных способов производства, Ф. Энгельс пришел к очень существенному выводу: «...законы, имеющие силу для определенных способов производства и форм обмена, имеют также силу для всех исторических периодов, которым общи эти способы производства и формы обмена» (там же). В данном случае Энгельс имеет в виду способы производства не как общественно-экономические формации, а как методы производства, применяемые в рамках данной формации, способы ведения производства в социально-техническом смысле прежде всего, которым, разумеется, соответствует определенная социально-экономическая сущность.

Исходя из этой посылки, современная марксистско-ленинская политическая экономия социалистического общества учитывает единство действий экономических законов социалистического общества на всех исторических этапах и периодах его развития. Это значит, что в условиях развитого социализма действует система экономических законов, присущих социализму вообще, однако эти законы глубже познаются и все более полно используются в практике социалистического хозяйствования.

Последовательно придерживаясь марксистского диалектического метода в анализе общественного развития,

Ф. Энгельс теоретически обосновывает необходимость революционной смены капитализма социалистическим обществом. Этот глубоко научный подход служит для нас примером в деле исследования процессов экономического развития социализма.

Роль исторического и логического в обосновании социалистического развития

Наша партия, руководствуясь научным наследием марксизма-ленинизма, ориентирует экономическую науку на сочетание исторического и логического подходов в разработке актуальных проблем экономической теории и анализе практики развитого социалистического общества. Опыт борьбы Ф. Энгельса против Дюринга и его сторонников, защита марксистского теоретического обоснования общественного развития, а также рабочего движения вооружает марксистско-ленинские партии в их борьбе против буржуазной идеологии и ревизионизма, против примиренческого отношения к этим враждебным социалистической идеологии рабочего класса учениям.

«Анти-Дюринг» — ярчайший образец научного понимания экономических и всех общественных отношений с позиций пролетарской партийности. Доказав несостоятельность дюринговской робинзонады, Ф. Энгельс подтвердил вывод К. Маркса о том, что в эксплуататорском обществе не существует внеклассовых общественных отношений. Критикуя теорию насилия Дюринга, извращающую природу капитализма, истоки частной собственности на средства производства и результаты труда, Энгельс разоблачил попытки апологетов капитализма затушевать его противоречия и тем самым идейно разоружить пролетариат. Актуальность взглядов Ф. Энгельса и его вклада в теоретическую и идеологическую сокровищницу коммунистического и рабочего движения трудно переоценить, особенно учитывая некоторые современные антинаучные буржуазные и ревизионистские экономические воззрения.

Для многих современных буржуазных теоретиков в области социологии характерно отрицание теоретического и политико-экономического значения отношений собственности. Некоторые из них вообще исключают из рассмотрения отношения собственности, подменяя их вопросами управления. Теоретики «индустриального общества» рассматривают процесс управления производст-

вом как осуществление правовых отношений, якобы независимых от отношений собственности. «Реальными экономическими отношениями» они объявляют лишь отношения управления. Наиболее рельефно эта позиция получила отражение в публикациях западногерманского социолога Дарендорфа, утверждающего, что не собственность определяет власть, а власть определяет собственность. Как будто к сегодняшним апологетам капитализма обращены слова Ф. Энгельса: «...апелляция к морали и праву (в вопросах экономических отношений. — *Авт.*) в научном отношении нисколько не подвигает нас вперед...» (1, 20, 153).

Попытка растворить отношения собственности в совокупности других общественных отношений, в первую очередь правовых, в известной мере присуща сторонникам теорий «конвергенции», техноструктуры, менеджериализма и т. п.

Современные буржуазные идеологи отрицают объективную необходимость планирования производства в масштабах всего общества, необходимость перехода к общественной собственности. Это обстоятельство еще более повышает значение марксистского учения о формах собственности, которое разрабатывал в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс. В обстановке усиливающейся идеологической борьбы на международной арене возрастает актуальность этого учения. Как бы в адрес современных теоретиков государственно-монополистического капитализма звучат следующие слова Энгельса о собственности буржуазного государства: «Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста...» (там же, 290).

Разрешение противоречий капитализма «может состоять лишь в том, — писал Ф. Энгельс, — что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства» (там же). Практический опыт реального социализма за истекшие десятилетия подтвердил правильность этого вывода, который, как и сто лет назад, служит теоретической основой для разоблачения буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских концепций о путях развития капиталистического общества.

Все это свидетельствует о глубокой научности марксистско-ленинского учения, проверенной и подтвержденной не только в дискуссиях, но и 60-летней практикой социалистического развития Советского государства. Именно реальная действительность социализма, живая практика творческой деятельности трудящихся масс, руководимых Коммунистической партией, являются могущественными движущими силами общественного прогресса. Пути и средства перехода от капитализма к социализму «должны быть тоже налицо — в более или менее развитом виде,— писал Ф. Энгельс,— в самих изменившихся производственных отношениях. Надо не *изобретать* эти средства из головы, а *открывать* их при помощи головы в наличных материальных фактах производства» (там же, 278). И далее: «Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было прежде всего поставить его на реальную почву» (там же, 19); имеются в виду реальные процессы экономики, развитие инициативы и творчества трудящихся масс после победы социалистической революции и международное коммунистическое и рабочее революционное движение.

Таким образом, Ф. Энгельс еще и еще раз подчеркивает роль теории, роль субъективного фактора в общественном развитии, необходимость тесной связи теории с практикой, факты которой служат основой для развития самой теории, для определения средств общественно-политического воздействия на социальные процессы.

Следуя этому основополагающему принципу научности марксистского учения об общественном развитии, В. И. Ленин, Коммунистическая партия развивали и продолжают развивать науку о коммунизме с учетом конкретных условий данного исторического периода. Ленин всегда выделял роль опыта миллионов масс в коммунистическом строительстве, в определении конкретных путей восхождения от низшего к высшему этапу этого строительства. «Мы не доктринеры. Наше учение не догма, а руководство к деятельности,— писал Ленин. — Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело» (2, 34, 116). Обосновывая направление револю-

ционных социалистических преобразований общества, марксизм-ленинизм вместе с тем определял и средства осуществления этих преобразований.

Приведенное ленинское положение не означает, что теория плетется в хвосте событий, подбирая готовый опыт. Марксистско-ленинская теория служит основой разработки политики партии, ее экономической стратегии потому, что она обладает способностью предвидения как путей, так и средств достижения намеченных целей.

Категории стоимости и потребительной стоимости, их взаимосвязь в социалистическом производстве

Внимание читателей «Анти-Дюринга» привлекает блестящий критический разбор Ф. Энгельсом путаных рассуждений Дюринга о теории стоимости. Энгельс пишет: «...пусть читатель из пяти различных сортов стоимости, преподнесенных нам г-ном Дюрингом, сам выбирает тот сорт, который ему больше нравится: производственную ли стоимость, которая проистекает из природы, или распределительную стоимость, созданную человеческой испорченностью и имеющую ту отличительную особенность, что она измеряется такой затратой силы, которая в ней не содержится, или, в-третьих, стоимость, измеряемую рабочим временем, или, в-четвертых, стоимость, измеряемую издержками воспроизводства, или же, наконец, в-пятых, стоимость, измеряемую заработной платой. Выбор богатый, путаница полнейшая» (1, 20, 201).

Подвергнув обстоятельной, аргументированной критике Дюринга, Ф. Энгельс дал стройное изложение научной теории трудовой стоимости К. Маркса.

Особое значение Ф. Энгельс придает соотношению стоимости и потребительной стоимости. Руководствуясь марксистской теорией трудовой стоимости, социалистическое общество исходит из того, что стоимость как своего рода материализованный продукт реальных производственных отношений, проявляющихся в обмене, будучи выражена в цене, не может функционировать в отрыве от потребительной стоимости. Между ними существует органическая взаимосвязь, в основе которой лежит труд, его качественная и количественная определенность. Следовательно, прирост прежде всего продуктов в натуре при снижении затрат, повышении их качества составляет результат — эффект производства. Увеличение же валового

дохода и прибыли является производным от прироста продукции, снижения индивидуальных затрат общественного труда, от уменьшения стоимости продукции. А это значит, что в народнохозяйственной эффективности общественного производства при социализме отражается не одна какая-то отдельно взятая сторона производства, форма экономических отношений, не один ее показатель, а совокупность экономических и социальных сторон. Из единства потребительной стоимости и стоимости продукта вытекает необходимость сочетания натуральных и стоимостных показателей общественного производства. При этом мы сталкиваемся с таким явлением, что в цене по сути проявляется противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью продукта, противоречие, которое прямо сказывается на сочетании интересов коллектива и общества. Потребительная стоимость представляет интерес преимущественно не столько для данного производителя, сколько для общества. В стоимости же, наоборот, заинтересован прежде всего каждый конкретный коллектив, и потому порой берет верх стремление участников производства на каком-либо предприятии к установлению более высокой продажной цены на продукцию, вместо снижения цены, при меньших общественно необходимых затратах, т. е. стоимости единицы продукции.

Формирование величины стоимости — процесс объективный. Но все же он является производным от условий производства и носит подчиненный характер по отношению к планомерному формированию производственных пропорций. И чем выше уровень пропорциональности реальных факторов общественного производства, тем эффективнее производство, ниже величина общественно необходимого труда, тем эффективнее система экономических отношений и общественного производства. Следовательно, цена в социалистическом производстве в известной мере выражает, но не регулирует его реальную эффективность в пределах данного предприятия и общества, как это порой видится на поверхности. Эту функцию выполняют экономические законы, факторы производства, пропорциональность их применения.

Поэтому создание благоприятных условий производства — обеспечение сбалансированности экономики, использование в этих целях экономически обоснованных цен, как подчеркивается в документах XXV съезда КПСС, — ключ к решению проблемы эффективности об-

ственного производства. Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, поскольку влияет на всю экономическую стратегию социалистического общества.

Анализируя соотношение стоимости и потребительной стоимости в социалистическом производстве, мы подчеркиваем, что важное преимущество социализма заключается в отсутствии фиктивного капитала (ценностей). Наше общество интересуют реальные массы общественного продукта в натуре при снижении затрат на их производство. Естественно, что в этом своем качестве потребительная стоимость приобретает самостоятельное значение. Из этого всегда исходили Коммунистическая партия, Советское государство, определяя экономический курс планомерного поддержания реальных народнохозяйственных пропорций. Так, XXV съезд КПСС поставил задачу: обеспечить в десятой пятилетке «большую сбалансированность и пропорциональность развития народного хозяйства, создать лучшие условия для повышения качественных показателей работы» (7, 44).

Сбалансированность экономики проявляется через стоимость совокупного общественного продукта в процессе обмена потребительными стоимостями, в которых она заключена. Именно в такой взаимосвязи соответствующие общественные потребности могут быть удовлетворены. Потребительная стоимость, будучи субстанцией потребности, воплощает экономическое общественное значение продукта, служит вещественной стороной осуществления экономического оборота.

Равный труд и равенство стоимостей

Социалистическое общество в целом заинтересовано в том, чтобы постоянно происходило понижение общественно необходимого времени на производство продукции, а следовательно, и стоимости последней. Но продуктивность использования рабочего времени, а следовательно, продуктивность функционирования общественного труда отличается значительными колебаниями. Живой труд на различных предприятиях одинакового профиля создает различную массу продукции. Это факт.

Возникает вопрос: как объяснить это явление с позиций марксистской теории стоимости, согласно которой труд, одинаковый по своей сложности и интенсивности,

создает в единицу времени одинаковую массу стоимости? Решение К. Марксом этого вопроса было искажено Дюрингом, который выдвинул морализирующую концепцию равноценности всякого труда. Отвергая этот тезис, противоречащий закономерностям общественного развития, Ф. Энгельс писал: «Стоимость, созданная часом труда двух работников, хотя бы одной и той же отрасли производства, всегда окажется различной, смотря по интенсивности труда и искусству работника...» (1, 20, 206—207).

Фундаментальные положения марксистской политэкономии, которые отстоял в свое время Ф. Энгельс, сохраняют свое значение и в настоящее время. Они остаются действительными до тех пор, пока обмен продуктов будет происходить в товарной форме. Но нельзя не видеть, что этому противодействует другая тенденция, вызывающая большую затрату труда в единицу времени и потому увеличивающая стоимость. Суть в том, что научно-технический прогресс ведет не только к росту производительности труда, но и к повышению интенсивности производства. Этот объективный процесс, обусловленный изменением содержания труда, требует от квалифицированного работника не простых физических усилий, а максимальной мобилизации внимания, воли, большей ответственности за свою деятельность, что вместе взятое сопряжено с большими затратами нервной энергии, интеллектуальным напряжением. Однако научно-техническая революция, предъявляя новые, более высокие требования к нервной системе человека, вместе с тем создает условия, способствующие его адаптации, а тем самым также и развитию самого работника. И те особенности квалифицированного труда, которые в наше время рассматриваются как признаки его усложнения, напряжения, станут для личности работника всеобщей нормой и будут восприниматься им как необходимое. Тем более верно, что научно-технический прогресс, подготавливая все новые и новые перевороты в производительных силах, совершенствует процесс труда, условия приложения рабочей силы, снимает излишние нервные напряжения, которые нередко все еще имеют место в процессе производства.

Но коль скоро в современных условиях происходят изменения величины затрат труда на единицу рабочего времени в сторону их увеличения, то в том же направлении изменяется и стоимость. Соответственно этому об-

щество вынуждено регулировать цены, учитывая также и это возрастание.

Как известно, труд, применяемый в различных условиях, по-разному вооруженный производственными основными фондами, различного уровня квалификации, интенсивности, производительности, в процессе обмена приравнивается один к другому как равный (абстрактный труд), создающий в единицу времени одинаковую стоимость. Это равенство служит основой эквивалентности обмена. Но речь идет именно об абстрактном, а не конкретном труде, чего не понял в свое время Дюринг.

Выравнивание экономических условий приложения общественного труда будет содействовать росту его производительности. Но повышение производительности конкретного труда, оказывая воздействие на стоимость единицы продукта по принципу обратной пропорциональной связи, не отменяет основного положения марксистской теории трудовой стоимости о том, что равный труд (равный, а не всякий, как утверждал Дюринг) в единицу времени создает равную стоимость как величину общественно необходимого труда.

Стоимость в качестве общественного отношения, формируемого трудом в его абстрактном выражении и проявляемого в обмене различных видов конкретного труда, воплощенного в потребительной стоимости товаров, находит соответствующее выражение в цене товаров. Однако переход от стоимости к цене является сложным процессом, на который воздействуют существенные факты, находящиеся вне процесса производства.

Общепризнанное положение — равный труд в единицу времени создает равные стоимости — не выступает непосредственно на поверхности, поскольку одинаковый по количеству рабочего времени, интенсивности функционирования, качеству и содержанию труд порой совершается в различных экономических и природных условиях. Поэтому и производительность, а также масса произведенной стоимости оказываются неравными. Однако социалистическое общество не может признать общественно необходимыми любые, следовательно, и высокие индивидуальные затраты рабочего времени на единицу продукции, которая может быть произведена с меньшими затратами труда. Стоимость — выражение затрат общественного труда на производство данного продукта — специфически оттеняет особенности общественного производ-

ства, использующего товарно-денежные отношения. Следовательно, в оптовых, закупочных ценах социалистического государства выражаются не сами по себе затраты труда, а стоимость, формируемая величиной общественно необходимых затрат труда.

Рост производительности труда (в том числе и той ее части, которая обусловлена внешними, например природными, факторами) означает увеличение доли стоимости, перенесенной на новый продукт. Происходят изменения в структуре стоимости, между живым и овеществленным трудом, вновь созданной стоимостью и перенесенной стоимостью. Этот процесс особенно заметен в отраслях, совершающих переход к комплексной механизации, как, например, в нашем сельском хозяйстве. В таких условиях повышение производительности труда не всегда, во всяком случае не всегда прямо, сопровождается пропорциональным снижением общественно необходимых затрат на производство продукции. Это сказывается на эффективности общественного производства и поэтому вынуждает общество предпринимать шаги для локализации такой тенденции. Успех подобных шагов обусловлен возможностью сочетания общественных, коллективных и личных интересов в социалистическом обществе.

Решение отмеченных проблем способствует дальнейшему углублению разделения труда, т. е. специализации, концентрации общественного производства, повышению качества работы, всей деятельности общества в целом, дальнейшему совершенствованию квалификации работников общественного производства.

Марксистский принцип распределения в современном социалистическом хозяйстве

Таким образом, основные положения экономической теории К. Маркса, которые отстоял и развил Ф. Энгельс в борьбе с одним из представителей мелкобуржуазной идеологии в немецкой социал-демократии — Е. Дюрингом, служат и в настоящее время теоретической базой для практики социалистического строительства в условиях зрелого социализма.

Величайшая заслуга Ф. Энгельса состоит в том, что в последней четверти прошлого века он предвидел необходимость формирования экономического механизма социалистического хозяйствования, основанного на соче-

таний разносторонних интересов социалистического общества. Возьмем, например, обоснование проблемы стимулов социалистического производства. В постановке марксистами этой проблемы, имеющей исключительное значение и для практики развитого социализма, Энгельсу принадлежит особая роль.

Именно Ф. Энгельс очертил проблему стимулов развития социалистического производства и науки, особенно моральных стимулов. Рассматривая совокупность общественных интересов как мощный двигатель социалистического производства, Энгельс связывал их с основной целью социалистического общества, в которой проявляется его социальная сущность,— созданием условий для всестороннего развития человека, выявления и реализации его способностей. С этой точки зрения Энгельс оценивал связь производства и распределения, подчиненность последнего первому, его обусловленность производством.

В то же время распределение, в представлении Ф. Энгельса, подчиняется всестороннему развитию всех членов общества, если предполагать, как об этом свидетельствует опыт реального социализма, наряду с оплатой по труду общественные фонды потребления. Эти фонды, распределяемые без учета количества и качества труда каждого, несут в себе элементы коммунистического потребления и в наиболее зрелой форме способствуют всестороннему развитию личности, ее коммунистическому воспитанию.

При этом Ф. Энгельс выступает против лассальянского требования «неурезанного продукта». В «Анти-Дюринге» зафиксирован «практический вывод, что излюбленный лозунг о праве рабочего на «полный трудовой доход» тоже иной раз не так уж неуязвим» (1, 20, 207).

Обращает на себя внимание факт, что «Анти-Дюринг» начал публиковаться год спустя после написания «Критики Готской программы». Приведенный тезис, сформулированный под влиянием этого труда К. Маркса, вместе с тем соединяет названные работы как звенья единого марксистского фронта наступления против мелкобуржуазности в рядах немецких социал-демократов, против ее тлетворного влияния на сознание рабочих. Установки этих марксистских работ получили дальнейшее развитие в работе В. И. Ленина «Государство и революция», в которой подчеркивается данная К. Марксом характеристика социалистического расширенного воспро-

изводства, распределения созданного совокупного общественного продукта, соотношения потребления и накопления, сочетания общественного, коллективного и личного интересов.

«В «Критике Готской программы»,— писал Ленин,— Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «сношенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п. Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продукт труда — рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать» (2, 33, 91—92).

Научное изложение основных начал политической экономии социализма в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина послужило предметом острой идеологической борьбы марксистско-ленинских партий против буржуазных и ревизионистских извращений справа и слева, за чистоту и дальнейший научный прогресс экономической теории, социалистических методов хозяйствования.

Социалистическое расширенное воспроизводство и интересы общества

Наша партия, развивая сформулированные марксизмом-ленинизмом принципы социалистического воспроизводства, добивается дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, используя для этого сложившийся и непрерывно пополняющийся арсенал методов народно-хозяйственного планирования и экономического воздействия на повышение эффективности общественного производства.

XXV съезд КПСС признал необходимым: «Совершенствовать методы **хозяйствования и экономического стимулирования**, систему критериев оценки работы объединений, предприятий и организаций, исходя из необходимости улучшения конечных результатов производства. Усилить роль экономических стимулов в росте эффективности производства, повышении качества продукции, ускорении научно-технического прогресса, обеспечении рит-

мичной работы предприятий, улучшении использования трудовых и материальных ресурсов» (7, 172).

Развивая дальше это положение, съезд потребовал повышать заинтересованность коллективов, объединений, предприятий и строек в разработке и выполнении планов, наиболее полно учитывающих возможности и резервы производства. При этом усилить зависимость размеров фонда экономического стимулирования, а также премий работников от выполнения плана поставок в соответствии с договорами и заказами. Съезд предложил продолжить работу по улучшению планирования фонда заработной платы и контроля за его расходованием.

Как видим, принципиальное положение марксистско-ленинской теории о механизме экономических закономерностей и развитии экономических отношений в социалистическом обществе получает конкретное воплощение в современном опыте социалистической экономики.

При этом неограниченное значение сохраняет высказанное Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» теоретическое положение, что «распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства» (1, 20, 206). Здесь Энгельс подчеркивает первостепенную стимулирующую роль интересов социалистического общества в развитии его производства. В теории и практике социалистического хозяйствования важно строго придерживаться научных положений классиков марксизма-ленинизма о сочетании всех видов интересов социалистического общества, не допуская искажений сущности социалистических экономических отношений в их многообразии. Одно время при рассмотрении экономических стимулов некоторые авторы, исходя из известного положения Энгельса о том, что экономические отношения проявляются прежде всего как экономические интересы, сводили логику своих суждений к тому, что интересы выступают главным образом как материальные, которые реализовались в виде доли прибыли, достающейся данному предприятию и далее работнику в виде премий и других добавок к заработной плате. Таким образом, широкая гамма общественно-экономических отношений социализма, прежде всего отношений личности, коллектива и общества, которая строится на отношениях общественной собственности, на всех сторонах производственных отношений, сводилась в конечном счете к сугубо денежным отношениям.

Ф. Энгельс предвидел, что структура общественных интересов при социализме формируется на базе отношений работника, коллектива, всего общества к средствам производства, а следовательно, к результатам труда. Основываясь на едином социально-экономическом фундаменте, общественный интерес при социализме проявляется в условиях относительной экономической обособленности коллективов в специфических потребностях классов, социальных слоев и групп, в определенных особенностях характера труда и личности и т. д. Поэтому указанные интересы различаются на разных уровнях развития производственных отношений, а общественное производство — на разных уровнях его обобществления. Этим, как предвидел Энгельс, объясняются существующие объективные особенности интересов производства, коллектива и общества, которые обеспечиваются в едином русле общественного производства на едином его уровне — в деятельности предприятия.

Следовательно, единая всеобщая роль социалистического производства включает в свою структуру более узкую и потому имеющую свою особенность цель предприятия и работника. Естественно, что решение проблемы согласования этих интересов требует рациональной системы регулирования экономических отношений между производственным коллективом и обществом, между личностью, коллективом и обществом. Именно эту цель и поставил XXV съезд партии, выдвигая задачи дальнейшего совершенствования экономического механизма. Причем определяющим критерием намеченного регулирования служит обеспечение интересов всего общества, предполагающее удовлетворение потребностей данного коллектива и работника. В совпадении личных и общественных интересов заключается один из наиболее сильных движущих стимулов, сложившихся в системе социалистических отношений. Эту сторону проблемы особенно выделял в свое время Ф. Энгельс.

Конечно, материальный интерес членов общества, его удовлетворение являются объективной необходимостью социалистического общества, но изменение содержания труда, потребностей класса, коллектива и личности вносят изменения и в соотношение стимулов труда. Поэтому-то материальный интерес дополняется интересами социального порядка, выраженными в характере труда, условиях его осуществления, в культуре быта и отдыха

трудящихся. Проблема сочетания материальных и моральных стимулов, которые рассматривал в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс, как видим, приобретает все большую актуальность. При этом следует подчеркнуть, что создание условий для рационального сочетания материальных и моральных стимулов, создание условий для решения всех социальных проблем предопределяется развитием экономики, дальнейшим ростом производительности труда, повышением эффективности общественного производства. Вне этой связи удовлетворение назревших социальных потребностей социалистического общества может превратиться в благое пожелание.

Для структуры социально-экономических интересов социалистического общества характерно наличие специфики классовых интересов. Как известно, специфика интересов — одна из особенностей класса. Однако интересы класса и других социальных групп не могут развиваться обособленно и, сближаясь, достигают в условиях социализма характера общенародных интересов. В свою очередь общественный интерес служит основой реализации всей системы интересов социалистического общества.

«Чистых» явлений,— писал В. И. Ленин,— ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может...» (2, 26, 241). Поэтому, когда мы говорим о классовых интересах как объективных, относительно самостоятельных потребностях класса, то имеем в виду их диалектическую взаимозависимость, которая проявляется в новом качестве — общественном интересе. Динамика интересов класса есть развитие его потребностей в системе общественных отношений, в достижении единой цели — построения коммунистического общества. В своей экономической политике Коммунистическая партия Советского Союза и Советское государство всегда учитывали интересы классов, социальных групп, отдельных коллективов. Например, в ценах на готовую продукцию, включая средства производства, поставляемые промышленностью сельскому хозяйству, выражается не только отношение коллектива и общества, но и отношения классов, социальных слоев, отношение рабочего класса и крестьянства, города и деревни.

Без учета этой стороны экономических отношений трудно постичь совокупность интересов социалистического общества. Дружественные классы социалистического общества в равной степени заинтересованы в развитии

общественного производства, его пропорциональности как основы экономической эффективности общественного труда. Это обстоятельство и диктует экономическую задачу нашего времени, задачу каждого коллектива — дать больше продукции, лучшего качества, с меньшими затратами. Этот принцип обусловлен совокупностью отношений социалистической собственности в двух ее основных формах, предполагающих соответствующее равенство в распоряжении средствами производства и общественную ответственность за их использование в интересах дружественных классов и социальных слоев, всех членов социалистического общества.

Критикуя Дюринга за его эклектизм, путаницу, Ф. Энгельс глубоко научно, диалектически исследовал экономические отношения во всей их противоречивости, качественном своеобразии, развитии.

Заинтересованность классов социалистического общества в развитии экономики следует рассматривать не как нечто заранее данное, готовое, а как нечто исторически формирующееся, утверждающееся, развивающееся. Не всегда и по меньшей мере не сразу та или иная часть класса осознает в полной мере свой общеклассовый экономический интерес. Порой не каждый коллектив, а следовательно, не каждая частица класса одновременно во всей полноте познает суть того или иного исторически обусловленного классового общественного интереса, особенно в вопросах накопления, направления капиталовложений, соотношения накопления и потребления и т. д.

Противоречивость сложных общественно-экономических явлений сказывается в том, что они не бывают однопорядковыми, и потому не всегда и не каждый работник данного коллектива или хозяйственный орган правильно осознают интересы общества. Бывает, что стремление запросить более высокую цену, отдать предпочтение более выгодной с точки зрения своего предприятия, хозяйства продукции в ущерб пропорциональному развитию производства преобладает в позиции той или иной группы работников. На этой почве произрастают местничество, ведомственный подход к интересам производства. И если эти стремления выпустить из-под контроля общества, дать им возможность разрастись, то вряд ли можно поставить рядом еще какие-либо явления нашей действительности, которые могли бы сравниться с ними по ущербу, наносимому общественному производству. По-

этому социалистическое общество, как это и предвидели К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, не может рассчитывать на спонтанный процесс реализации общественных интересов, как интересов классовых и социальных групп, с одной стороны, так и интересов коллектива и личности — с другой. Формировать осознание этих интересов всеми членами коллектива, представителями всего класса, правильно их учитывать и сочетать непосредственно в первооснове экономики — в сфере производства — в этом особенность и сложность развития и регулирования экономических отношений социалистического общества.

Осуществлять такое регулирование одними только экономическими средствами распределения и обмена, в частности посредством только цены, — значит усиливать противоречия интересов коллектива и общества, создавать диспропорции в народном хозяйстве, тормозить его экономическое развитие. В этой связи жизненно важно исходить в экономической политике из определения Лениным главного классового интереса в условиях социалистической экономики: «Главнейшим и самым коренным интересом пролетариата после завоевания им госвласти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производительных сил общества» (2, 44, 345). Этим по существу и определяется задача социалистического общественного производства. Для обеспечения данной цели нужно сочетание стимулирования и контроля, представляющего своеобразный стимул активности кадров: «...нужна действенная система материального и морального стимулирования в сочетании со строгими и неотвратимыми санкциями за нарушения плановой и договорной дисциплины» (7, 60). Иными словами, нужен реальный экономический, общественно-политический механизм реализации и сочетания интересов социалистического общества, стимулирования трудовой и социальной активности членов общества, развития инициативы и революционного энтузиазма трудящихся.

* * *

В современных условиях, когда решаются задачи коммунистического строительства в нашей стране, партия опирается на теоретический фундамент марксистско-ленинского учения. **«Марксизм-ленинизм, — говорится в по-**

становлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — был и остается **единственно верной наукой коммунизма, непревзойденным искусством политического руководства революционным творчеством масс**» (8, 26).

Основоположники марксистско-ленинской теории отстаивали ее чистоту в борьбе с различными враждебными пролетарской идеологии течениями. Замечательным образцом идейной непримиримости и творческого развития теории научного коммунизма была и остается для нас работа Ф. Энгельса «Анти-Дюринг».

Ф. Энгельс нанес удар по внеисторическому подходу Дюринга к явлениям общественной жизни и, следуя материалистической диалектике, сочетанию логического и исторического в анализе общественных процессов, дал научное изложение основных положений марксистской экономической теории. Развивая их, Ф. Энгельс выдвинул перспективные положения о научном социализме, об использовании его экономических законов, о роли отношений общественной собственности, определяющих характер всей системы социалистических производственных отношений, характер экономического базиса, политической надстройки, об интересах социалистического общества и стимулах социалистического производства, т. е. о такой совокупности экономических проблем социалистического развития, которые составляют сегодня актуальнейший предмет научных разработок теории и практики коммунистического строительства.

3

=====

Ф. Энгельс и методологические вопросы истории философии

Классики марксизма-ленинизма обстоятельно и глубоко изучали историю философии, видя в ней важнейшее средство развития теоретического мышления. В их философские труды органически вплетаются критические исследования философских учений прошлого и настоящего, их оценки, сопоставления и аналогии, имеющие целью создать широкий фон для собственно философского исследования. Не случайно В. И. Ленин поставил историю философии во главе тех областей знания, из которых должна сложиться диалектика как логика и теория познания (см. 2, 29, 314).

К числу важнейших черт марксистско-ленинской философии относятся ее единство и монолитность, «замечательная последовательность и цельность» (2, 26, 50) взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, развитых далее в трудах В. И. Ленина. Методологические проблемы истории философии, как и конкретные историко-философские исследования, осуществленные классиками марксизма-ленинизма, выступают поэтому в качестве составной части философии марксизма-ленинизма, будучи конкретным применением общих принципов диалектического и исторического материализма и средством собственно систематически-философского исследования.

Вклад Ф. Энгельса в марксистскую историко-философскую науку характеризуется всеми этими моментами и в то же время представляет собой нечто особенное. А именно, в его трудах содержатся наиболее четко сформулированные, классически ясные принципы историко-философского анализа. Одновременно в них налицо развернутые и цельные исследования отдельных историко-философских проблем и течений прошлого.

Главное в этом отношении было сделано Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» и последовавших за ним философских работах, включая его знаменитые «Письма об историческом материализме». Конечно, выраженные здесь взгляды были подготовлены всем ходом теоретической деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, в особенности такими

их совместными работами, как «Святое семейство» и «Немецкая идеология», а также трудами Маркса «Нищета философии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и др. В целом ряде произведений Энгельса в центре рассмотрения стоят историко-философские проблемы: философия Гегеля, Фейербаха, младогегельянцев, позднего Шеллинга; проблемы политической истории в тесной связи с историей религии, историей научного познания и т. д. Несомненно, что без таких исследований была бы невозможна та концепция историко-философского процесса, которую формулирует Энгельс в 70-е годы.

Не претендуя на всестороннее и полное изложение историко-философских взглядов Энгельса — тем более что это было бы невозможно вне общего контекста марксистско-ленинской методологии исследования общественного сознания, — мы остановимся на двух центральных вопросах. Это, во-первых, взгляд Энгельса на роль и значение истории философии для развития философии марксизма и прогресса науки в целом. Это, во-вторых, проблемы методологии историко-философского исследования как в смысле практических ее применений, так и теоретической формулировки.

Философия и история философии

Историк философии изучает *факты* исторического развития философии. Но история философии не может быть изолирована от самой философии, и подлинный историк философии в то же время всегда выступает и философом, для которого факты эти служат предметом глубокого осмысления с точки зрения перспектив и ретроспектив философского развития, современного состояния науки и философии, социальных условий и задач, ориентированных на ту проблематику, которая ставилась в исследуемом учении прошлого. Иначе говоря, марксистский историзм подразумевает одновременно выявление «философской индивидуальности» исследуемого учения в специфических условиях места и времени и раскрытие того, как «вписывается» оно в общую закономерность философского развития, являющегося в свою очередь составной частью общего развития материальной и духовной культуры человечества.

Как смотрит на историю философии Ф. Энгельс?

Главная ее роль — быть школой теоретического мышления — может быть осуществлена лишь в результате такого комплексного анализа, в котором сочетаются все указанные выше стороны дела. В своем «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу»» Энгельс писал: «Эмпирическое естествознание накопило такую необъятную массу положительного материала, что в каждой отдельной области исследования стала прямо-таки неустрашимой необходимость упорядочить этот материал систематически и соответственно его внутренней связи. ...занимаясь этим, естествознание вступает в теоретическую область, а здесь эмпирические методы оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление. Но теоретическое мышление является приращенным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии» (1, 20, 366).

Рассматривая это известное положение Ф. Энгельса, можно отметить несколько аспектов затронутого здесь вопроса. Сам Энгельс прежде всего отметил необходимость *исторического* подхода к теоретическому мышлению, — подхода, выявляющего складывание *диалектики*, представляющей собой «аналог и тем самым метод объяснения» (там же, 367) природных и социальных процессов. В историко-философском плане он рассматривает в связи с этим античную диалектику, включая Аристотеля, философию Нового времени как своеобразное отрицание античной диалектики и классическую немецкую философию. Схематическое изложение этого процесса в «Анти-Дюринге» служит непосредственно задачам сопоставления диалектического и метафизического методов и углубленной формулировке материалистической диалектики. Через все это рассуждение Энгельса (см. там же, 20—24) красной нитью проходит мысль о том, что мы имеем тут дело с глубинной закономерностью развития теоретического мышления. Подобно тому как иллюзорно представление утопического социализма о гении, открывшем истину и тем самым избавившем человечество от вековых заблуждений, борьбы и страданий, который будто бы мог появиться в любое время, независимо от исторических обстоятельств, иллюзорно и представление об истории мысли как истории заблуждений, которые могли бы быть рассеяны гениальным мыслителем, появившись он вовремя. А

это имеет фундаментальное значение для понимания как историко-философского процесса, так и процесса становления теоретического мышления.

Рассуждения Ф. Энгельса показывают, что философия не следует просто за развитием естествознания (или науки вообще), приспособлявая свои методы к его методам и результатам, но и не подчиняет себе науку с ее методами. Диалектическое взаимодействие философии и науки, лежащее в основании прогрессивного развития и того и другого, должно было еще быть выявлено, и Энгельс делает такое выявление своей задачей. Немало ярких страниц он посвятил активному воздействию философии на науку, что было обусловлено потребностью именно философского обоснования теоретического естествознания, в 70-е годы XIX в. во многом попавшего в плен к узкому эмпиризму. «К диалектическому пониманию природы можно прийти,— писал Ф. Энгельс,— будучи вынужденным к этому накапливающимися фактами естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления» (1, 20, 14).

В силу сложившихся обстоятельств, которые можно оценить как совокупность объективных социально-исторических условий развития науки в буржуазном обществе XIX в., призыв Ф. Энгельса не был услышан и с достаточной полнотой реализован. Ведь метафизический метод, классическая характеристика которого была дана Энгельсом в «Анти-Дюринге» (см. там же, 20—22), провозглашался даже в конце XIX — начале XX в. не чем иным, как методом науки, которая в этой связи подвергалась критике. Достаточно указать, что в философии Анри Бергсона интеллект, отождествленный с методологией научного мышления вообще, относится к неизменным, устойчивым вещам и оперирует поэтому приспособленными к их познанию неподвижными, статическими общими понятиями, неспособными выразить движение, развитие. Чуждый диалектике, Бергсон отказывает «интеллекту» в возможности совершенствоваться, развиваться и противопоставляет ему алогичную интуицию, которая якобы только и в состоянии выразить движение, охватив его «в подлиннике» (см. 17).

Можно, конечно, сказать, что последовательное применение механистической методологии, и прежде всего примитивной редукции высших форм движения к низшим,

принятой за универсальный метод познания, означало доведение этой методологии до логического конца, исчерпание всех ее объяснительных возможностей и потому шаг к преодолению механистической ограниченности естествознания XIX в. Однако процесс этот был сопряжен с огромными трудностями (см., напр., 40. 41). В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» показал, что кризис физики как выражение общего кризиса гносеологических оснований естествознания XIX в. и его методологической основы явился, в частности, следствием крайне замедленного освоения *диалектики*.

Плодотворность взаимодействия философии и науки в ходе формирования теоретического мышления зависит не только от усвоения уроков прогрессивного развития философии, но и от успешного размежевания с теми «остатками давно умерших философских систем» (1, 20, 524), которые в силу тех или иных, прежде всего социальных, причин продолжают владеть сознанием людей.

Что это за «остатки»? В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс останавливается в этой связи, во-первых, на проявлении слабых сторон прежней философии в дюрингианстве: априоризме, натурфилософском спекулятивном схематизме, метафизике. Во-вторых, на сильных сторонах и исторической ограниченности классических философских систем прошлого, особенно французского материализма, классического немецкого идеализма, фейербахианства.

Тот факт, что Ф. Энгельс избрал в качестве объекта философской критики такого несомненно незначительного философа, каким был Е. Дюринг, заслуживает объяснения. Дюринг — автор одной из рядовых систем философии, которые, по словам Энгельса, «с некоторых пор... растут в Германии, как грибы после дождя» (там же, 6). Система эта достаточно эклектически соединяла в себе позитивистский эмпиризм с априоризмом, заимствованным из немецкой философской традиции, а вульгарный материализм — с эмпирической метафизикой» и позитивизмом. Его социальный смысл неплохо подытожил В. Виндельбанд: «...единственное разумное это — сама действительность». «Одна только философия действительности призвана, по его (Дюринга.— *Авт.*) мнению, к тому, чтобы при помощи здорового мышления порождать здоровую жизнь и самоудовлетворение такого настроения, которое направлено на благородный человеческий род, и задатки которого уже даны самой природой в «симпатических

аффектах». Поэтому с какой бы резкостью и раздражительностью ни выступал Дюринг против современного общественного строя, это все-таки не мешает ему столь же энергично защищать разумность действительности в ее целом...» (20, 378; 379).

Конечно, мы ошиблись бы, увидев в таком апофеозе «действительности» параллель с гегелевским «все действительное разумно и все разумное действительно». Дюринг имел в виду именно наличную действительность, нуждающуюся лишь в новом осмыслении, которое и породит «здоровую жизнь». Однако эклектическая «разносторонность» философии Дюринга, сочетание в ней эмпирии и априоризма, упований на положительную науку и спекулятивного системосозидания, «протест» против современной действительности прусского государственно-го строя при уверенности в том, что эта действительность в целом «разумна», даст богатый материал для критики. В то же время эти особенности дюрингианства позволяют как противопоставить ему строгий монизм диалектико-материалистического понимания природы и общества, так и затронуть по ходу дела самые различные типы философствования, раскрыть их исторические аналоги, обнажить роковые для них, как и для самой системы Дюринга, последствия теоретических ошибок.

Ф. Энгельс начинает критику Дюринга с его априоризма. Он усматривает порочность всей концепции в том, что «речь идет у него (Дюринга.— Авт.) о *принципах*, выведенных из *мышления*, а не из внешнего мира, о *формальных принципах*... с которыми должны, следовательно, сообразоваться природа и человек» (1, 20, 33). В этой своей установке Дюринг в вульгаризированной и упрощенной форме воспроизводит идеалистический исходный пункт философии Гегеля. Великий идеалист в своих философских построениях опирался, однако, на опыт развития научного знания, производя своеобразный эксперимент, состоявший в «мыслительном рассмотрении» вещей,— и результатом были угаданные Гегелем, за движением его спекулятивных понятий, действительные отношения вещей. Что же касается Дюринга, то он вернулся, как показал Энгельс, по сути дела к схоластическому философствованию, состоящему в тавтологическом «выведении» основных философских понятий.

И действительно, идеалистическая диалектика Гегеля, в рамках которой осуществляется «априорное» выведение

последовательно развертывающихся категорий, строится по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. На каждой из ступеней этого движения мы видим синтез противоположных определений, не только отражающий — хотя и в крайне абстрактной (но такова уж судьба *философских* понятий!) форме — реальное развитие познания, но и подтверждаемый фактами исторического развития самого философского мышления. Гегель уловил в этом восхождении основные закономерности диалектического мышления, но «впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное» (1, 46, ч. I, 37—38). Отношения между методом восхождения от абстрактного к конкретному (как и вообще развитием познания) и действительным развитием гораздо сложнее и вовсе не сводятся к тождеству бытия и мышления. Они получают свое полное объяснение только на основе *теории отражения*.

Что же касается Дюринга, то он, восприняв от Гегеля (и обругав его при этом за «горячечные фантазии») идею тождества бытия и мышления, отбросил его диалектику восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому в философии Дюринга, строго говоря, воспроизводится скорее не гегелевская идея тождества, всегда подразумевающая, хотя и не всегда последовательно, *различия* бытия и мышления, а скорее шеллинговская «философия тождества», где эти различия оказались стертыми.

Критика Ф. Энгельсом Дюринга по этому вопросу оказалась необычайно важной для методологии историко-философского исследования как в ретроспективном, так и в перспективном плане. Что касается ретроспективы, то она обращена против всякого рационалистического схематизма, пытающегося представить непротиворечиво мыслимое как по меньшей мере возможное, а тем самым и существующее. Априористическое толкование бытия как единого непротиворечивого образования, охватывающего все сущее, принятое Дюрингом, — это весьма древняя традиция, восходящая к элеатам, но наибольшее распростра-

пение получившая именно в схоластике. Однако она встречается и сегодня.

Так, например, Ж. П. Сартр в своей книге «Бытие и ничто» (1943) выводит основные характеристики «бытия-в-себе»: бытие есть оно *само*; бытие есть то, что оно есть; бытие *есть* (см. 121, 32—34). Формулируемая на этой основе мысль о пассивности «бытия-в-себе» служит Сартру для того, чтобы противопоставить ему динамичное, подвижное, «диалектическое» сознание, экзистенцию как «бытие-для-себя», а следовательно, и для отрицания диалектики объективной действительности, независимой от сознания, т. е. природы. С другой стороны, в «критической онтологии» Николая Гартмана понятие бытия оказывается предметом онтологии и основой для единства мира. «Так понятое единство ее (онтологии.— *Авт.*) предмета есть «сущее как таковое», — пишет он (104, 31), возвращаясь к старым определениям объекта философствования. И именно потому, что Гартман искал единство мира в его бытии, он пришел к дуализму его «способов существования» (*Seinsweisen*) — реального и идеального, а отсюда к тому, что идеальное «индифферентно» по отношению к реальному и «служит структурной основой реального мира... Оно остается тем, чем оно по существу является также тогда, когда ему не соответствует никакой реальности. Но в сущность реального бытия входит структура идеального и тем самым — его реализация» (там же, 263). Так «реализм» критической онтологии, начинающей с признания реального, независимого от человеческого сознания «бытия», переходит в самый настоящий идеализм...

Мы не говорим уже о схоластическом и неосхоластическом отождествлении «бытия» с богом, выводимом из ветхозаветного текста (Исход, 3, 14): «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий (*Иегова*)» (см. 102, 40) *.

В результате критики дюринговской концепции единства мира как единства *бытия* Ф. Энгельс сформулировал диалектико-материалистическое его понимание: единство мира состоит в его *материальности*. Решение Дюринга и иных апологетов «бытия» по существу тавтологично: все, что есть, то есть, и в этом состоит единство всего, что есть, тогда как положение о материальном единстве ми-

* В английском тексте Библии, цитируемом Жильсоном, говорится буквально: «Я есть тот, кто есть» (*I am who am*), и в этом довольно грубом ответе тавтология уже совершенно очевидна.

ра — это вывод, результат длительного развития философии и естествознания (см. 1, 20, 43).

Отсюда вытекает важная задача историко-философского исследования — показать, как в истории познания и практического преобразования природного и социального мира вырабатывается и обосновывается решение основного вопроса философии, вопроса о соотношении бытия и сознания. Ибо учение о материальном единстве мира — как раз одна из наиболее существенных сторон становления материалистического решения этого основного вопроса. В ходе такого анализа выявляется противоположность философии, опирающейся на научное знание, спекулятивной философии, с одной стороны, и позитивистского отождествления философии с суммой конкретно-научных знаний — с другой. А вместе с тем обнаруживается, что, собственно, *никакая* философия не развивается в абсолютной независимости от развития науки и общественной практики; вся она так или иначе — положительно или отрицательно — с этим развитием связана, даже когда она претендует на реализацию «чистого мышления».

Позже Ф. Энгельс резюмирует это положение в «Людвиге Фейербахе...»: философию толкает вперед не сила «чистого мышления», но «главным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности» (1, 21, 285). Естественно, в эпоху быстрого развития науки и общества этот факт бросается в глаза, но мимо него нельзя пройти и в другие времена.

Однако можно говорить о различных типах взаимодействия наук (в том числе и общественных) и философии на протяжении истории философского знания. Так, в «Людвиге Фейербахе...» Энгельс останавливается на двух из них: *натурфилософском*, который спекулятивным образом подменяет неизвестные еще действительные связи явлений вымышленными или угаданными, и *редукционистском*, или механистическом, смысл которого состоит в построении философии по модели той или иной конкретной науки, в данном случае классической механики.

Говоря о французском материализме XVIII в., Ф. Энгельс отметил его механистичность, объясняемую тем, что «из всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика» (там же, 286). Главное и основное здесь — это «применение исключи-

тельно масштабов механики» к природным и социальным процессам. Анализ в этом плане механистических установок философии XVII—XVIII вв. до сих пор имеет немаловажное значение не только в сугубо историческом, но и в методологическом плане. Дело в том, что в XX в. на смену содержательному редукционизму, пытавшемуся построить философское мировоззрение путем сведения всех явлений мира и их законов к законам классической механики и определяемым ими механическим процессам, приходит редукционизм формальный, или языковый. Так, в аналитической философии XX в. укоренился взгляд, что построение картины мира обуславливается «онтологическими допущениями» языка науки, т. е. идеализированными допущениями относительно тех объектов, о которых только и может идти речь в данном языке. Тем самым моделью мира оказывается уже сам язык, в котором эти предпосылки заложены. Например, используя язык классической механики, мы не только формулируем тем самым онтологические допущения, позволяющие фиксировать лишь пространственные перемещения тел под действием внешних сил, — мы строим и модель мира, где нет и быть не может («не позволяет язык!») каких-либо иных процессов.

На такой методологической основе Г. Райл, например, попытался решить сложные проблемы истории философии, соотнеся их с различиями в структуре и словарях тех языков, на которых говорят спорящие мыслители (см. 119)*. Но исследование Ф. Энгельса показывает, что не сам язык механики выступает основой философской картины мира, созданной французским материализмом XVIII в. Она базируется на той содержательной концепции механики, которая на этом языке (и лишь производно — в нем, в его структуре и словаре) выражена. Ее суть — сведение всех иных содержательных концепций (например, феноменистической концепции ощущения) к механике («первичным качествам» — форме, плотности,

* Г. Райл говорит о споре детерминизма и индетерминизма, об апории Зенона «Ахиллес и черепаха», о гедонизме и вызванных им спорах, о мире науки и мире повседневном и т. д. Все эти споры коренятся в ошибочно принятой равноценности способов рассуждения, т. е. «языков». Так, все трудности, связанные с апорией «Ахиллес и черепаха», вытекают, по мнению Райла, из того, что мы пытаемся описать бес на математическом языке числителей и знаменателей, а отношения между дробями... на языке спортивного журналиста (см. 119, 67; 53. Подробнее см. 16, 283—287).

движению и т. д. материальных частиц), а не анализ языка с целью выяснить, что может быть с его помощью сказано. Этот анализ может, конечно, служить важным вспомогательным средством анализа историко-философского, но последний не может быть к нему сведен.

Ниже мы остановимся на энгельсовском анализе натурфилософии. Пока же нам достаточно сделать вывод, что история философии имеет, по Энгельсу, существенное значение для развития марксистской философии. Во-первых, раскрывая различные типы взаимодействия философии и научного знания в обосновании центральных проблем философии как таковой, она позволяет вскрыть их недостатки и слабости, выделить основную прогрессивную линию — их взаимное обогащение. Результатом является материалистическое решение основного вопроса философии, обоснование материального единства мира, формулировка наиболее общих законов движения внешнего мира и человеческого мышления. Это и есть законы материалистической *диалектики*.

Во-вторых, анализ Ф. Энгельсом истории философии показывает, что философия в своем историческом развитии прогрессирует и критерием этого прогресса является место, занимаемое философией в целостной системе научного знания и общественной практики своей эпохи. Философия при этом выступает на всем протяжении своего развития не как пекий простой рефлекс, какое-то лишь суммирование научных данных, но как их *синтез*. То же касается и переработки в новом философском учении предшествующих систем мысли. Такова, в частности, диалектика развития философии — от античного материализма, через его отрицание в идеалистической диалектике и далее — к современному материализму. «Современный материализм — отрицание отрицания — представляет собой не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории» (1, 20, 142).

Иногда, цитируя продолжение этой мысли — положение, что «это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках», — утверждают, будто Ф. Энгельс говорит о прекращении существования философии вооб-

ще. Однако на деле имеется в виду *преодоление* прежней философии *по форме*, т. е. прекращение ее существования как дисциплины, противостоящей научному знанию и общественной практике; она сохраняется по подлинному ее *содержанию* в качестве мировоззрения. При этом Энгельс имеет в виду перспективы развития мировоззрения, соответствующего новой, высокоразвитой и развивающейся далее естественной и общественной науке, а главное — грядущему коммунистическому общественному строю. Новое, коммунистическое и диалектико-материалистическое мировоззрение требовало длительного времени для своего складывания и совершенствования.

А когда Ф. Энгельс пишет о том, что самостоятельное значение из всей прежней философии сохраняет «учение о мышлении и его законах», то таковое не может обойтись без философии как синтеза познанного бытия данной эпохи. «Теория мышления и его законов,— справедливо писал Плеханов,— предполагает общий синтетический взгляд на природу и жизнь... такой общий синтез и был дан самим Марксом и Энгельсом. Мы считаем диалектическую философию одной из самых замечательных попыток объединяющей философской мысли» (58, 18, 324—325). Осуществление этой попытки было бы невозможно или по меньшей мере чрезвычайно затруднено без подробнейшего учета всего опыта истории философии.

Основные закономерности исторического развития философии

Через все историко-философские исследования Ф. Энгельса проходит мысль о *прогрессивном* развитии философии. В «Анти-Дюринге» и «Людвиге Фейербахе...» определяющее место занимала мысль о развитии производства, общественной практики и науки как решающих факторах философского прогресса, представляющего собой в то же время относительно самостоятельный процесс. Исследовав взаимодействие экономического базиса и идеологических надстроек, Энгельс сделал в своих знаменитых письмах об историческом материализме вывод о том, что преобладание в этом аспекте экономического развития в конечном счете «имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей

части только в своем политическом и т. п. выражении) на имеющийся налицо философский материал, представленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» (1, 37, 420).

Двоякого рода логическую связь можно обнаружить между методологическими установками, изложенными выше и касающимися взаимоотношений философии с наукой и производством. Во-первых, мы имеем дело с раскрытием в обоих случаях одного и того же механизма образования философии истории, философии права и т. д. и натурфилософии. Подобно натурфилософии философия истории «состояла в том, что место действительной связи, которую следует обнаруживать в событиях, занимала связь, измышленная философами; что на историю... смотрели как на постепенное осуществление идей» (1, 21, 305). Иначе говоря, это общий механизм формирования *идеалистических* по своей сущности и основе идеологических образований. Во-вторых, Энгельс более глубоко и обстоятельно проследивает здесь общий принцип материалистического понимания истории применительно к духовной деятельности, и в частности философии: бытие определяет сознание, и общественное бытие, основу которого составляет экономический базис, определяет сознание общественное; оно определяет и направление и способ изменения того материала, которым располагает философия.

Анализируя первый аспект развития Ф. Энгельсом диалектико- и историко-материалистической методологии истории философии, мы должны подчеркнуть, что Энгельс глубоко исторически подходит к натурфилософии, а соответственно и философии истории. Именно признание прогрессивного для своего времени значения «гениальных натурфилософских догадок» отличает его от Дюринга, который осуждал прежнюю натурфилософию, видя в ней «пустую лжепоэзию, покоящуюся на невежестве» или «игру для больших детей и невежд», и... в то же время создавал «свою» разновидность натурфилософии. Дюринг основывал ее на «законе определенного числа», в своем натурфилософском, онтологическом значении пре-

вращающегося в «закон определенного множества» (der bestimmten Anzahl), который есть «естественный закон, удостоверенный чисто логической интуицией» (88, 64). А следовательно, это как раз мнимый, вымышленный закон. Но наряду с этим Дюринг дополнял «логические» взаимосвязи математическими, а затем и механическими категориями. И тогда он повторял ошибки механистического материализма, некритически принимая тот вывод, что «антагонизм механических сил есть основная схема Универсума», тогда как «Универсум есть механизм и, как таковой, не может мыслиться без систематики» (там же, 81; 99).

Порочность натурфилософии Дюринга состояла в том, что в ней используется «метод», который мог работать и даже был необходим в условиях слабого развития естественных и общественных наук, когда сами науки не выработали еще теоретических концепций, раскрывающих даже элементарные свои взаимосвязи, — в условиях господства эмпирического естествознания. Не удивительно, что тогда для установления таких взаимосвязей, призванных объяснить как науку, так и саму природу, ее объект, можно было или воспользоваться как образцом механикой, или конструировать эти связи на основании догадок и экстраполяций, связанных с попытками осознания логики развития науки. Первое было особенностью механистического материализма, второе — особенностью классической идеалистической натурфилософии в Германии. Комбинация их и дает «схематизм», ограниченный механистической концепцией.

Но главное, вероятно, не в этом. Критикуя Дюринга, Энгельс показал, что принятая Дюрингом философская установка — выведение принципов из мышления — «есть идеалистический взгляд, переворачивающий вверх ногами действительное соотношение» (1, 20, 34). Этому Энгельс противопоставляет материалистический взгляд, тем самым раскрывая понимание истории философии как процесса противоборства основных партий в философии, материализма и идеализма.

Критический анализ Ф. Энгельсом натурфилософии основан на том, что свойственная ей подмена реальных связей связями логическими есть не что иное, как проявление идеализма. Так, в письме Ф. А. Ланге от 29 марта 1865 г. Энгельс пишет: «Охотно признаю, конечно, что в подробностях философии природы встречается бессмыс-

лица, но его (Гегеля.— Авт.) *настоящая* философия природы заключается во второй книге «Логики», в учении о сущности, которое, собственно говоря, и есть ядро всей доктрины. Современная естественнонаучная теория о взаимодействии сил природы... есть лишь иное выражение или, лучше сказать, положительное доказательство правильности развитых Гегелем мыслей относительно причины, действия, взаимодействия, силы и т. д.» (1, 31, 395). Иначе говоря, во-первых, в натурфилософию Энгельс включает исследование основных теоретических понятий научного мышления, которые в самом естествознании (соответственно в исторических науках) не изучаются, а исследуются именно философией в качестве ее категорий. Гегелевская натурфилософия отличается здесь от логики тем, что категории последней рассматриваются в их применении к материалу научного познания. Однако идеализм гегелевской философии приводит к тому, что не логические (философские) категории видоизменяются на основе развития научного познания мира, а, наоборот, сами философские категории, реально возникшие на базе определенного исторически уровня знаний, выступают образом, по которому «исправляются» выводы науки.

Конечно, само это соотношение диалектично. Во времена Шеллинга и Гегеля, когда естествознание нуждалось в философски разработанных категориях и его прогрессивное движение страдало от отсутствия таковых, натурфилософия давала важные методологические и мировоззренческие импульсы для движения науки. Именно через натурфилософию входят в естествознание идеи универсальной взаимной связи явлений, развития, всеобщих причинных связей и т. д. Более того, натурфилософия разворачивает справедливую — для своего времени, конечно, — *критику* эмпирической узости и ограниченности естествознания. Однако в силу своей собственной идеалистической предвзятости она рассматривает эти узость и ограниченность как атрибуты положительной науки вообще и увековечивает те преимущества философии, которые на самом деле были преимуществами временными. Учение Энгельса о взаимоотношении философии и наук о природе и обществе кладет конец такому взаимному непониманию, коренившемуся в эмпиризме естествознания первой половины XIX в., с одной стороны, в спекулятивном высокомерии идеалистической натурфилософии — с другой.

Признание исторической необходимости натурфилософии и ее положительного — в определенных конкретно-исторических условиях — значения постоянно подчеркивается в трудах Ф. Энгельса именно в том плане, что натурфилософские *догадки* должны проверяться, конкретизироваться, развиваться естественнонаучным мышлением. Так, говоря о натурфилософии Окена, Энгельс отмечает: «В случае с *Океном*... ясно выступает бессмыслица, получившаяся от дуализма между естествознанием и философией. Идя чисто мыслительным путем, Окен открывает протоплазму и клетку, но никому не приходит в голову подвергнуть этот вопрос естественнонаучному исследованию — *мышление* должно решить его! А когда протоплазма и клетка были открыты, то от Окена все отвернулись!» (1, 20, 522). В условиях, когда философия все более становится мировоззрением, пропизывающим научное знание в целом, а собственно методологические ее функции сосредоточиваются в сфере диалектики как логики и теории познания, натурфилософия, естественно, теряет свой смысл*.

Та натурфилософия, которую критикует Ф. Энгельс, — это по преимуществу *идеалистическая* натурфилософия. Даже Дюринг, который, вообще говоря, для критиков-идеалистов «был воплощением зловредного реализма и материализма» (2, 18, 255), подвергается им критике «за непоследовательности материализма, за идеалистические причуды, оставляющие лазейку фидеизму» (там же, 254). В натурфилософии эти «лазейки» составляли как раз отличительную особенность дюрингианства. И здесь приобретает особое значение сформулированное Энгельсом положение о противоположности материализма и идеализма в философии. Хотя это положение в более или менее явной форме развивалось и использовалось в историко-философских целях Марксом и Энгельсом еще со времен «Святого семейства» и «Немецкой идеологии», классическая его формулировка дана именно в «Людвиге Фейербахе...».

Трудно переоценить значение выделения основного вопроса философии для методологии марксистской исто-

* Тем не менее В. И. Ленин считает возможным говорить о «натурфилософских положениях» материализма Ф. Энгельса, имея в виду философские обобщения данных естествознания, образующие основание для дальнейшего развития, «изменения формы» материализма (см. 2, 18, 265—266).

рии философии. В зависимости от того, какой дается ответ на вопрос о соотношении мышления и бытия, духовного и материального, «философы разделились на два больших лагеря» (1, 21, 283). Отсюда вытекает основной принцип классификации направлений в истории философии. А на этой базе разрабатывается типология материалистических и идеалистических направлений, появляется возможность представить теоретически их закономерное развитие. Применительно к общественному сознанию вообще основной вопрос философии в качестве методологического принципа позволяет распространить материалистическое понимание истории на историко-философский анализ и оценку философии истории прошлого. Ибо если общественное сознание определяется в конечном счете общественным бытием, то мы получаем возможность рассматривать философию как определенную форму общественного сознания и в то же время видеть в ней отражение и выражение именно общественного бытия. На этой основе перед нами открывается возможность материалистического прочтения замечательной мысли Гегеля о том, что философия — «мысль своей эпохи», «дух времени как мыслящий себя дух».

Раскрывая это положение, Гегель писал, что философия, формы государственного устройства, политическая история, искусства, религия не выступают *причинами* друг друга, но «все вместе имеют один и тот же общий корень, дух времени... следствием такого положения является то, что она (философия. — Авт.) совершенно тождественна со своей эпохой. Но если философия по своему содержанию и не стоит выше своего времени, то она все же выше его по своей форме... Поскольку она мыслит в духе своего времени, он является ее определенным отображающим мир содержанием; но вместе с тем, она в качестве знания также и выходит за его пределы... она является внутренней колыбелью духа, который позднее приступит к созданию действительной формации» (22, 54; 55).

Эти и другие положения Гегеля Ф. Энгельс рассматривает как выражение того факта, что действительные побуждения исторических деятелей не являются конечными причинами исторических событий. За ними стоят более глубокие движущие силы, которые еще надо раскрыть, открыть, исследовать. Гегель приписывает их извне, соотнося с «духом времени», «народным духом» и т. д.

В результате получается словесное в общем и целом объяснение. А на деле в них в идеалистически мистифицированной форме выражен тот факт, что «внутренней колыбелью духа» является не философия, но, наоборот, объективные обстоятельства жизни общества, общественное бытие. Однако отсюда рождается и обратное положение: философия и другие формы общественного сознания предвосхищают, предсказывают социальное изменение, намечают пути изменения. И если отыскание реальных исторических причин общественного переворота является совершенно необходимым для объяснения «сознательных побуждений», которыми вдохновляются массы и их вожди, то и, наоборот, разыскание этих причин не в последнюю очередь зависит от основанного на историко-материалистических принципах исследования общественного сознания.

Иными словами, если, как говорил К. Маркс, нельзя об эпохе великого общественного переворота (да и любой другой эпохе) судить по тому, что она о себе думает, по ее сознанию, то точно так же нельзя или во всяком случае весьма затруднительно судить об эпохе, совершенно не зная того, что она о себе думала, как представляла себе себя самое и свои судьбы. А над этим прежде всего задумывается философия. После того как связи движущих причин исторических событий и социальных переворотов с их следствиями были наконец установлены, исследование идейных образований, и в первую очередь философии, стало одним из путей к исследованию этих причин.

Поэтому, говоря о методологии историко-философского исследования, как, впрочем, и о всяком исследовании жизни идей в историко-материалистическом плане, следует иметь в виду два пути: «редукцию» мыслительного материала к его объективной социальной основе и «выведение» первого из последней. И все это — на основе глубокого знания фактического содержания философского учения, его теоретических источников, его следствий, его объективного значения в общественной жизни его времени. Только в таком случае можно избежать идеалистического о нем представления, т. е. иметь дело с реальным фактом общественного сознания эпохи, а не «с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам» (1, 21, 313).

Уже сказанное свидетельствует в достаточной степени о принципиальной важности раскрытия Ф. Энгельсом борьбы материализма и идеализма как закономерности историко-философского процесса. Не менее важны для историко-философского исследования его мысли о «второй стороне» основного вопроса философии — вопроса о познаваемости мира, а также анализ им истории философии под углом зрения соотношений материализма и диалектики, диалектики и метафизики. И то, что в работах Энгельса сочетаются и последовательно используются эти различные аспекты, доказывает, что марксистско-ленинская историко-философская наука не сводится, как иногда думают, к схематическому ее изображению в свете антитезы «материализм — идеализм». В трудах В. И. Ленина, и в первую очередь в его учении о классовых и гносеологических корнях идеализма, методология истории философии была развита дальше, составив ценный инструментарий для изучения историко-философского процесса в его сложности, многообразии, противоречивости и конкретности (см. 15. 53. 52).

В историко-философской науке с наибольшей силой сказывается положение Энгельса о том, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты» (1, 37, 351). И прежде всего антитеза «материализм — идеализм» не является таким шаблоном. Прежде всего потому, что воинствующий *материализм* Маркса, Энгельса, Ленина отказывается видеть в своем антиподе, *идеализме*, просто «чепуху», хотя и чепухи в нем, конечно, немало! Маркс и Энгельс подробнейшим образом исследовали с этой точки зрения классическую немецкую философию конца XVIII — начала XIX в., и прежде всего идеалистическую диалектику Гегеля (см. 73). С другой стороны, критический анализ ими материализма прошлого подготовил вывод Ленина о том, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый» (2, 29, 248).

Но это и означает необходимость привлечения к анализу философских учений прошлого целого комплекса категорий историко-философской науки, выражающих

особенности и специфику каждого из учений: рационализм и эмпиризм, рационализм и иррационализм (алогизм), монизм, дуализм и плюрализм, и т. д. Разработка этого комплекса в настоящее время осуществляется, хотя сделать остается еще немало (см. 55).

Значительную актуальность приобрел в XX в. вопрос о применении антитезы материализма и идеализма к анализу современной философии. Многие буржуазные философы отказываются от того, чтобы квалифицировать свою философскую позицию в этом плане, видя в таком подходе то ли моральное осуждение идеализма и поощрение материализма, не имеющее отношения к действительному анализу, то ли «устарелый» способ классификации, действовавший, дескать, когда-то, но ныне неспособный дать достаточно гибкую квалификацию философскому учению. Однако мы можем скорее констатировать, что, подобно тому как в современной социологической и экономической буржуазно-пропагандистской литературе произошла своего рода девальвация термина «капитализм», заменяемого такими терминами, как «индустриальное общество» и пр., в философии аналогичным образом обесценился термин «идеализм». От него всячески отрешиваются, предпочитая такие понятия, как «реализм», «эмпиризм», «натурализм» и т. д. Тщательное исследование современной философии показывает, что при всем своеобразии различных систем современной философии в ней продолжается борьба материализма и идеализма, диалектики и метафизики, в центре которой стоит противоположность диалектического и исторического материализма различным формам идеализма XX в. Конечно, это не исключает внутреннего размежевания по этому вопросу и внутри самой буржуазной философии (см. 18, 346—353).

Своими суждениями о различных формах борьбы материализма и идеализма, диалектики и метафизики в истории философии Ф. Энгельс создал твердую основу для классификации их исторически сменяющихся разновидностей. Связь этих разновидностей с общественно-экономическими формациями или стадиями в их развитии позволяет представить историю философии не как процесс «саморазвития» идей, а тем более не как довольно случайный конгломерат произвольных, полупоэтических учений или мартиролог духовных образований. Но в то же время марксистское учение об относительной самостоятельности форм общественного сознания, их взаимной

связи между собой, о посредствующих звеньях, которые соединяют идеологические области, «которые еще выше парят в воздухе» (Энгельс), — философию и религию — с экономическим базисом, дает возможность проследивать и *логику* их развития, отражающую объективную логику исторического развития, а иногда и предваряющую его.

Не повторяя достаточно известное учение марксизма-ленинизма о развитии философии как составной части развития общества и его культуры, остановимся на некоторых положениях Ф. Энгельса, которые иной раз не привлекают достаточного внимания.

В «Людвиге Фейербахе...» Ф. Энгельс писал, что в средние века основной вопрос философии «вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века?» (1, 21, 283). В этом положении Энгельса содержится как будто бы само собой разумеющееся (для материалиста во всяком случае) утверждение, что традиционное теистическое решение проблемы творения есть выражение идеалистической позиции. Между тем здесь есть два осложняющих обстоятельства. Во-первых, кроме теистического решения (бог сотворил мир и постоянно участвует в его жизни в качестве Провидения) есть еще решение пантеистическое, согласно которому мир совечен богу. Но и последнее, как показывает история, в свою очередь реально существовало как натуралистический пантеизм, воплощающий материалистическую тенденцию, и пантеизм спиритуалистический, где господствует тенденция идеалистическая. Материалистические тенденции воплощаются и в тех деистических концепциях, которые зарождаются в эпоху феодализма и расцветают в XVII в. В. В. Соколов, исследовавший эти тенденции в связи с генезисом философии Спинозы, справедливо отмечал, что, «пантеистически растворяя бога в природе или деистически оттесняя его на самую крайнюю периферию мироздания, передовые мыслители уже в эпоху средневековья приходили к более или менее последовательному натуралистическому истолкованию явлений природы и человека» (66, 42). Непосредственным выводом из сказанного было бы утверждение, что решение проблемы соотношения бога и мира в средневековой философии, выступая воплощением решений основного вопроса философии, оказывается в этой связи центральной, хотя в силу этой своей формы во многом еще недооцененной проблемой истории средневековой философии.

Во-вторых, проблема эта и ныне оказывается немаловажной для критического анализа не только современной религиозной философии, но и различных форм объективного идеализма, и «реалистических» школ философии XX в. Так, известный «критик» марксистской философии неотомист И. Бохеньский попытался опровергнуть Энгельсово положение о противоположности материализма идеализму, утверждая, будто в этом положении проблема существенно упрощается. Диалектический материализм, писал он, не знает различия, проводимого западной философией между гносеологической и «космологической» постановкой вопроса, путает гносеологическую противоположность идеализма и реализма с космологической противоположностью спиритуализма и материализма. Поэтому, с его точки зрения, «идеалистом является всякий, кто (1) утверждает, что сознание порождает бытие, (2) признает непознаваемые факторы в действительности, (3) верит в бога, (4) признает существование идеальных факторов в смысле Платона, (5) учит, что в действительности есть еще нечто иное, кроме материи, (6) признает независимость духа от тела» (88, 85). Однако эти учения вовсе не связаны необходимо друг с другом. «Например, томисты признают, вместе с диалектическими материалистами, неправильность тезисов (1), (2) и (4), частично также тезиса (6), но не тезисов (3) и (5); сходные примеры можно привести в связи с сопоставлением с другими современными философскими учениями» (84, 86).

Хотя Бохеньский и наметил действительные черты идеалистической философии, по-разному сочетающиеся в различных идеалистических течениях, он «не заметил», что все они охватываются *одним*, идеалистическим решением основного вопроса философии. Отметим лишь, что (2) есть признак агностицизма, который, как показал Энгельс, не обязательно связан с идеализмом. И каждой отдельной черты, выделенной Бохеньским, достаточно для того, чтобы охарактеризовать принявшее ее учение как одну из форм идеализма.

Возьмем, например, томизм. Бохеньский утверждает, будто это философское учение отвергает мысль о том, что сознание порождает бытие, дух — материю. Но как тогда оценить его основополагающую идею, согласно которой мир творится божественным *духом*? И разве не есть признание томизмом изначального существования

«универсалий» (общих понятий) в уме бога, до вещей, выражение именно платоновского «реализма»? И разве не есть безоговорочное признание бессмертия души и существования бестелесной духовной субстанции — бога — недвусмысленное утверждение тезиса (б) о независимости духа от тела? Иными словами, томист не хочет видеть того, что диалектический материализм в своем учении о борьбе материализма и идеализма как основной закономерности историко-философского процесса дифференцированно подходит к их исторически существовавшим формам и разновидностям.

Более того, в таком случае очевидно, что отказ от того или иного тезиса, сформулированного Бохеньским, не означает отказа от идеализма вообще, он означает присоединение к какой-то конкретной форме идеализма.

Иначе говоря, основной вопрос философии по-прежнему остается решающим критерием в оценке содержания и ведущих тенденций исследуемого философского направления. Связь идеализма, который «есть... *дорога к поповщине через один из оттенков* бесконечно сложного *познания*» (2, 29, 322), с религией, а через нее — с классовым интересом господствующего класса определяет его реакционную, в конечном счете, социальную роль. Причем это особенно характерно для *переходных* эпох, т. е. времен, когда гибнущий, умирающий класс использует все средства, в том числе философию, для того, чтобы удержаться на поверхности. Антитеза «материализм — идеализм» позволяет не только четко разграничить философские направления с точки зрения их имманентного идейного содержания, но и наметить пути выявления их социальной сущности. Эта антитеза в качестве методологической установки историко-философского исследования сохраняет свой огромный потенциал.

Однако Ф. Энгельс никогда не придерживался взгляда, что для квалификации философского учения достаточно отнесения его в ту или иную категорию. Это отнесение, как мы видели, лишь первый шаг в историко-философском анализе. За ним должны следовать выявление социальных и гносеологических оснований философской концепции, сопоставление ее с состоянием научного знания эпохи, ее общественным сознанием, развитием общественных отношений, классовой борьбы и т. д. Именно так исследует Энгельс классическую немецкую философию.

фию, в которой он видит и отражение социальных условий развития Германии конца XVIII — начала XIX в., и выражение идеологии немецкой буржуазии этого периода, и философское обобщение научного знания.

На этом примере мы видим, как соединяются в критическом анализе философского учения прошлого диалектический материализм и материализм исторический, исследование гносеологическое и исследование социальное, позволяющие всесторонне раскрыть возникновение, общественное и гносеологическое содержание и идеологические и методологические функции философской системы, ее место в системе культуры человечества.

* * *

Разработанные Ф. Энгельсом вопросы историко-философской науки суть теоретические вопросы, решение которых составляет открытие, настоящий научный подвиг мыслителя. И если мы сегодня используем его решения в качестве основополагающих методологических принципов и установок, то это не означает, что они получили уже окончательную, законченную и неизменную форму и не подлежат дальнейшему совершенствованию, развитию. Если теоретическое мышление, как говорил Энгельс, само есть исторический продукт, принимающий в различные времена различные формы и очень различное содержание, то очевидно, что в наше время его развитие необычайно ускорилось. Научно-технический и социальный прогресс, чрезвычайно обостривший все противоречия развития науки и общества, требует глубокого осмысления, без которого разрешение этих противоречий едва ли возможно.

В этих условиях можно говорить о трех основных источниках обогащения теоретического содержания марксистско-ленинской философии, этой высшей на настоящий момент формы теоретического мышления: во-первых, об опыте современного социального развития классовой борьбы, практики социалистического и коммунистического строительства; во-вторых, развитии научного знания о мире, человеке и обществе, расширении и углублении нашего познания, методологии науки; в-третьих, о положительном содержании истории философии от ее возникновения и до современности — опыте всех философских направлений, течений и школ, так или иначе

внесших свою лепту в общий процесс философского развития человечества. Подвести теоретический итог этому опыту, выявить его поступательный ход и узловые пункты, понять его противоречия и конфликты, его победы и поражения — такова задача истории философии.

Наряду с классической историей философии ныне уже и история марксистско-ленинской философии выступает настоящей школой теоретического мышления. И в частности, поэтому столь существен вклад Ф. Энгельса в историко-философскую науку.

Идеи «Анти-Дюринга» на страницах русских журналов (1879 год)

Полный текст «Анти-Дюринга» на русском языке был опубликован только в 1907 г. в Петербурге библиотекой «Просвещения» в переводе Н. Я. Брука с 5-го немецкого издания *.

Однако еще в 1879 г. Н. И. Зибсером была сделана попытка опубликовать русский перевод книги Энгельса на страницах легального журнала «Слово». Попытка эта удалась не вполне: в ноябрьской книжке журнала в переводе Зиберы под характерным заголовком «Диалектика в ее применении к науке» был напечатан сокращенный текст первого отдела и трех глав второго отдела «Анти-Дюринга»; было обещано окончание, но его не последовало ввиду цензурных препятствий. Тем не менее значение предпринятой Зибером попытки было огромно: широкие круги русских читателей получили возможность познакомиться с основными положениями выдающегося теоретического произведения марксизма.

Роль Зиберы как пропагандиста идей К. Маркса и Ф. Энгельса широко известна. Однако еще никогда его перевод «Анти-Дюринга», комментарии к нему, а также рецензия, напечатанная в том же 1879 г. в журнале «Критическое обозрение», не были предметом специального анализа **. Попытаемся восполнить этот пробел.

Первые русские читатели «Анти-Дюринга»

Уже через неделю после выхода в свет отдельного издания «Анти-Дюринга» Энгельс в письме В. Н. Смирнову (от 16 июля 1878 г.) сообщал, что днем раньше он по-

* Вышедший в 1904 г. перевод книги Ф. Энгельса под названием «Философия, Политическая экономия, Социализм (Переворот в науке, произведенный Дюрингом)» (СПб., издание В. И. Яковенко), перевод с 3-го немецкого издания, содержал целый ряд цензурных купюр. Этот перевод был оценен В. И. Лениным как «прямо плохой перевод, с ошибками» (2, 14, 373).

** Из числа советских авторов более подробно их характеризовал в своих статьях В. Н. Шульгин (74, 75).

слал ему экземпляр книги, и просил адреса П. Л. Лаврова и Г. А. Лопатина, чтобы направить книгу также и им (см. 1, 34, 259).

Данный факт весьма примечателен: по крайней мере этих трех русских людей Энгельс рассматривал как своего рода союзников по его борьбе с Дюрингом. И это имело основания. Лопатин, например, очень чутко уловил опасность распространения дюрингианства в русской революционной среде. Еще до окончания печатания труда Энгельса, 17 апреля 1878 г., Лопатин писал ему: «Вы недавно напечатали в «Vorwärts» ряд очень интересных статей о философии и политической экономии Дюринга. Может быть, эти статьи уже издапы особо, в виде отдельного оттиска? В таком случае я буду Вам очень обязан, если Вы пришлете мне один или два экземпляра этого отдельного издания. Второй экземпляр предназначается для некоторых моих друзей, русских социалистов, которые ухитряются подчас соединять воедино вещи совершенно несовместимые и делают общую смесь (правда, весьма крепкую и весьма революционную) из Прудона, Маркса и Дюринга только на том основании, что все трое находятся в крайней оппозиции и труды их в той или иной мере запрещаются и преследуются у нас в России» (5, 346) *. 11 августа Лавров сообщал Энгельсу о том, что он получил его работу о Дюринге, которую уже «давно хотел видеть и половину которой... прочел в «Vorwärts»» (там же, 349—350). Примерно в это же время Лавров писал в Петербург одному из своих корреспондентов — С. М. Баранцу: «Обратите внимание на только что вышедшую брошюру Энгельса о Дюринге; это — очень резкая критика, но заключает в себе много дельного по общим вопросам» (цит. по: 14, 21).

Но в России «обратить внимание» на книгу Энгельса было довольно трудно: очень скоро после выхода в свет ее распространение здесь было запрещено царской цензурой. Запрет был сделан на основе доклада цензора К. Вилдера в Центральный комитет цензуры иностранной печати от 23 августа 1878 г. Приведем его рапорт — он достаточно интересен: «Разбирая критически сочинения Е. Дю-

* Сочинения Дюринга и в самом деле имели хождение среди русской революционной молодежи. Предметом изучения в кружках самообразования была, в частности, его «Критическая история философии»; с рецензией на эту книгу еще в 1873 г. выступил П. Л. Лавров.

ринга, автор доказывает несообразность его философских и политико-экономических учений и особенно резко осмеивает несостоятельность его воззрений на образование коммунистических обществ с целью парализования вредного влияния капиталистов на увеличение пролетариата. Объясняя историческое происхождение и развитие социализма, Энгельс проводит мысль (с. 233—237), что образ производительности, практикуемый капиталистами, способствуя постепенно обращению большей части народонаселения в пролетариев, создает вместе с тем силу, которая, под страхом собственной гибели, должна произвести переворот в существующем строе государства; последствием этого переворота, по мнению автора, должно явиться уничтожение классов и правительства. [...] * Далее, на страницах 265—267 (см. 1, 20, 328—330. — *Авт.*), автор говорит, что религия есть не что иное, как фантастическое отражение в мыслях людей тех внешних сил, от которых зависит их существование; уничтожения этого отражения, в котором земные силы являются в образе сил сверхъестественных, нельзя достичь одним сознанием, необходимо и дело. И вот, когда это дело будет исполнено, когда общество освободится от угнетающей его власти, когда человек будет не только предполагать, но и располагать, — тогда только исчезнет последняя посторонняя сила, отражающаяся в религии, а с тем вместе исчезнет и само религиозное отражение. Полагая, что критический разбор сочинений Дюринга, как ученый труд, не подлжет строгости цензуры, я, тем не менее, нахожу неудобным дозволение вышеизложенных воззрений критика, о чем и имею честь представить на усмотрение комитета» (70, 12). Последовавшая резолюция была категоричной: «Запретить».

Этот запрет, сохранившийся вплоть до начала XX в., не смог, однако, полностью воспрепятствовать распространению идей «Анти-Дюринга» в России. Уже в следующем году в подцензурной печати появились две статьи, знакомившие читателя со значительной частью книги Энгельса, и прежде всего с энгельсовским пониманием диалектики. Автором-составителем обеих статей был известный ученый-экономист и историк *Николай Иванович Зибер*.

* Здесь К. Виддер излагает заключительную часть гл. II («Очерк теории») третьего отдела «Анти-Дюринга» (см. 1, 20, 291—295).

Некоторые современники, например Н. К. Михайловский, видевший в Н. И. Зибере «правоверного ученика Маркса не только в области теоретической экономии, а и в области философско-исторических взглядов» (49, 319), а затем и кое-кто из историков общественной мысли в России считали Зибера одним из первых русских марксистов*. На самом деле марксистом Зибер, конечно, не был, хотя бы только потому, что ни в какой мере не принимал и не разделял политическое учение Маркса и Энгельса — учение о революционном свержении капитализма и диктатуре пролетариата. Тем не менее его роль в пропаганде идей марксизма, в защите учения Маркса от разного рода критиков, прежде всего в экономической области, действительно исключительно велика.

Еще до знакомства с книгой Энгельса «Анти-Дюринг» Зибер, проживавший с 1875 г. в Швейцарии**, выступил в журналах «Знание», «Слово», «Отечественные записки» с серией статей, раскрывающих содержание экономической теории Маркса. Среди этих выступлений особое внимание обращает на себя статья Зибера, опровергающая критические возражения против «Капитала» одного из буржуазных противников Маркса в России, Ю. Жуковского (30)***. Любопытна она, в частности, тем, что, полемизируя здесь с Жуковским о методе Маркса, Зибер также вынужден был высказаться относительно методологии марксизма. Оценивая примененный в «Капитале» метод****, он писал, что «диалектическую сторону своего изложения Маркс, кажется, мог бы действительно не-

* Неточность этих оценок не раз отмечалась в нашей литературе (см., напр., 59, 130).

** В Россию Зибер вернулся в 1884 г. Во время своего пребывания за границей Зибер встречался с Марксом и Энгельсом в Лондоне (см. 61, 238).

*** Эта статья Н. Зибера в том же 1877 г. была послана Н. Ф. Даниельсоном Марксу (см. 1, 34, 277).

**** Ранее, в самом начале 70-х годов, защищая Маркса от обвинений в метафизике, Зибер писал: «Насколько речь идет собственно о теории, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, и недостатки его, как и достоинства, разделяются лучшими из экономистов-теоретиков» (31, 170). Прочитывая эти слова Зибера как один из примеров того, что метод, примененный в «Капитале», был плохо понят, Маркс в послесловии ко второму изданию 1-го тома «Капитала» дал в целом высокую оценку этого труда Зибера (1, 23, 19).

множко сократить, не нанося тем ни малейшего ущерба делу» (30, 9).

Как видим, говоря о диалектике, Зибер имел здесь в виду не метод исследования, а способ изложения. Он достаточно ясно различал эти вещи. Относительно слов Маркса из его Послесловия ко второму изданию первого тома «Капитала» о том, что «способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования» и что, когда «жизнь материала получила свое идеальное отражение», «может показаться, что перед нами априорная конструкция» (1, 23, 21), Зибер писал: «...у Маркса мы читаем, что исследования его носят априористический характер лишь настолько, насколько речь идет об одном лишь способе изложения (*Darstellung*); что же касается до самого их содержания, то оно строго ограничивается пределами фактической действительности» (30, 9). Таким образом, различая метод исследования и способ изложения, Зибер занят вовсе не тем, что толкует диалектику как «произвольную схему исследования» (ср. 59, 298), а тем, что защищает *исследовательский* метод Маркса от обвинений в схоластицизме, априоризме и гегельянщине.

Дело в том, что как раз в это время публицисты типа Ю. Жуковского, предельно сближая методологию Маркса с гегельянством, пытались таким образом дискредитировать ее. Комментируя положение Маркса о том, что задачи по переустройству общества возникают лишь тогда, когда созрели уже материальные предпосылки для их решения, Жуковский писал: «Рассуждение это, конечно, совершенно согласно с духом гегелевской философии, которую Маркс критикует, и кто не узнаёт в нем повторения тех же, известных положений учителя: «Никто не может возвыситься над своим временем или опередить его»» (27, 68). Называя Маркса «учеником формалистической философии», Жуковский утверждал, что он «все-таки в корне верный ученик гегелевой философии, как он от нее ни отнекивается» (там же, 71). Маркс, по Жуковскому, всего лишь представитель «левого» направления гегелевской философии, которое «потопило содержание философии своего учителя в чуждом ему потоке новых идей; но удержало его манеру и метод, которые, как родимое пятно, выдают их неотразимым образом» (там же, 71). Подобную трактовку диалектики Маркса (и Гегеля)

лишь как формальной схемы, в которую втискивается реальное научное содержание, давали также и некоторые другие русские ученые и публицисты того времени.

На этом фоне позиция, занятая Зибером, при всех ее недостатках, была позицией действительной защиты и пропаганды научного метода Маркса: он стремился подчеркнуть различие этого метода и внешне «гегельянского» способа выражения Марксом результатов своего анализа.

Здесь, повторяем, Зибер прямо следовал тому различию метода исследования и способа изложения в «Капитале», которое дал сам Маркс в Послесловии ко второму изданию 1-го тома. Приведя мнение И. И. Кауфмана из его рецензии на «Капитал» (37, 427—436) о том, что метод исследования Маркса «строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен» (1, 23, 19), Маркс писал, что, удачно описав в рецензии его «действительный метод», метод исследования, Кауфман «тем самым описал не что иное, как диалектический метод» (там же, 21). Подчеркивая, что его «диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью», Маркс вместе с тем признавал, что, задетый «манерой третировать Гегеля», свойственной крикливым, претенциозным и весьма посредственным эпигонам, задающим тон в современной образованной Германии, он по этой причине «открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения» (там же, 21—22).

В конце этого Послесловия Марксом были сказаны слова, которые никак не могли пройти мимо внимания Зибера: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» (там же, 22).

К сожалению, Маркс не реализовал своего намерения написать специальную работу по теории диалектики. В известном смысле осуществлению этой задачи был посвящен «Анти-Дюринг» Энгельса.

Вот почему, в частности, Зибер с таким энтузиазмом воспринял появление этого труда. «Главный интерес» его он увидел как раз в первом «реальном освещении» диалектики.

Рецензия в «Критическом обозрении»

Работу «Анти-Дюринг» Зибер получил, по-видимому, от М. М. Ковалевского. Ковалевский познакомился с Марксом еще зимой 1874—1875 гг. Впоследствии они поддерживали переписку, не раз встречались. В своих воспоминаниях Ковалевский писал: «Маркс не оставлял... без возражения выпадов, делаемых на него из лагеря социалистов такими, например, писателями, как Дюринг. Известная брошюра Энгельса «О мнимом перевороте, произведенном в науке» берлинским приват-доцентом, была, несомненно, внушена Марксом и отразила на себе его взгляды*». Мне пришлось познакомиться с автором «Капитала» в самый разгар этой полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве Маркс подарил мне обе брошюры (имеются в виду, конечно, «Альянс социалистической демократии...» и «Анти-Дюринг». — Авт.)**. Из моих рук они перешли к профессору Зиберу и использованы были им в ряде статей частью в «Юридическом вестнике» и издававшемся мной впоследствии в Москве «Критическом Обозрении», частью в «Отечественных Записках»» (63, 66)***.

* В другом случае, говоря об использовании Энгельсом заметок Маркса при написании этюда о происхождении семьи и собственности», Ковалевский заявлял: «Указаниями Маркса руководствовался он также и в своей критике «дюринговских потуг» совершить переворот в науке. Маркс не без некоторого самодовольства говорил мне, что Дюринг всем встречным заявляет, что источником пападок на него является не кто другой, как он, Маркс» (63, 61).

** Ошибка памяти Ковалевского: Маркс не мог подарить ему «Анти-Дюринг» «при первом знакомстве», т. е. в 1875 г. Скорее всего это произошло в конце 1878 г.: в это время Маркс и Ковалевский встречались в Лондоне. «Находящийся здесь профессор Ковалевский говорил мне, что «Капитал» вызвал довольно оживленную полемику», — писал Маркс П. Ф. Даниельсону 15 ноября 1878 г. (I, 34. 277).

*** В «Юридическом вестнике» Зибер начал печататься в 1880 г. (№№ 8—10). В 1883 г. (№№ 5, 9 и 10) здесь напечатана большая статья «Общественная экономия и право». В «Отечественных записках» 1880—1882 гг. Зибер публикует цикл статей «Экономические эскизы» и другие работы.

Сам Ковалевский относился к диалектике Маркса отрицательно. Усматривая в «Капитале» уклонение от «позитивного метода», Ковалевский считал, что Маркс «был и остался гегельянцем и что научные положения его написаны поэтому на песке» (62, 250).

Совсем иначе расценил «Анти-Дюринг» Зибер, уже летом 1879 г. выступивший с рецензией на эту книгу в журнале «Критическое обозрение» (см. 33, 9—25) *.

Этот журнал начал издаваться в 1879 г. и просуществовал всего два года. Одной из его отличительных черт было внимание к учению марксизма и литературе о нем. Так, уже в № 1, рецензируя декабрьскую книжку журнала «Слово» за 1878 г., М. Ковалевский отмечал помещенные в этом журнале «дельные статьи» Зибера «об экономической теории Маркса» (38, 36). В рецензии Н. Каблукова на работу Л. Brentano «Обеспечение рабочих в современном экономическом строе» брались под защиту теория Маркса об относительном перенаселении и его учение о стоимости от их извращения Шеффле и Brentano (36, 33—34). О «главных вожжах германского рабочего движения» — Марксе и Энгельсе и их социалистическом учении говорилось в написанном В. Николаевым разборе книг Г. Кона «Что такое социализм?» и И. Бона-Майера «Фихте, Лассаль и социализм» (51, 34).

Так что в ряду этих выступлений рецензия на работу Энгельса не выглядела как нечто необычное. Зато по своему содержанию она была совершенно уникальной.

Интересно уже самое начало рецензии: оно определяет тот угол зрения, под которым автор намеревается рассматривать книгу Энгельса. «Диалектика Гегеля, говорит один талантливый русский публицист, — страшный таран: она, несмотря на свое двуличие, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала существующее и выпускала все мешавшее разуму» (33, 9). Не называя Герцена по имени, Зибер цитирует здесь его замечательную оценку гегелевской диалектики, которая содержалась в его статье «Еще раз Базаров».

Правда, раскрывая далее существо диалектики в ее гегелевском понимании, Зибер в основном следует Ф. А. Ланге, который, по его словам, высказывался относительно диалектики «в том же приблизительно смысле»,

* В указателе содержания: Энгельса — Дюринг и производимый им переворот в науке — Зибера (33, 40).

что и «русский публицист». «Сущность диалектического метода... — цитирует Зибер работу Ланге «Рабочий вопрос»*, — состоит в том, что каждому понятию прежде всего противопоставляется противоположное ему, и что тогда из борьбы этих противоположностей возникает новое понятие, в котором противоречие заменяется высшим единством» (33, 9, ср. 21, 293). Далее Зибер довольно подробно — вслед за Ланге — писал о консерватизме гегелевского учения в целом, ставя под конец вопрос о том, каким же образом «столь консервативная по своей сущности философия, еще при жизни Гегеля и гораздо более по смерти его, могла пустить столь радикальные ростки, как те, которые представляет нам одна из ветвей его школы?» (33, 10) **.

Основание этого явления Зибер, опять-таки почти буквально следуя Ланге, видит прежде всего в том, что Гегель, «как в своем религиозно-философском направлении, так и в своей философии права и государства, противостоял не только рационализму и субъективному либерализму своего времени, но не менее того и супрапозитивному направлению, которое относилось с презрением ко всякому посредничеству философии» (там же, 10—11). По мере усиления реакции борьба против нефилософского консерватизма необходимо стала выдвигать наружу все более и более радикальные стороны гегелизма. Ведь у Гегеля признание существующего имело предположением предварительный критический анализ; отсюда и понятно, что система, которая в последнем результате представляла всемирную историю как поток постоянного развития, с полной легкостью вызвала дальнейший шаг, т. е. признание того, что «и нынешнее положение вещей в свою очередь подчиняется тому же самому поступательному движению через противоречия!» (там же, 11). Так разумность существующего, осознанного лишь как ступень, момент, а не «завершение» развития, «превращается в его неразумность. Одним словом, именно прогрессивный дух диалектического метода и представляет то начало в системе Гегеля, которое в руках одной ветви его школы должно было очень скоро одержать победу

* Эта работа была довольно широко известна в России.

** У Ланге речь шла, собственно, о выходе из школы Гегеля радикальных революционеров «как в религиозной, так и в политической, и особенно в социально-политической сфере жизни»; среди них он называл Лассалья, Маркса и Энгельса (см. 42, 295).

над тем содержанием, которое дал своей системе сам творец ее» (там же, ср. 42, 295—296).

Этот историко-философский экскурс, правда не самостоятельный, но тем не менее весьма определенно указывающий на «прогрессивный дух диалектического метода» Гегеля, сам Зибер называет «достаточно ясным вступлением в разбор нового сочинения известного автора *«[Die] Lage der arbeitenden Klasse in England. 1845»*, названного в заголовке настоящей статьи, о котором мы давно уже собирались побеседовать с читателями «Критического Обозрения»» (33, 11). Тем самым Зибер стремился показать, что работа Энгельса представляет собой закономерное развитие той диалектики, которая была заключена в учении Гегеля.

Говоря о работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», Зибер, по-видимому, хотел напомнить русским читателям о полемике в русской журналистике, связанной с оценкой этого сочинения, которая развернулась в связи с опубликованием (в 1860 и 1861 гг.) двух русских переводов книги буржуазного немецкого профессора Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего» (в другом переводе — «Историческое обозрение политико-экономических систем»). В этой книге большой раздел был посвящен труду Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Энгельс фигурировал в качестве представителя школы коммунистов («крайне левой стороны социализма») наряду с Бабёфом, Кабе, Оуэном, Беккером и Вейтлингом. На выход перевода книги Б. Гильдебранда откликнулся целый ряд русских журналов, в том числе и «Современник» Н. Г. Чернышевского (см. 62, 190—204). Отрицательно оценивая «собственные соображения» немецкого профессора и защищая социалистические учения, рецензент «Современника» И. А. Самоцветов признал, что книга Гильдебранда — «недурное пособие для знакомства с разными политико-экономическими теориями» (64, 74). Уже прямой популяризацией работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» была статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», также опубликованная в «Современнике» (см. 72).

Таким образом, говоря о предшествовавшей работе Энгельса, Зибер как бы напоминал читателям, что автор «Анти-Дюринга» им уже давно известен. Кроме того, стоит обратить внимание и на фразу Зибера о том, что

он «давно уже» собирался побеседовать с читателями о новом сочинении Энгельса: этим лишний раз подчеркивалась значительность данной работы.

Определяя книгу Энгельса как «рецензию на философские, естественнонаучные и экономические труды Дюринга» и отмечая, что в силу этого своего назначения она отличается большим разнообразием содержания и значительным, даже, по его мнению, несколько излишним, полемическим задором, Зибер отказывался в своем разборе следовать за автором «во всех его изысканиях, касающихся разнообразнейших вопросов, начиная от понятия о «Sein» и «Werden» * и кончая теорией ценности». Равным образом он обходил молчаньем полемическую сторону произведения.

Такой подход определялся самим замыслом Зибера: сосредоточить внимание читателя прежде всего на разработке Энгельсом вопросов диалектического метода. «Главный интерес работы Энгельса... — писал Зибер, — представляет, по нашему мнению, сделанная им попытка подвести закон диалектических противоречий под новейшую теорию эволюции, и, с помощью довольно многочисленных примеров из различных отраслей знания, придать более или менее реальное освещение этой в глазах многих наших современников в высшей степени туманной метафизической тарабарщине» (33, 11).

Свой замысел представить работу Энгельса именно с этой ее стороны Зибер — и здесь он явно следовал замечаниям Маркса — объяснял тем, что современная «положительная наука, под влиянием вполне основательной в сущности вражды к тому, что она называет метафизикой, отнеслась чересчур строго и пристрастно к немецкой философии начала настоящего столетия, — она не пожелала или не сумела отделить в последней пшеницу от плевел и, произнеся над нею огульный приговор, слишком поспешно отвела ей место в архиве ученых заблуждений» (там же, 11—12). Вновь обращая внимание на диалектику как на основной предмет анализа в работе Энгельса, Зибер призывал читателя убедиться в том, что «объяснения и примеры автора, стремящиеся указать на более или менее реальную подкладку метода и закона диалектических противоречий, с одной стороны заслуживают вполне серьезного внимания, а с другой, по видимому,

* О «бытии» и «становлении» (нем.)

с достаточным успехом достигают своей цели» (там же, 12).

Таким образом, усматривая основной смысл работы Энгельса в ее антиметафизической и антипозитивистской направленности, Зибер верно определял вместе с тем и самое существенное в ее содержании: научное истолкование диалектики, что в его терминологии было выражено как подведение закона диалектических противоречий под новейшую теорию эволюции или выявление «более или менее реальной подкладки метода и закона диалектических противоречий».

Первая популяризация книги Ф. Энгельса

Не ограничившись этим, Н. И. Зибер включает далее в рецензию в собственном переводе целый ряд отрывков из «Анти-Дюринга», имеющих принципиальнейшее значение. Тексты «Анти-Дюринга» занимают примерно 0,6 печатного листа — несколько больше трех четвертей объема всей рецензии.

Почти полностью публикует Зибер первую главу («Общие замечания») из Введения (см. 33, 12—16 и 1, 20, 19—26), представляя таким образом русскому читателю энгельсовскую трактовку диалектики и метафизики, роли Гегеля в развитии диалектического метода, естественнонаучных и социально-политических предпосылок философского учения «нового материализма», т. е. марксизма.

Далее Зибер делает такую связку: «Переходя к ближайшей характеристике закона диалектических противоречий и стараясь показать, что противоречия эти представляют не одну только форму нашего мышления, а, напротив того, имеют совершенно объективное существование, Энгельс прибегает к следующим пояснениям» (33, 16). И затем вновь в рецензии приводятся отрывки из работы Энгельса.

Из главы XII («Диалектика. Количество и качество») Зибер приводит рассуждения Энгельса о противоречивости всего сущего, об объективном существовании противоречий в вещах и процессах, начиная от простого перемещения и кончая высшими формами органической жизни, а также о противоречиях в математике (см. 33, 16—18 и 1, 20, 123—124).

Далее Зибер почти дословно приводит известную энгельсовскую характеристику закона отрицания отрицания (глава XIII) (см. 33, 17—18; 19 и 1, 20, 139—140; 145—146).

Заслуживают внимания слова Зибера, связывающие этот текст с отрывком из «Анти-Дюринга», характеризующим диалектику отрицания отрицания в рассуждениях Руссо (см. 33, 18—19 и 1, 20, 143—144). Зибер пишет: «Приведя еще несколько примеров из области математики, истории, политической экономии, философии, которые согласно свидетельствуют, что закон противоречий представляет действительное, реальное явление и форму нашего мышления лишь настолько, насколько в нем необходимо отражается действительность, автор заканчивает свою аргументацию следующей характеристикой учения о равенстве Руссо» (33, 18). Из этого положения Зибера видно, что он в сущности согласен с энгельсовским пониманием закона противоречия как «реального явления», отражающегося в формах мышления.

«С точки зрения диалектического метода,— продолжает Зибер,— старый спор о вечных истинах получает также своеобразное освещение» (там же, 19). Далее идет перевод значительных извлечений из рассуждений Энгельса о суверенности и несуверенности мышления, о так называемых вечных истинах, о диалектике истины и заблуждения, добра и зла (глава IX) (см. 33, 19—22 и 1, 20, 87—95).

«Идея равенства принадлежит также к числу относительных, а не абсолютных идей»,— пишет Зибер, цитируя для подтверждения целый ряд отрывков из главы X «Анти-Дюринга» (см. 33, 22—24 и 1, 20, 98—109).

Любопытно заметить, что, приводя слова Энгельса, Зибер в своей рецензии избегает каких-либо упоминаний о Марксе. И если в «Анти-Дюринге» мы читаем, что представление о равенстве в настоящее время, «по выражению Маркса, «уже приобрело прочность народного предрассудка», то Зибер предпочитает писать здесь: «как сказал один писатель» (см. 1, 20, 109 и 32, 24).

Очень интересны также положения Зибера: «Продолжая приводить все новые и новые доказательства, что вся совокупность нравственных, юридических и политических учреждений и отношений общества покоится в последнем результате на чисто экономическом фундаменте производства и обмена, автор мало-помалу вступает

в область экономической науки в собственном смысле слова, куда мы за ним в настоящую минуту не последуем. Заметим только мимоходом, что именно в этой области, как, впрочем, и следовало ожидать, автору удастся собрать самую обильную жатву диалектических противоречий. Так, между прочим, он здесь стремится показать, что новейшее развитие военного дела в европейских государствах описало уже полный круг своего существования, и что господствующий в Европе милитаризм идет навстречу своей гибели, в силу присущей ему диалектики,— а именно, благодаря все возрастающему соперничеству между государствами по части военных изобретений, отягощения бюджетов и распространения всеобщей воинской повинности» (33, 24).

В этих словах Зиберы мы видим не только сжатую (хотя и достаточно ясную) формулировку материалистического понимания истории и указание на остроту и содержательность противоречий в экономической области, но и своего рода обещание специально обратиться к рассмотрению энгельсовских положений из области политической экономии.

Комментарии Зиберы к энгельсовскому пониманию диалектики

Заключают рецензию собственные комментарии Зиберы к энгельсовскому определению диалектики: «Читатель, без сомнения, заметил, что под так называемым метафизическим методом мышления,— в противоположность диалектике,— Энгельс понимает совсем не то, что понимается под ним обыкновенно. По мнению этого писателя, метод метафизический есть метод эмпирический и узкий, пригодный исключительно для рассмотрения искусственно отрезанных от целого процессов и вещей, в их кажущемся неподвижном состоянии. В сфере исследования, ограниченной такими пределами, значение этого метода громадно и ничем незаменимо. Но всюду, где имеются движение, взаимодействие, развитие — а они имеются везде, где только сфера изысканий расширяется в пространстве и во времени,— необходим иной, диалектический метод мышления, который, согласно известному началу, охватывал бы вещи в их совокупности, в их отношениях, в их движении, а не поодиночке или порознь» (33, 24). Тут Зибер как бы вновь возвращается к энгельсовскому

различению диалектики и метафизики во Введении (гл. I) (см. 1, 20, 20—22).

Далее он дает свои пояснения вышесказанному: «С первого взгляда может показаться, что метод диалектических противоречий есть в сущности — дедукция, синтез, а метод метафизический, в том смысле, как разумеет его автор,— наведение, анализ. Но в действительности это не так. Именно индукция-то с дедукцией и относятся к предмету изучения, как к чему-то прочному, оцепенелому, находящемуся в состоянии покоя. Перечитайте от начала до конца «Систему логики» Милля, вы в ней наверняка найдете лишь очень мало указаний на специальные приемы, при помощи которых должны быть изучаемы явления развития. О том же, что развитие представляет всеобщий закон природы и истории, и, в качестве такового, кладет неизгладимые следы в нашем мышлении, вы не найдете в ней ни слова*. Таким образом,— резонно заключает Зибер,— диалектический метод относится к наведению и дедукции, как наиболее общая форма мышления к формам мышления более частным. Каждый из этих методов одинаково основывается на опыте, каждый из них одинаково необходим в своей специальной области исследования, но только надлежащее соединение их обеспечивает возможность действительного познания законов природы и истории» (33, 24—25).

Надо отдать должное Н. И. Зиберу: он совершенно точно, критикуя позитивизм Д. С. Милля, определяет отношение между диалектическим методом и такими, более частными приемами мышления, как индукция и дедукция. По существу, отказываясь от своего прежнего определения метода К. Маркса как дедуктивного (мы уже говорили, что эти слова Зибера цитировал в своем Послесловии Маркс), Зибер теперь верно пишет, что развитие может быть научно исследовано только с помощью диалектики.

Другое дело, что сразу же вслед за этим Зибер весьма некорректно трактует всеобщий закон развития как постепенное «слияние» всех противоречий «в понятии высшего единства». Он хочет сказать, вероятно, о единстве всего сущего, о единстве мира, пронизанного диалекти-

* Уже одно это замечание Зибера свидетельствует об антиметафизической направленности его собственных размышлений в области научной методологии.

кой, но выражается очень не точно. Говоря о недостаточности открытия и обобщения явлений развития (это, по его мнению, достигается при помощи индукции и дедукции), он утверждает: «Чтобы не потеряться в том хаотическом сплетении взаимо- и противодействий, какое представляет нам процесс развития в природе и истории, необходимо постоянно обращать внимание на то, что все эти противоречия в известной постепенности и под влиянием специфических законов, сливаются в одном и том же море,— в понятии высшего единства. Так, напр., в истории человечества противоречия примиряются в той мере, в какой род человеческий и общие условия его существования, вопреки всем прогрессивным изменениям, остаются в последнем результате постоянными, по крайней мере, на протяжении исторических времен. Но и этот род единства, как и все прочие его роды, носит только *относительный* характер,— он сам впадает за пределами истории в еще более широкое русло — единство органического мира, которое в свою очередь вливается в единство всей доступной нашему познанию природы. Вот этот-то закон всеобщего развития и отражается в нашем уме под видом закона тождества в противоречиях, или, что то же самое, метода диалектических противоречий» (там же, 25).

В этих рассуждениях пропадает идея качественного различия действия законов диалектики в различных сферах бытия и мышления. К такой позиции Зибер привело стремление как можно сильнее подчеркнуть универсальный, всеобщий характер тех диалектических законов, которые отражаются в мышлении в виде «закона тождества в противоречиях», или, что, по его словам, то же самое, «метода диалектических противоречий». Отсюда и следовала своего рода натурализация марксистской диалектики, излишне тесное сближение ее с теорией эволюции Дарвина — позиция, свойственная многим современникам Маркса и Энгельса, сочувственно относившимся к философской методологии марксизма, но не умевшим понять ее до конца правильно*.

* По Зиберу, получается, что значение диалектического метода «с гениальной чуткостью» предвидел уже Кювье, «но только гению Дарвина выпало на долю вдохнуть действительную жизнь в эту еще оцепенелую и неподвижную классификацию, превратив ее в *родословную* органического мира, в *процесс* векового развития» (33, 25).

В целом же эта первая в России рецензия на «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса свидетельствовала не только о весьма и весьма сочувственном отношении русского ученого к этому труду, но и о достаточно высоком уровне его понимания и истолкования.

«Диалектика в ее применении к науке»

Несколько месяцев спустя, в ноябрьской книжке журнала «Слово», Н. И. Зибер начинает публиковать в виде статьи с заголовком «Диалектика в ее применении к науке» обширнейшие извлечения из «Анти-Дюринга», представляющие в сущности первый, сокращенный перевод его на русский язык (29, 117—169).

Перевод этот напечатан до конца не был. Обещанного окончания в журнале не появилось. 11 декабря 1879 г. Министерство внутренних дел издало следующее распоряжение: «...министр Внутренних дел, согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, определил: по поводу помещенных в ноябрьской книге журнала «Слово» статей «Задача западноевропейской цивилизации и современная Франция» * и «Диалектика в ее применении к науке» объявить этому журналу второе предостережение...» (цит. по: 75, 615).

То, что Зибер начал печатать извлечения из «Анти-Дюринга» именно в «Слове», легко объяснимо. Явившийся в результате слияния журнала «Знание» и газеты «Молва» в 1878 г., журнал «Слово» довольно щедро печатал статьи Зибера о политэкономической теории К. Маркса (цикл этих статей был начат им еще в «Знании») (см. 28, 31). В журнале печатались также П. Л. Лавров, В. В. Берви (Флеровский), М. А. Антонович и др. Не раз «Слово» подвергалось цензурным преследованиям и полицейским репрессиям (см. 25, 255—303. 19). На этот раз был репрессирован Энгельсов «Анти-Дюринг».

За исключением небольшого (чуть больше странички) вступления, статья Зибера представляла собой перевод

* Автором этой статьи, подписанной псевдонимом «В. В-в», был известный народник, высоко ценимый К. Марксом ученый, Василий Васильевич Берви (Флеровский). В статье в связи с оценкой деятельности берлинских социал-демократов проводилась идея революции как дела всех слоев народа (см. 13, 115), хотя сама революция рассматривалась в качестве постепенного процесса.

значительных отрывков из первого и второго отделов работы Энгельса. Общий объем перевода — 51,5 журнальных страниц, около 3,75 печ. листа.

Начиналась статья «Диалектика в ее применении к науке» такими словами: «Под этим заглавием мы предлагаем нашему читателю род извлечения из новой книги известного автора «[Die] Lage der arbeitenden Klasse in England. 1845», в которой он полемизирует против научно-философских теорий и воззрений Дюринга. Книга эта, — подчеркивает Зибер, — заслуживает особенного внимания, как ввиду последовательности и цельности проводимых в ней философских и общественно-экономических понятий, так и потому, что для объяснения практического приложения метода диалектических противоречий она дает ряд новых иллюстраций и фактических примеров, которые немало способствуют ближайшему ознакомлению с этим столь сильно прославляемым и в то же время столь сильно унижаемым способом исследования истины. Можно сказать, по-видимому, без преувеличения, что в первый еще раз с тех пор, как существует так называемая диалектика, она является глазам читателя в таком реальном освещении» (29, 117).

Как видим, и в данном случае Зибер счел необходимым напомнить своим читателям о предшествовавшем сочинении Энгельса. Еще большее значение имеет его указание на «последовательность и цельность» проводимых в «Анти-Дюринге» идей, представляющих собой «практическое приложение» и объяснение диалектического метода. Наконец, Зибер совершенно справедливо указывает на новаторский, пионерский характер труда Энгельса: он воспринимает его как *первое* «реальное освещение» диалектики — и в этом отношении он, разумеется, прав.

Правда, ниже Зибер декларирует свое воздержание «от суждения о годности этого метода в применении к различным областям знания, а также и о том, представляет ли он собою или не представляет, — насколько ему может быть придаваемо действительное значение, — простое видоизменение или даже прототип метода теории эволюции или всеобщего развития. Именно в этом последнем смысле рассматривает его автор (т. е. Энгельс. — Авт.) или, по меньшей мере, старается указать на подтверждение его при помощи тех истин, которые достигнуты эволюционной теорией, и нельзя не сознаться, что,

в некотором отношении, здесь открывается значительное сходство» (там же).

Таким образом, позиция, занятая здесь Зибером, та же, что и в «Критическом обозрении», только там ни о каком стремлении «воздержаться» речи не было. Тем не менее очень характерно это «нельзя не сознаться»: Зибер признает значительное сходство диалектики (в ее трактовке Энгельсом) с теми истинами, которые достигнуты эволюционной теорией и на которые ссылается сам автор «Анти-Дюринга». В глазах Зибера — это значительное свидетельство в пользу подлинной научности диалектики как «прототипа» метода всеобщего развития.

«Преследуя преимущественно полемические цели,— продолжает Зибер,— автор естественно принужден был расположить свой материал довольно случайным образом, а потому как собственное его изложение, так и наше извлечение из него носят более или менее отрывистый характер. Независимо от этого, статья наша по необходимости является неполной: в ней сделаны пропуски как по вопросам, по которым автор излагает мнения, уже более или менее известные русской читающей публике, так и по некоторым общефилософским вопросам, чтобы оставить больше места для политической экономии» (там же, 117—118). Разумеется, Зибер был не прав, когда он говорил о «довольно случайном» расположении материала Энгельсом, хотя, как писал сам автор «Анти-Дюринга», в полемике с Дюрингом ему зачастую приходилось следовать в построении своего труда логике идейной борьбы. Что же касается «пропусков», сделанных Зибером в его переводе, то их неизбежность диктовалась в значительной мере, а может быть, прежде всего цензурными соображениями. Характерно также и заявление о его сознательном намерении подробнее представить русскому читателю ту часть «Анти-Дюринга», где речь идет о вопросах политической экономии.

Зибер отказывается (как и в рецензии) подробно представлять полемический аспект «Анти-Дюринга», давая в данном случае следующую мотивировку. «...Ввиду неполного изложения у автора как философских, так и экономических воззрений Дюринга, которые во всяком случае заслуживают гораздо большего внимания, чем то, какое уделил им по самой сущности своей задачи автор, мы предпочли цитировать их лишь настолько, насколько они служат точкой отправления для аргументации самого

автора и материалом для разъяснения собственных его взглядов. Таким образом, о Дюринге читатель узнает из нашей настоящей статьи немного более, чем прежде *, но зато тем лучше познакомится с воззрениями рассматриваемого автора. Наконец, элемент личной полемики, который, правда, обуславливается отчасти буйным и несдержанным характером самого Дюринга, как не представляющий для русского читателя ничего, кроме скуки, доведен нами до наивозможно минимальной величины» (там же, 118).

Из этих слов следует: предпочтение, которое Зибер оказывает Энгельсу перед Дюрингом, неоспоримо и главная причина почти полного игнорирования им собственно анти-дюрингианской темы в работе Энгельса — это забота о лучшем представлении взглядов самого автора «Анти-Дюринга». Выполнение этой задачи очень неплохо удалось Зиберу.

Перевод «Анти-Дюринга» в «Слове»

Статья Н. И. Зибера разбита на восемь главок, которым предшествует (вслед за вступлением) коротенькое (на полстранички) предисловие, представляющее собой перевод полных иронии слов Энгельса (из его Предисловия к книге) о творческих способностях современных ему немцев вообще, Дюринга в частности (см. 28, 118 и 1, 20, 6—7).

Первая главка — это сокращенный текст главы I («Общие замечания») из энгельсовского Введения (см. 28, 119—125 и 1, 20, 19—26). Зибер выпускает первые страницы, где раскрывается генезис утопического социализма, и окончание главы, в котором Энгельс пишет о двух великих открытиях Маркса, благодаря которым социализм стал наукой. Не трудно видеть, что выпущены тексты, совершенно «не проходимые» в печать по условиям цензуры.

Зибер опускает целиком главу II «Что обещает г-н Дюринг?» и во *второй* главке своей статьи представляет читателю рассуждения Энгельса об априоризме в фило-

* Со взглядами Дюринга русский читатель того времени мог познакомиться по нескольким статьям Н. К. Михайловского в «Отечественных записках», а также по книгам А. А. Козлова (39) и П. А. Минюславского (48).

софии и других науках (см. 29, 125—128 и 1, 20, 35—39) из главы III: «Подразделение. Априоризм». Опущены начальные и последние страницы главы (а также несколько строк из ее середины), посвященные в основном полемике с Дюрингом.

Главы IV—VIII «Анти-Дюринга», рассматривающие «мировую схематику» Дюринга и проблемы натурфилософии, Зибер не переводит; в *третьей* главке статьи он дает почти полный (за исключением отдельных антидюринговских реплик) перевод главы IX («Мораль и право. Вечные истины») (см. 29, 128—136 и 1, 20, 86—96).

Четвертая главка Зибера представляет X главу «Анти-Дюринга» («Мораль и право. Равенство») (см. 29, 136—142 и 1, 20, 97—109). Здесь пропусков больше. За пределами статьи остается положение Энгельса о том, что и при рассмотрении вопросов из области общественной жизни дюринговская «философия действительности оказывается... чистой идеологией, выведением действительности не из нее самой, а из представления» (см. 1, 20, 97). Опускает Зибер также целый ряд язвительных замечаний по адресу Дюринга, пространную характеристику «плоской и несуразной» дюринговской трактовки представления о равенстве (см. там же, 101—104) *, ссылку на «Капитал» К. Маркса, где впервые было развито объяснение современных представлений о равенстве из экономических условий буржуазного общества, наконец, абзац о двояком значении требования равенства в устах пролетариата, содержащий важнейшее положение о том, что всякое требование равенства, идущее дальше требования уничтожения классов, «неизбежно приводит к нелепости» (там же, 108). Правда, в отличие от перевода в «Критическом обозрении» в «Слове» сохранилось указание на Маркса, как автора выражения о том, что представление о равенстве приобрело «прочность народного предрассудка» (29, 142).

Небольшая *пятая* главка статьи Зибера — перевод нескольких страниц из главы XI («Мораль и право.

* За рамками перевода осталась мысль Ф. Энгельса, что представление о равенстве «играло, в особенности благодаря Руссо, определенную теоретическую роль, а во время великой (французской.— Авт.) революции и после нее — практически-политическую роль» и что это представление «еще и теперь играет значительную агитационную роль в социалистическом движении почти всех стран» (1, 20, 104).

Свобода и необходимость») (см. 29, 142—144 и 1, 20, 115—118).

Принципиальнейшее значение имеет *шестая* главка зиберовской статьи: в ней сведены воедино общетеоретические рассуждения Ф. Энгельса о диалектике из XII («Диалектика. Количество и качество») и XIII («Диалектика. Отрицание отрицания») глав «Анти-Дюринга» (см. 29, 144—152 и 1, 20, 122—146). Направленные непосредственно против личности Дюринга замечания и здесь либо опущены, либо смягчены. Вместе с тем оказались вне перевода и некоторые весьма содержательные положения Энгельса, в частности о роли диалектики в истории философии (см. 1, 20, 123), о диалектике количества и качества (см. там же, 125—132), вся первая половина главы XIII, где Энгельс опровергает дюринговские потуги раскритиковать закон отрицания отрицания в его применении в «Капитале» (см. там же, 133—139), и ряд других положений*. Но, несмотря на эти недостатки, публикация даже в сокращении этих глав «Анти-Дюринга» на русском языке имела, повторяем, очень большое значение. «Диалектика,— приводил Зибер слова Энгельса, а отечественный читатель читали их в «Слове»,— есть не что иное, как наука об общих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» (29, 151).

Опуская XIV главу («Заключение») первого отдела «Анти-Дюринга», Зибер в *седьмой* главке статьи давал перевод первых страниц главы I («Предмет и метод») отдела второго («Политическая экономия») (ср. 29, 152—157; 1, 20, 150—155). До сведения читателей не доводились не только полемика с Дюрингом в области политэкономии, но и важнейшие положения из заключительной части главы о материальных предпосылках и условиях осуществления социализма. А из переведенной первой части главы Зибер опустил абзац о роли К. Маркса как теоретического исследователя докапиталистической экономики (см. 1, 20, 154).

* Некоторые изъятия и сокращения продиктованы, очевидно, цензурными соображениями. Так, Зибер обходит всякие упоминания о социализме, коммунизме и революции. А размышления Энгельса относительно действия закона отрицания отрицания в историческом процессе и в истории философии заменяет такой фразой: «То же самое происходит в истории собственности и в истории философских воззрений, где начало отрицается продолжением и снова достигает высшего синтеза в примирении противоречия» (29, 150),

Восьмая, самая большая главка — сокращенный перевод глав II и III («Теория насилия») второго отдела (ср. 29, 157—169 и 1, 20, 162—178). Здесь Зибер, пожалуй, наиболее тщателен, вне перевода он оставляет лишь мелкие замечания против Дюринга. Не обходит он здесь и ссылок на Маркса. Но, разумеется, печать подцензурности видна и тут: все положения Энгельса о неизбежности революционного краха буржуазного общества либо опущены, либо смягчены. Так, например, в тексте Зиберера отсутствуют такие слова Энгельса: «То, что оказалось не по силам буржуазной демократии 1848 г., как раз потому, что она была *буржуазной*, а не пролетарской, — а именно, дать трудящимся массам такую волю, содержание которой соответствовало бы их классовому положению, — непременно совершит социализм. А это означает взрыв милитаризма и вместе с ним всех постоянных армий *изнутри*» (1, 20, 175).

Отмечая вынужденную неполноту перевода Н. И. Зиберера, подчеркнем еще раз другую сторону дела — его умение представить наиболее важные, значительные именно в теоретическом отношении извлечения из «*Анти-Дюринга*» в сравнительно небольшой журнальной статье.

В общем и целом уровень перевода Н. И. Зибером текста «*Анти-Дюринга*» достаточно высок.

Однако сказать, что перевод Зиберера был вполне точным — с точки зрения верности стилю, правильной передачи понятий, терминологии, а отчасти даже и смысла — все же нельзя. «Вольностей» в этом отношении Зибером допущено довольно много. Правда, большинство из них не имело существенного значения, ибо в целом смысл положений Энгельса Зибер передавал обычно, несмотря на эти «вольности», достаточно адекватно.

Но есть в зиберовской передаче «*Анти-Дюринга*» ряд несправильностей, которые значительно снижают общий уровень перевода.

Во-первых, это касается собственно философских понятий и категорий; здесь неточности Зиберера отчасти объясняются сравнительной неразработанностью в то время *русской* философской терминологии.

Так, Ф. Энгельс пишет о «бесконечном *сплетении* связей и взаимодействий», Н. И. Зибер — о бесконечном *поглощении* зависимостей и взаимодействий. Вместо *строения* тел Зибер говорит об их *составе*. *Способ понимания*

передается им как *миросозерцание*, *рассудок* — как *смысл*, *бытие* — как *наличное состояние*, *вещество* — как *конечный материал* либо как *материя*. «Связь явлений» зачастую передается термином «соподчинение». Этот же термин иногда служит у Зибер для обозначения причинных связей. «Объект» иногда заменяется в переводе «предметом», «форма» — «образом», «воображение» — «измышлением», «индивидуальное» — «единичным». Вместо «суверенности» человеческого мышления Зибер говорит о его «абсолютном значении», а «несуверенность» переводит как «относительность». «Логические категории» в отдельных случаях превращаются в «определения мышления». «Верность» и «справедливость», «заблужденис» и «ошибка», «познание» и «понимание» употребляются Зибером как синонимы. Энгельс определяет метод Дюринга как *идеологический*, называемый также *априорным*, Зибер называет его *психологическим*. В «Анти-Дюринге» говорится о *снятии* отрицания, а в «Слове» — о его *уничтожении*.

Очень не строг Зибер — и здесь он разделял общий «грех» русских философов того времени — в различении понятий «противоречие» и «противоположность»: они часто подменяют у него друг друга. По Энгельсу, метафизик «мыслит сплошными непосредственными противоположностями», по Зиберу, — «в форме одних только непосредственных противоречий»; по Энгельсу, в глазах метафизика причина и следствие находятся по отношению друг к другу «в застывшей противоположности», у Зибер — «в резком противоречии». Энгельс говорит о полюсах противоположности; Зибер — о полюсах противоречия и т. п. Зибер пишет о противоречии (а не о противоположности, как у Энгельса) истины и заблуждения, хотя в других случаях, и довольно часто, понятие «противоположность» употребляется им правильно.

Во-вторых, определенной деформации подвергается у Зибер и социально-политическая лексика Энгельса. «Классовая борьба» почти всюду превращается в «классную борьбу», буржуазная политэкономия — в гражданскую. В одном случае борьба между классами принимает вид борьбы между массами (не исключено, конечно, что это опечатка*). Порабощенные и угнетенные почти всюду превращаются Зибером в подчиненных, господствующие

* Опечаток, вообще говоря, в переводе немало.

классы называются привилегированными. «Революционные течения» иногда переводятся как «передовые стремления», «общность имуществ» — как «общение имуществ», «собственность на землю» — как «землевладение» (в других местах, наоборот, «землевладение» — как «земельная собственность»). Зибер избегает слов «эксплуататоры» и «эксплуатируемые», иногда просто-напросто опускает их. Характерно, что во многих случаях он заменяет понятие «насилие» «силой» (иногда — «властью»). И если Энгельс пишет о том, что современное капиталистическое производство «неизбежно погибнет», то у Зибера это принимает такой вид: «...приведет к его разложению». Нет в переводе и слов об обостряющемся антагонизме между капиталистами и наемными рабочими — говорится лишь о «заостряющемся противоречии» между ними, причем слова о прогрессирующем ухудшении положения наемных рабочих выпущены вовсе. Энгельс пишет, что буржуазное общество необходимо идет «навстречу — либо гибели, либо перевороту». «...К перелому и преобразованию» — так передает эту мысль Зибер.

В-третьих, неадекватность перевода выражается в неточном понимании и передаче Зибером в отдельных случаях мысли Энгельса. В «Анти-Дюринге» о круговоротах в природе говорится: «...поскольку они вообще могут иметь место»; Зибер же пишет о «круговращениях»: «...насколько они вообще могут быть доступны нашему пониманию». Энгельс пишет о том, что люди не в состоянии решить задачу исчерпывающего познания мира как по самой его природе, так и по природе познающих его людей. У Зибера последняя превращается в природу указанной выше задачи. «Идеологическая наивность» передается Зибером как «наивная идеология». Относительно американской конституции мы читаем у Энгельса: «...классовые привилегии были заклеены, расовые привилегии — освящены». А у Зибера: «...классные (!) преимущества уважаются (?)...» Энгельс четко пишет о пролетарском требовании уничтожения классов; в тексте Зибера идет речь лишь об «уничтожении противоречия между классами».

Наконец, в-четвертых. Зибер иногда выпускает из текста Энгельса отдельные слова, вследствие чего теряется тот или иной момент содержания или оттенок смысла. Так, движение чартистов он определяет как «первое рабочее движение», в то время как у Энгельса мы читаем:

«первое национальное рабочее движение». В другом случае опущено замечание Энгельса о том, что борьба классов основывается на материальных интересах. Энгельс однажды пишет о выводе, кажущемся априорным. Зибер — просто о кажущемся выводе. «Математика возникла из практических потребностей людей», — читаем мы в «Анти-Дюринге»; в «Слове» говорится о «человеческих потребностях» вообще. Выпускает переводчик и слово «социалистическая» при характеристике именно социалистической критики капитализма.

В целом недостатки и погрешности перевода Н. И. Зиберера объясняются, во-первых, характером мировоззрения самого переводчика, который отнюдь не разделял всех идей марксизма, не был солидарен с его учением о революционном преобразовании капитализма в социализм и не вполне ясно представлял себе марксистскую теорию в целом; во-вторых, относительной неразработанностью русской философской лексики, отсутствием в тогдашнем русском языке терминологии, соответствующей понятийному строю марксистской науки; в-третьих, необходимостью дать именно сокращенный текст «Анти-Дюринга», что неизбежно было связано со многими издержками и, наконец, подцензурным характером статьи.

Указанные выше слабости зиберовского перевода сочинения Ф. Энгельса не могут и не должны заслонить от нас его поистине выдающегося значения: основные общетеоретические положения «Анти-Дюринга», переданные очень близко к первоисточнику, причем в довольно значительном объеме, впервые предстали перед читателями на русском языке *.

* * *

В сущности статьи Н. И. Зиберера — это первое в России публичное обнародование основного содержания марксистской философии. Благодаря публикациям Зиберера, которые являются действительно уникальными для всего домарксистского периода истории отечественной общественной мысли (см. 60, 15), русские читатели получили

* Статья «Диалектика в ее применении к науке» на русском языке была перепечатана только однажды, во втором томе Собрания сочинений Н. И. Зиберера (СПб., 1900) под названием «К характеристике Е. Дюринга».

возможность познакомиться с самой сердцевинной марксистской общенаучной методологии — материалистической диалектикой.

Можно спорить с категоричностью формулы о том, что зиберовская интерпретация материалистической диалектики — «высшее достижение всей домарксистской философской мысли России в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в.» (там же, 18). Вместе с тем нельзя не признать правоты автора этой формулы, когда он пишет: «Зибер весьма удачно схватил логико-гносеологические особенности диалектического метода. Уже тот факт, что он разграничивал объективную и субъективную диалектику, признавал, что у Маркса и Энгельса диалектический метод есть «отражение» в уме противоречий действительности, говорит о многом. Весьма корректно он характеризует диалектику и как форму мышления... Когда Зибер сопоставляет диалектику и теорию эволюции, то его интересует не только тема формальной их тождественности или нетождественности. Воздерживаясь от обсуждения вопроса о годности диалектического метода «в применении к различным областям знания...», Зибер тем не менее по существу признает, что Энгельс рассматривает диалектический метод именно как всеобщую теорию развития... Понимание этого положения является немалой заслугой Зибера, поскольку по существу речь шла у него о принципиальном гносеологическом разграничении марксистской диалектики (т. е. диалектики, имеющей «реальную подкладку») и спекулятивной, идеалистической диалектики Гегеля» (там же, 16, 17).

Добавим: осуществить это «разграничение» до конца ясно и последовательно Зиберу не удалось. Тем не менее само отмежевание им диалектического метода Маркса — Энгельса как от плоского эволюционизма, так и от схоластического априоризма составляет большую заслугу.

В известной мере мы вправе рассматривать охарактеризованные выше выступления Н. И. Зибера не только как факт его личной деятельности или, шире, как фрагмент истории распространения идей марксизма в России, но и в качестве составной части, элемента отечественного, российского философского процесса. Начиная именно с этого времени, проблема сущности диалектики марксизма начинает довольно широко обсуждаться предста-

вителями русской мысли. При этом некоторые положения марксистской философии вольно или невольно вплетаются, входят в ткань национального философского развития.

Не случайно, что вопрос о зиберовском понимании и истолковании диалектики занял такое значительное место в развернувшихся в середине 90-х годов спорах марксистов и народников (см. 49, 323—328. 57, 1, 581 и сл.).

Развитие В. И. Лениным философских идей «Анти-Дюринга» и современная идеологическая борьба

В историю марксистской философии «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса по праву вошел в качестве систематического, обобщающего и программного произведения. Здесь дано сжатое, но всестороннее и последовательное изложение всех наиболее важных результатов, достигнутых Ф. Энгельсом совместно с К. Марксом в области философии за три десятилетия, предшествующих выходу в свет этого труда. Поскольку другой такой работы, где бы Маркс и Энгельс суммировали существо своих философских воззрений, не существует, уже в силу этого факта она должна была занять особо важное место в истории марксистской философии. По этому труду не только учились марксистской философии многие поколения марксистов, но в нем были заложены краеугольные камни дальнейших исследований и определено само направление последующей систематизации развивающихся идей марксистской философии.

Особенности современной идейной борьбы вокруг «Анти-Дюринга»

Уже многие десятилетия идеи «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса находятся в центре острейшей идеологической борьбы вокруг проблем марксистского философского наследия. В той или иной связи об этом уже говорилось в предыдущих главах. Эта борьба не прекращается и теперь, хотя марксистская философия существует уже более ста лет и для раскрытия ее существа и исследования ее истории уже сделано чрезвычайно много. Причины дискуссий далеко не исчерпываются трудностями сугубо текстологического или исторического порядка. Обращение к философскому наследию К. Маркса и Ф. Энгельса выступает средством решения кардинальных социальных проблем современности, поэтому борьба вокруг их философии является одной из форм классовой борьбы.

Центральное место среди этих проблем занимает вопрос о том, что такое социализм. Еще на рубеже века

Г. В. Плеханов писал: «Надо знакомиться с великими вопросами нашего времени. Из этих вопросов самый важный — социализм. Это именно тот вопрос, который, словами Гейне: *много голов беспокойных терзал он, много им муки принес...* Что же такое социализм, что такое этот страшный вопрос, не существующий лишь для людей, спящих беспробудным сном?» (69, 51).

Характерно, что первая глава «Анти-Дюринга» начинается словами: «Современный социализм...». Если попытаться выявить ту сквозную тематику, которая проходит через всю длительную идеологическую борьбу вокруг «Анти-Дюринга» и вообще через споры по проблематике истории марксистской философии в целом, то можно было бы выделить две главные взаимосвязанные темы, в которые вписываются или к которым примыкают все остальные. Это, во-первых, что такое философия Маркса и Энгельса и, во-вторых, что такое именно социализм.

В современную эпоху наибольший вклад в решение этих вопросов сделан В. И. Лениным и ленинизмом и поэтому неудивительно, что все дискуссии, которые идут о Марксе и Энгельсе, — это в конечном счете дискуссии о Ленине и ленинизме, а в социально-политическом плане — это споры о характере позиции по отношению к реальному социализму, построенному ныне на теоретической базе марксизма-ленинизма. В ходе этих споров перешли и к проблеме оценки существа шестидесятилетней истории советской философской науки. Буржуазные и ревизионистские противники марксизма-ленинизма прежде всего поставили под вопрос ее общий характер, качество и исходные посылки ее развития, интернациональное значение и положительное воздействие ее результатов на науку и международное коммунистическое движение. Это явилось еще одной атакой на ленинизм, ибо программа работы советских философов была в свое время непосредственно определена В. И. Лениным.

Антиленинизм составляет главную характерную особенность современных выступлений наших идеологических противников по проблемам истории марксистской философии. Рассуждая подчас о том, что они-де выступают от имени «аутентичного» учения К. Маркса, наши противники на деле коренным образом извращают марксизм, что и происходит в специфической оболочке призывов возвратиться «назад к истинному Марксу». Но в дей-

ствительности в таких рассуждениях нет ничего от подлинной мысли Маркса, от истинного, революционного марксизма.

Отмеченная стратегическая антиленинская установка совершенно четко обнаруживается во всех многочисленных писаниях новейших буржуазных марксологов и ревизионистов, сколь бы академичными, обстоятельными и объективными на первый взгляд они ни выглядели. Причиной развязанных дискуссий, как откровенно пишет западногерманский философ Ю. Хабермас в своей статье «К философским дискуссиям вокруг Маркса и марксизма», явилась «политическая реальность, которую коммунизм приобрел в государстве Ленина и его последователей, и огромная угроза, которая, по-видимому, исходит от него для остального мира после победы в 1945 году» (103, 261).

Обоснование Ф. Энгельсом программы разработки теории диалектики

Для полной и всесторонней характеристики места, занимаемого «Анти-Дюрингом» в истории марксистской философии, принципиальное значение имеет высказывание В. И. Ленина, которое он сделал в связи с изданием переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. Определяя главное ее содержание, Ленин писал, что если попытаться одним словом выявить ее фокус, «тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (2, 24, 264).

Действительно, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса относится именно к числу тех классических работ марксизма, в которых проблемы материалистической диалектики составляют центральный пункт и ведущий мотив, образующие теснейшую внутреннюю связь всего комплекса обсуждаемых идей.

Каковы же те идеи «Анти-Дюринга», которые оказали наибольшее влияние на характер последующего развития

марксистской философии и выдвинули это произведение ныне в центр философской идеологической борьбы?

Это прежде всего идея, которая была главным замыслом Ф. Энгельса и состояла в том, чтобы выявить с максимально возможной четкостью *методологическое значение материалистической диалектики* для научных исследований и социальной практики, а также показать, что в структуре самого марксистского мировоззрения методу материалистической диалектики присуща важнейшая функция. Без научной диалектики невозможны были бы, как показывает Энгельс в «Анти-Дюринге», ни материалистическое понимание истории, ни пролетарская политэкономия, ни теория научного коммунизма.

Вместе с тем Ф. Энгельс *сформулировал план* дальнейшей разработки теории диалектики. В «Анти-Дюринге» определены контуры данной теории, указана субординация важнейших ее категорий, намечены источники дальнейшего развития и сформулирована ее основная проблематика. Принципиальное значение для всего последующего развития марксистской мысли имели идеи Энгельса о диалектике в природе, о соотношении диалектики объективной и субъективной, о неразрывном внутреннем единстве материализма и диалектики, о содержании основных законов диалектики и о существе отправных идей теории отражения. Все эти идеи на новом материале и в новую историческую эпоху были развиты позднее В. И. Лениным.

Раскрывая *структуру теории диалектики*, Ф. Энгельс прежде всего выдвигает основополагающую идею об объективности и всеобщности ее законов, действующих как в природе, так и в обществе.

Основу всеобщности действия законов диалектики составляет материальное единство мира. В соответствии со всей материалистической традицией Ф. Энгельс подчеркивает идею материальности мира и отмечает, что «материя противостоит нам как нечто данное, как нечто несотворимое и неуничтожимое» (1, 20, 392). При этом Энгельс выступил с критикой субстратно-субстанциальной трактовки материи как некоего неизменного вещественного материала. Категория «материя» — это абстракция, выработанная в результате общественно-исторической познавательной практики. «Вещество, материя есть не что иное, — пишет Энгельс в «Диалектике природы», — как совокупность вещей, из которой абстрагировано это

понятие... такие слова, как «материя» и «движение», суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» (там же, 550). Но Энгельс отмечает, что если наука когда-либо докажет существование эфира или чего-то аналогичного ему, то он должен быть материален, хотя его свойства и отличны от свойств веществ (см. там же, 559).

Таким образом мысли Ф. Энгельса шли в русле идеи об ошибочности сведения материальности к вещественности.

В. И. Ленин, продолжая традиции диалектической критики Ф. Энгельсом метафизической трактовки материи-субстанции, отмечал в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть *метафизический*, т. е. антидиалектический материализм» (2, 18, 275—276). При этом Ленин также отмечал необоснованность признания «абсолютной субстанции», которая лежит в основе внешнего изменчивого мира. «Неизменно, с точки зрения Энгельса,— писал Ленин,— только одно: это — отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. Никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует» (там же, 277). С точки зрения диалектического материализма, отмечал Ленин, понятие материи «не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им» (там же, 276).

Опираясь на подход Ф. Энгельса к трактовке понятия «материя» и на данные естественных наук, В. И. Ленин дает следующее классическое определение: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (там же, 131).

Программный характер для всего последующего развития марксистской философии имел вывод Ф. Энгельса о том, что «в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически» (1, 20, 22), что

«в природе... прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий, — те самые законы, которые, проходя красной нитью и через историю развития человеческого мышления, постепенно доходят до сознания мыслящих людей» (там же, 11). Итак, сфера действия законов диалектики не ограничена какой-либо отдельной областью действительности, но распространяется на всю действительность вообще.

Среди источников, из которых должна черпать теория диалектики в своем совершенствовании, Ф. Энгельс особенно подчеркивает значение естествознания. По сути дела он указывает на идею необходимости *союза философии и естествознания*, которая получит затем дальнейшее глубокое развитие в трудах Ленина. Этот союз необходим и плодотворен для обеих сторон, как для естествознания, так и для передовой философии. Пренебрежение к диалектике и ее недооценка мстят за себя, предупреждал Энгельс.

Для марксистской философской науки и марксистских ученых-естествоиспытателей программой стал вывод Ф. Энгельса, подтвержденный длительным опытом развития науки, о том, что диалектика является «единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» (там же, 528). Революционные преобразования, к которым теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накапливающихся эмпирических открытий, а затем объяснить новые факты, не согласовывающиеся с прежним их истолкованием, отмечает Энгельс, подводят даже самых упрямых эмпириков к осознанию общего диалектического характера природы и к необходимости теоретического осмысления этого кардинального факта. Тем более подчеркивает Энгельс значение диалектического метода для всего комплекса общественных наук, опирающихся на материалистическое понимание истории.

Направляющая роль в деле овладения подлинно теоретическим мышлением принадлежит марксистской философии. Хотя к диалектическому методу мышления, пишет Энгельс, науки могли бы подойти сами, стихийно, однако этот процесс овладения научно-теоретическим мышлением очень замедлен и зигзагообразен. Но он может быть ускорен с помощью передовой философии, если ученые част-

ных областей знания овладеют материалистической диалектикой сознательно. «Когда естествознание научится усваивать результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиной тысячелетий, оно именно благодаря этому избавится, с одной стороны, от всякой особой, вне его и над ним стоящей натурфилософии, с другой — от своего собственного, унаследованного от английского эмпиризма, ограниченного метода мышления» (1, 20, 14).

Раскрытие методологической роли материалистической диалектики и постановка перед марксистской мыслью со всей резкостью и остротой задачи всесторонней разработки теории диалектики и определили место «Анти-Дюринга» в дальнейшей истории марксистской философии и в идеологической борьбе.

Ленинский подход к теории диалектики и его интернациональная сущность

После К. Маркса и Ф. Энгельса никем иным из их последователей не был с такой четкостью и глубиной поставлен и разработан вопрос о диалектике в ее органическом единстве с материализмом в качестве определяющего содержания марксистского философского мировоззрения, как это было сделано В. И. Лениным. Идея Ф. Энгельса о все возрастающей методологической функции диалектики в научном познании и социальной практике и в этой связи выдвижение проблемы разработки теории диалектики в число важнейших задач философии марксизма была верно понята и оценена в новую эпоху лишь В. И. Лениным, а от него воспринята советской философской наукой и представителями международного коммунистического движения.

Постановка вопроса о материалистической диалектике как душе марксизма проходит ведущей нитью сквозь все ленинские труды, начиная с первых работ В. И. Ленина и до его философского завещания — статьи «О значении воипствующего материализма», где вновь в духе Ф. Энгельса, но теперь уже для находящейся в процессе становления советской философской науки формулируется программа разработки материалистической диалектики как научной теории.

Научное и идеологическое значение ленинской линии в философии марксизма станет еще очевиднее, если

вспомнить о том, как сложилась *судьба диалектики* после К. Маркса и Ф. Энгельса во II Интернационале. Достаточно воспроизвести позиции таких наиболее влиятельных теоретиков, как К. Каутский, Ф. Меринг, Г. В. Плеханов, чтобы понять, сколь велики заслуги В. И. Ленина перед международным коммунистическим движением в деле разработки материалистической диалектики.

Угасание революционности в социал-демократических партиях II Интернационала шло рука об руку с пренебрежением к материалистической диалектике как революционному методу осмысления и решения кардинальных проблем эпохи и как теории. Со всей четкостью выявилась связь исторических судеб диалектики с судьбой социализма (а значит, и связь вопросов о том, что такое философия Маркса и что такое социализм). Большинство теоретиков II Интернационала не придерживались в своей трактовке проблем эпохи требований материалистической диалектики, а все более скатывались к пресловутой концепции «экономического объективизма», которая методологически означала механистическое связывание перспектив социалистической революции с количественным уровнем развития производительных сил, метафизическую по своему духу недооценку исторической инициативы масс и роли субъективного фактора, полное извращение диалектики и превращение ее в плоский фаталистический эволюционизм и т. п.

К. Каутский, один из признанных в те годы «хранителей» марксистского теоретического наследия, всегда был далек от осознания роли диалектики, и сам заявлял, что философия не была его сильной стороной. Например, в одном из своих писем в 1898 г. он высказывался о независимости исторической теории Маркса от ее философских предпосылок. Этой позиции он остался верен всю жизнь. В 20-х годах XX в. в своем итоговом труде «Материалистическое понимание истории» Каутский заявлял: «Философия занимает нас здесь лишь постольку, поскольку она имеет дело с материалистическим пониманием истории. А последнее представляется нам соединимым не только с Махом и Авенариусом, но также и с некоторой другой философией» (107, 28).

Философия Маркса сводилась Каутским к объяснению истории. Но и в таком урезанном виде ее понимание Каутским страдало принципиальными пороками, главным из которых был «экономический объективизм», т. е. такая одно-

сторонняя трактовка естественноисторической необходимости общественного развития, при которой метафизически абсолютизировалась экономическая сторона развития и недооценивалась роль субъективного фактора, а тем самым грубо схематизировалась и выхолащивалась сложная и многообразная диалектика субъективного и объективного.

Специально историей марксистской мысли занимался *Ф. Меринг*, крупный и прогрессивный деятель II Интернационала. Он одним из первых выступил против бернштейнианской ревизии диалектики марксизма. Но материалистическая диалектика рассматривалась им односторонне, лишь как путеводная нить научного описания истории. По существу вне его поля зрения остались гносеологическая проблематика и диалектика природы; ему вообще казалось, что создание единой мировоззренческой картины даже и не входило в намерение Маркса и Энгельса как философов, причем в естественнонаучной области они, по мнению Меринга, будто бы оставались естественнонаучными материалистами.

Таким образом, основополагающее значение материалистической диалектики в системе марксистской теории не было осознано даже теми теоретиками II Интернационала, чьи труды оказали в свое время наибольшее влияние на восприятие марксизма рабочим движением.

Определенное исключение здесь во многих принципиальных моментах представлял *Г. В. Плеханов*. Он первым показал несостоятельность распространенной до него догмы об отсутствии в марксизме собственной философии и выступил против традиционного пренебрежения к диалектике во II Интернационале. Плеханов постоянно подчеркивал «решающее значение метода в каждой серьезной системе» (58, 11, 11). Он несомненно много сделал в международном и российском революционном движении для осознания огромной важности диалектики, которую должен усвоить каждый, кто стремится выработать себе правильное революционное миропонимание. Непреходящей исторической заслугой Плеханова было блестящее раскрытие им в ряде сочинений того факта, что материалистическое понимание истории и научный социализм без метода материалистической диалектики были бы вообще невозможны. И это было особенно важно в тех условиях, когда многими авторами, писавшими о материалистическом понимании истории, оно не связывалось с диалектикой или даже противопоставлялось ей.

Но при всех огромных заслугах Плеханова его методологически-теоретический уровень в ряде существенных пунктов все же был уровнем XIX, но не XX века. Уровень Плеханова был достаточен для решения на основе материалистической диалектики определенного круга проблем того времени, когда речь шла о судьбах капитализма в России, о закладке в России основ марксистской партии. В это время велась борьба с народничеством, в ходе которой и осуществлялась пропаганда основ философии марксизма. Но этот уровень в дальнейшем оказался недостаточным для решения проблем иного рода, когда на первый план выдвинулись вопросы о *судьбах социализма* в России и в международном революционном движении. В этих новых условиях вскрылась недостаточность понимания Плехановым и теоретических проблем диалектики. Поэтому В. И. Ленин подходит к оценке деятельности Плеханова весьма дифференцированно.

Карл Каутский, Отто Бауэр, писал В. И. Ленин, «учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы)» (2, 41, 87). Но свойственное им понимание диалектики было недостаточным для решения проблем эпохи империализма и социалистических революций. Поэтому они «*в применении этой диалектики,— продолжает Ленин,— сделали такую ошибку или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Геда и Плеханова*» (там же, 87—88). А судьба Плеханова в этом отношении известна. Он не смог понять наступательную стратегию и тактику революционного движения в эпоху империализма и ответить на вопрос о судьбах социализма в эту эпоху. Это оказалось по силам лишь Ленину и ленинизму. Диалектика у Плеханова, хотя и оценивалась им как алгебра революции, не была таковой на деле в периоды всех трех революций в России, причем он не понял действительного смысла Октябрьской социалистической революции.

Поэтому принципиальные теоретические вопросы диалектики нуждались в несравненно более глубокой постановке и решении, чем это следовало из творчества Плеханова. Слабой и недостаточной была прежде всего трактов-

ка Плехановым той «дейтельной стороны» нового материализма, о которой говорилось в «Тезисах о Фейербахе» Маркса. Причем это была слабость не только собственно теоретического характера; одновременно это была и неспособность выработать и провести в жизнь конкретную наступательную стратегию и тактику революционной борьбы.

Не случайно Плеханов преувеличил роль «фейербахианства» и недооценил значения переработки гегелевской диалектики в становлении гносеологии марксизма. Он недооценил замечательное диалектическое содержание «Анти-Дюринга» и постановку в нем проблемы разработки теории диалектики. Ленин отмечал, что «Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + основные вопросы etc. etc.). Из них *о* большой Логике, *по поводу* нее, *ее* мысли (т. е. *собственно* диалектика как философская наука) nil!!» (2, 29, 248). Диалектика и есть теория познания, пишет Ленин, «вот на какую „сторону“ дела (это не „сторона“ дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (там же, 321).

Недостаточно глубоким в вопросах теории диалектики было также понимание Плехановым той линии, которая от Гегеля шла к «Капиталу» Маркса и относилась к вопросу о диалектике как логике и теории познания. Если Плеханову казалось, что «гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха» (57, 3, 137), то Ленин отмечал, что «нельзя вполне понять „Капитала“ Маркса... не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!» (2, 29, 162).

Если к этому добавить, что Плеханов не обратил внимания на философские проблемы естествознания, и в особенности проблемы диалектики, выдвинутые мировоззренческим кризисом в физике, то станет ясным, что программа разработки теории диалектики, выдвинутая Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», не могла быть в должной мере реализована, если бы при этом марксисты всецело шли по той линии, которой придерживался Плеханов. Его большие исторические заслуги в области систематизации, пропаганды, а нередко и плодотворного применения идей материалистической диалектики неоспоримы, но в ряде существенных пунктов его *уровень понимания* этих идей

и подход к ним был ограниченным, недостаточным и нуждался не только в дополнении, но и в исправлении.

И это было осуществлено В. И. Лениным, представляющим творческое направление в марксизме, стоявшее на уровне проблем, задач и требований новой эпохи. В теории и на практике им была показана могучая творческая сила материалистической диалектики в решении кардинальных вопросов эпохи о том, что такое социализм и каковы пути к его победе. Именно Лениным была воспринята во всей глубине и полноте программа развития материалистической диалектики, представленная в «Анти-Дюринге». Воспринята и реализована. Свидетельством тому является прежде всего разработанная Лениным для новой эпохи на основе диалектико-материалистического метода наступательная стратегия и тактика международного революционного движения, концепция победоносной социалистической революции и успешного социалистического строительства.

Действительное разрешение выдвинутых повой эпохой проблем, огромное богатство уроков революционной практики, подлежащих теоретическому осмыслению, обусловили глубокий научный интерес В. И. Ленина к проблемам материалистической диалектики и с необходимостью привели к расширению сферы ее исследования и существенному обогащению ее содержания. В поле ленинского понимания вошли диалектические проблемы противоречий империализма и классовой борьбы в его условиях, новейших достижений естествознания и общественных наук и опыта начавшегося социалистического строительства.

Что диалектика составляет душу марксистского философского наследия — такие высказывания мы найдем не только у Ленина, но, например, и у Плеханова и некоторых других видных марксистов. Но различная практика их деятельности свидетельствует о том, что в эти одинаковые формулы отнюдь не всегда вкладывалось одинаковое содержание. И мы с полным правом можем утверждать, что только Лениным было раскрыто основополагающее значение метода материалистической диалектики в марксистском философском наследии и показаны образцы ее приложения к решению главных проблем новой эпохи.

Тот тип понимания и разработки материалистической диалектики, который представлен в ленинской генеральной линии революционного движения, в его политических

и исторических сочинениях, в его философских трудах, таких, как «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Карл Маркс», «О значении воинствующего материализма», и многих других, имел и имеет неоценимое научно-теоретическое и идеологически-практическое значение для международного коммунистического движения, его судеб и успехов. Существо ленинского направления в философии выражено следующей формулой: философия марксизма есть диалектический материализм (см. 2, 18, 10). Это единственно верное понимание марксистской философии вошло в международное коммунистическое движение именно благодаря Ленину. Учение Маркса — Энгельса было охарактеризовано Лениным как «последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» (2, 26, 48).

В. И. Ленин, так же как К. Маркс и Ф. Энгельс, подчеркивает всеобщность действия диалектики, она не исчерпывается сферой лишь мышления, только областью истории или только природы. В основе этой всеобщности лежит материальное единство мира. «...Всеми познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам... объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей» (2, 29, 321). Источник самодвижения различных форм движения материи, согласно той концепции диалектики, которую разрабатывал Ленин, — *действие противоречивых, взаимоисключающих противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы, духа и общества*. Поэтому «вкратце диалектику можно определить, — пишет Ленин, — как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики» (там же, 203).

Никто другой после К. Маркса и Ф. Энгельса не смог с такой полнотой раскрыть методологическую функцию материалистической диалектики в области науки и социальной практики, как это сделал В. И. Ленин. Но Ленин исходил из признания дальнейшего возрастания этой ее функции. Потому он выдвинул перед философской наукой в качестве первоочередной *задачу разработки теории диалектики* и на будущие времена, наметив источ-

ники и пути решения этой огромной задачи. Программной работой в этом отношении является уже отмеченная нами выше в иной связи его статья «О значении воишствующего материализма», где Ленин указывает, что «мы можем и должны разрабатывать... диалектику со всех сторон» (2, 45, 30). Выводы данной статьи основываются у Ленина, в частности, на итогах его собственных уже осуществленных исследований, особенно в «Материализме и эмпириокритицизме», «Философских тетрадах» и в работах о закономерностях новой эпохи и путях победы социалистической революции.

Три области, на которых должна базироваться дальнейшая разработка теории материалистической диалектики, особенно подчеркнуты здесь В. И. Лениным.

Во-первых, важным источником обогащения теории диалектики и важнейшей сферой ее приложения является *область человеческой истории*, включая и историю познания. Сама диалектика как теория является преобразованным итогом, своего рода «суммой», выводом из истории познания. Здесь, продолжая мысли «Философских тетрадей», Ленин отмечает важность изучения истории науки и истории философии, особенно истории диалектики. Чрезвычайно большую роль в разработке теории диалектики Ленин отводит делу материалистической переработки диалектики Гегеля и подчеркивает необходимость «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах» (там же). Лениным несравнимо глубже, чем кем-либо из других современных ему теоретиков марксизма, подчеркнута преемственная связь между методом Маркса и Энгельса и гегелевской диалектикой. «Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе» (2, 26, 53—54).

Ленинская линия в вопросе об отношении к гегелевской диалектике имела принципиальное программное значение и была исторически особо ценной, поскольку во

II Интернационале насаждались именно «иные формулировки» принципа развития. В наше время, писал В. И. Ленин, идея развития, эволюции вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако та формулировка, которую дали Маркс и Энгельс, используя, но качественно переработав достижения Гегеля, «гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции» (там же, 55).

Во-вторых, источник разработки теории диалектики и сфера ее приложения — это *область социальных событий современности* и прежде всего осмысления закономерностей новой эпохи, противоречий капитализма, опыта классовой борьбы и развертывающегося социалистического строительства.

В-третьих, важный источник разработки теории диалектики — это *область науки*, где должен утвердиться прочный союз философии и естествознания, абсолютно необходимый как для естествознания (а также вообще для всех частных наук), так и для самой материалистической философии. Еще в труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин показал, что гносеологическую предпосылку идеализма у ряда естествоиспытателей, причину мировоззренческого кризиса в физике составляет незнание ими диалектики и метафизический образ мышления этих ученых. В статье «О значении воинствующего материализма» Ленин вновь напоминает, что лишь в материалистической диалектике естествоиспытатели найдут выход из кризиса в естествознании. В свою очередь философское осмысление новейших данных и достижений науки составляет фундамент дальнейшего развития самой философской диалектико-материалистической теории.

Методологическое значение материалистической диалектики для науки В. И. Ленин убедительнейшим образом раскрыл на примере кризиса в физике. Метафизическое понимание предмета физического знания и отождествление идеального образа внешнего мира, воспроизводимого в научных теориях, со свойствами самой действительности, метафизическая трактовка всего процесса движения знания к новым результатам и т. д. приводили ученых к утверждениям об «исчезновении материи». Это была одна из предпосылок перехода некоторых естествоиспытателей на позиции идеалистической гносеологии, поскольку они, как показал Ленин, не сумели и не смогли «прямо и сразу под-

няться от метафизического материализма к диалектическому материализму» (2, 18, 331).

Возникшая в этой связи теоретико-познавательная ситуация, ставшая предметом философских дискуссий и споров, была четко охарактеризована В. И. Лениным: «Новая физика, найдя новые виды материи и новые формы ее движения, поставила по случаю ломки старых физических понятий старые философские вопросы» (там же, 295). ««Материя исчезает», — писал Ленин, — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» (там же, 275). Доказывая органическое единство новых достижений физического знания и научного материализма, В. И. Ленин подчеркивал, что «разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма» (там же, 298). Возвращаясь снова к проблеме союза философии и естествознания, Ленин в «Философских тетрадах» отмечал важность диалектического умения оперировать понятиями. Он писал: «Очень верно и важно — именно это повторял популярнее Энгельс, когда писал, что естествоиспытатели должны знать, что итоги естествознания суть понятия, а искусство оперировать с понятиями не прирождено, а есть результат 2000-летнего развития естествознания и философии. У естествоиспытателей узко понятие превращения и нет понимания диалектики» (2, 29, 236).

Существо самой программы разработки теории диалектики, воспринятой В. И. Лениным от К. Маркса и Ф. Энгельса, характер определения источников ее развития и сферы ее применимости глубоко интернациональны по своей природе.

Совершенно несостоятельны утверждения наших идейных противников о ленинизме как якобы узко региональном, сугубо русском явлении. Охарактеризованная выше ленинская программа развития теории диалектики лежит в основе работы советских философов уже шестьдесят лет. Актуальность разработки теоретических проблем диалектики все эти годы обуславливалась прежде всего острой значимостью практических проблем переделки мира на

принципах социализма. Происходило предсказанное Лениным неуклонное возрастание роли субъективного, собственно человеческого, фактора в истории, и ленинский призыв учиться диалектике означал, в частности, качественно новые требования к человеку, который в условиях сознательного и планомерного преобразования общества уже никак не может больше ограничиваться функцией исполнителя и потребителя; необходимо активное и творческое выполнение организаторских и созидательных функций в сфере политической, экономической, культурной и научной жизни. Без этого Ленин не представлял себе прочных и все более возрастающих успехов социалистического строительства.

Овладение материалистической диалектикой как теорией и методом и дальнейшее ее развитие явились залогом практических триумфов социализма. Советские люди осуществили этот ленинский завет и следуют ему дальше.

Уже давно идеологи класса буржуазии пытаются подорвать и перечеркнуть идейное содержание «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса. Но выступления буржуазных идеологов против идей «Анти-Дюринга» явились в XX в. одновременно атакой против ленинской программы разработки материалистической диалектики и ее реализации в советской философской науке, в трудах зарубежных марксистов. Попытки дискредитации диалектического материализма стали одной из форм усилий по дискредитации реального социализма.

По крайней мере три различных типа отношения к марксистскому философскому наследию характерны для буржуазной марксологии и ревизионизма. Один из них заключается в полностью негативном отношении к марксистской философии, в ее огульном отрицании (такую позицию заняли прежде всего позитивизм и религиозная философия). Представители второго типа пытаются ассимилировать те или иные моменты или категории марксистской философии, как, например, категорию «отчуждение», идею практической или вообще социальной обусловленности познания и другие, но вырвав их из целостной теории марксизма и противопоставив их ей, а значит, наделив их несвойственным им в системе марксизма-ленинизма смыслом (этот подход мы встретим у отдельных западных философов ряда направлений, например у прагматистов). Для третьего типа отношения буржуазных марксологов к марксизму характерны

претензии на выступления от имени «истинного» Маркса и против «искажения» и чужеродных «наслоений» на мысли Маркса, в которых виноваты-де ленинцы (такой характер, например, носят выступления ряда философов-экзистенциалистов). С представителями этого типа буржуазных марксологов по содержанию обсуждаемых ими идей и способу их трактовки смыкаются так называемые антропологическая, гуманистическая, аутентичная, праксеологическая, неомарксистская и западноевропейская разновидности философии марксизма. Именно в этих ложных версиях марксизма выступления против концепции материалистической диалектики и программы ее разработки, сформулированной в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» Энгельса, имеют свою главную отправную точку.

Пунктом объединения, в котором соединяются две отмечавшиеся выше ведущие темы идеологической борьбы (что такое подлинная философия Маркса и что такое действительный социализм), выступает проблема *гуманизма*. Именно под фальшивым флагом борьбы за выявление «гуманистического ядра» в марксизме и во имя «открытого» марксизма его стремятся «закрыть» и отгородить от Энгельса, Ленина и советской философской науки. Утверждают, будто в истории марксизма шла борьба двух линий, одна из которых восходит к ранним работам Маркса («гуманизм»), а другая — к позднему Энгельсу и Ленину («сциентизм» и «онтологизм»). Во второй линии марксизм якобы лишен своего существенного измерения, без которого нет гуманизма, а именно «субъективности».

В результате проводится двойная фальсификация. С одной стороны, К. Марксу приписывается абстрактная концепция «человека вообще» и затушевывается тот факт, что проблема человека рассматривалась Марксом через систему таких основополагающих категорий исторического материализма, как «общественное бытие», «классы», «классовая борьба» и др. С другой стороны, Ленину приписывается забвение им проблематики человека, деятельной стороны нового материализма, вопроса о практике и т. п., т. е. тот подход, который характерен в действительности именно для тех концепций, в борьбе против которых в России и международном революционном движении развивалась и реализовалась ленинская теория революции, а затем на основе ленинских предпа-

чертаний шло социалистическое строительство в нашей стране.

Обратимся в этой связи к некоторым реальным фактам истории ленинской борьбы за революционный марксизм и материалистическую диалектику. История дает убедительнейшие аргументы против лживой версии о ленинизме как якобы «дегуманизированном» марксизме и обнаруживает подлинные истоки и социально-политический смысл «гуманистической» версии марксизма, нередко тщательно скрывааемые его приверженцами.

К числу противников, в упорной борьбе с которыми развивалась и утверждалась в жизни ленинская концепция революции, относятся идеологи правого крыла II Интернационала — меньшевики в России и каутскианцы на Западе, навязывавшие рабочему движению порочную стратегию и тактику под фальшивым флагом Марксова «социального детерминизма», а в действительности, как это показал Ленин, коренным образом искажавшие Марксову диалектику. Причем именно эти идеологи первыми выдвинули в адрес ленинизма ложное обвинение в пренебрежении к «человеку».

Одно из центральных мест в периодически происходивших тогда острейших дискуссиях вокруг марксистского теоретического наследия занимала проблема связи социализма и демократии. Для развитых европейских стран, где уже победили буржуазные революции, это была проблема использования в классовой борьбе пролетариата институтов буржуазной демократии — представительной системы правления, партий, прессы, гражданских прав и свобод и т. д. Для России эта проблема имела иной характер. «Борьба между пролетариатом и буржуазией,— писал В. И. Ленин в 1905 г.,— стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию». Но здесь, продолжает Ленин, содержание революции заполняют «две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего... буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» (2, 11, 282—283). Наличие *трех борющихся сил* (феодалы, монархия, буржуа, пролетариат), когда пролетариату приходилось одновре-

менно вести «две войны», обуславливало чрезвычайно сложное переплетение классовых конфликтов в России. Для марксистов животрепещущим и очень нелегким вопросом был вопрос о том, каким конкретно на каждом шагу революционной деятельности является собственно *классово-социалистический* эквивалент борьбы пролетариата за свободу в смысле буржуазной демократии, дабы не оказаться придатком буржуазии, идя в ее «хвосте», и вместе с тем не «заскакивать» вперед, т. е. не пытаться осуществлять те собственно свои классовые цели, для реализации которых еще не созрели условия. Парадоксальность ситуации усиливалась еще и тем, что русская буржуазия не только не выполнила своей буржуазной «миссии», но и не собиралась ее выполнять, так что именно пролетариат еще до достижения своих классовых целей должен был по пути к ним добиться реализации демократических свобод.

Наличие у пролетариата таких двух хотя и взаимосвязанных, но разнородных задач было зафиксировано, как известно, в программе большевистской партии в виде двух ее частей — программы-минимум и программы-максимум.

Решение этой двуединой задачи пройдет сквозь три революции в России и получит свое воплощение в диктатуре пролетариата как единственно возможной и необходимой форме «диалектического синтеза» социализма и демократии в переходный период от капитализма к социализму. История решения этого вопроса Лениным свидетельствует, что именно это ленинское решение идет в русле Марксовой методологии подхода к человеку как практически творческому и при этом социально классово обусловленному существу.

Ответ меньшевизма, составлявший кредо данного направления и определявший его стратегию и тактику, взгляды на задачи и принципы построения партии, сводился к следующему. России предстоит буржуазная революция (достижение демократии), для борьбы же за социализм страна не готова ни в экономическом, ни в социальном, ни в культурном отношении. Достижение свободы (буржуазная революция) и достижение социализма необходимо разделить большой полосой истории, а тот, кто их отождествляет (например, народники) или соединяет, тот отдаляет наступление как первой, так и второго. Только с победой буржуазной революции, рассуж-

дали меньшевики, в России откроется широкое поле для развития производительных сил и в дальнейшем возникнут условия, когда можно будет наконец всерьез подумать о социалистической революции. Таков, согласно меньшевистской концепции, должен был быть практический вывод для пролетариата из принципов социального детерминизма Маркса. Думать же иначе — значит вступать-де на путь бланкизма, народовольчества, вообще волюнтаризма и входить в конфликт с материалистическим пониманием истории Маркса и Энгельса.

Для Плеханова вопрос о достижении свободы означал вопрос о достижении политической свободы в смысле буржуазной политической демократии, и это соответствовало абстрактной схеме исторического развития, проводившейся им будто бы под подлинным знаком Марксова «детерминизма», последовательной смены трех общественно-экономических формаций (феодализм, капитализм, социализм).

В. И. Ленин не сводил революционный процесс к рамкам достижения только политической свободы, а выделял в нем собственно классово-«человеческую» сторону. Основная посылка Ленина при анализе революции 1905—1907 гг. заключается в следующем. Поверхностным было бы рассмотрение революции лишь как движения, направленного на свержение абсолютизма. Необходимо видеть ее содержание и смысл с точки зрения подлинно *нового класса* — пролетариата, а именно как процесс пробуждения широких народных масс к самостоятельной социальной деятельности. Задача партии в том, чтобы способствовать развертыванию революционной активности человеческих «низов», отыскивать оптимальные формы ее организации (Советы и т. п.) и вообще расширять социальную базу революции. Революционная практика, когда массы выступают активным творцом новых порядков, есть, кроме того, и сильнейшее средство формирования классового сознания самого пролетариата. В эти периоды «просыпается мысль и разум миллионов забытых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества» (2, 12, 328—329).

Как резко контрастируют эти замечательные ленинские слова с убогой и пошлой концепцией сознания как пассивного копирования, фотографирования бытия, которую пресловутые «аутентичные» марксисты назойливо

подсовывают Ленину как якобы выражающую суть его взглядов и действий.

Но сила ленинской позиции заключалась не только в выявлении «человеческой» стороны революционного процесса, но и в особенности самого подхода к этой проблеме, в диалектической методологии. Если меньшевизм метафизически произвольно упрощал данную парадоксальную ситуацию, в которой пролетариату приходилось осуществлять буржуазную революцию, и вычеркивал одну из сторон противоречия, то Ленин брал действительность такой, какова она есть, во всей ее реальной противоречивости, решительно избегая произвольного ее рассечения и упрощающего «очищения». Коль скоро парадоксальность событий состоит в том, что пролетариат вначале должен совершить дело своего классового противника, то пужно не уходить от этого противоречия, а учитывать его во всей жизненной полноте.

Кто должен возглавить предстоящую русскую революцию? Ответа у Плеханова и меньшевиков на этот вопрос не было. Во главе русской демократии должен стоять пролетариат, ибо только пролетариат в наибольшей мере заинтересован в победе демократии для использования ее в своих классовых целях — таков был совершенно четкий и последовательный вывод, к которому пришел Ленин.

Эта идея первичности классовой борьбы пролетариата в деле разрешения социальных противоречий эпохи образует конституирующий принцип ленинской концепции революции. Именно этот принцип, открытый В. И. Лениным в самой действительности, становится точкой отсчета и масштабом оценки событий, обеспечивает внутреннюю логическую стройность ленинского учения и его боевой, наступательный характер (мы уже знаем, что противники окрестят это «волютаризмом», изобразят как «отказ» от Марксова социального детерминизма и т. п.).

Если в осуществленных К. Марксом и Ф. Энгельсом обобщениях и анализе революционных событий 1848—1849 гг. в Европе (дискуссия о них шла долгие годы после II съезда РСДРП) меньшевики увидят лишь указание на поражение пролетариата и на будто бы фатальную неизбежность нового термидора, боппартизма и реставрации, а затем сделают отсюда вывод о необходимости ограничения революционности «пизов» в условиях введения пролетариатом «двух войн» («не ходить туда,

где были раз биты»), то В. И. Ленин усмотрит в этих обобщениях и анализе указание на чрезвычайно важную объективную тенденцию — на колоссальное возрастание исторической роли народных «низов», подъем социального творчества масс (проблема субъективного фактора) в процессе разрешения общественных противоречий. И не «сокращение» революционности, а максимальное ее развертывание — таково средство избежать перехода революции в свою нисходящую ветвь и предотвращения бонапартизма и реставрации. «Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего» — такова главная резюмирующая мысль Ленина относительно выводов Маркса из опыта Парижской коммуны 1871 г. Маркс «*выше всего* ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю». «Нашим нынешним квазимарксистам...— говорит далее Ленин в адрес меньшевиков,— совсем непонятна, даже чужда в принципе такая *постановка* вопроса» (2, 14, 377; 379).

Тем самым В. И. Ленин совершенно по-иному, коренным образом отлично от своих идейных противников ставит и решает применительно к новым условиям проблему Марксова социального детерминизма, свободы и необходимости, а значит, проблему исторической закономерности в целом.

Ошибки меньшевизма и каутскианства, как показал В. И. Ленин, суть выражение определенного порочного стиля мышления, т. е. это не случайные промахи, но система, где одна ошибка не нейтрализует, а усиливает другую. Суть дела заключалась в неспособности представителей этих течений рассматривать социальный детерминизм с точки зрения именно *диалектики* субъективного и объективного, в забвении активно-действенной стороны Марксова материализма. В каутскианско-меньшевистских схемах признавалась преимущественно лишь одна детерминация — идущая от уровня экономического развития — и недооценивалась детерминация, идущая от активности класса, воли и решимости партии — в целом от исторической инициативы масс, способной претворять в действительность одни объективные возможности и парализовать другие, тем самым существенно меняя направление событий.

Ход истории не определен фатально и однозначно, он не предопределен, а в истории всегда палицо в некотором диапазоне ряд возможностей, каждая из которых

объективно обусловлена, но не каждая сможет реализовать-ся. И от степени осознания этих возможностей, от оценки условий и последствий их реализации, от оптимального выбора одной из них и от интенсивности и искусства борьбы за претворение ее в действительность зависит и достигнутый результат. В. И. Ленин указывает на два объективно возможных варианта развития России начала XX в., при этом он ссылается на примеры из буржуазных революций 1789 и 1848 гг., на революцию во Франции и на революцию в Германии, на «прусский» и «американский» путь развития капитализма. Это были варианты половинчато-либеральный и подлинно демократический. Какой из двух путей утвердился в жизни — «этого история еще не решила: не исчерпали еще себя те объективные силы, от которых зависит решение» (2, 20, 169), — скажет Ленин в 1911 г. Но в равнодействующую наличных тенденций нужно внести свой активный вклад «не в виде минуса... а в виде плюса» (там же). Поэтому задача состоит не в ограничении исторической инициативы масс, а, наоборот, в *максимальном ее развертывании*, в отыскании *оптимальных форм ее организации* на каждом историческом этапе (создание подлинно революционной партии, установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и др.).

Все это свидетельствует о несостоятельности утверждений сторонников так называемой гуманистической версии марксистской философии, согласно которой история марксизма изображается как упомянутая выше борьба двух линий: «гуманистической», которая восходит якобы к Марксу, и «позитивистской» и «оптологизированной», в которой «забыт» человек, делающий собственную историю и которая восходит к «Анти-Дюрингу» Энгельса и к Ленину. На самом же деле именно Лениным с наибольшей полнотой было воспринято от Маркса и развито далее учение о *диалектике субъективного и объективного* в общественном развитии и *концепция человека* как практически творческого существа, создающего историческую действительность и в ходе истории — самого себя.

Итак, именно этой логикой проникнута ленинская концепция социалистической революции в России. Каутский и меньшевики, как мы уже отмечали, видели лишь одну сторону Марксова детерминизма, а именно воздействие экономики: детерминация, проистекающая от собственной активности человека, класса, т. е. субъективный

фактор, оставалась у них за бортом. Поэтому их вывод был один: Россия не готова к социалистической революции и не должна ее совершать. Ленин разрушает этот окаменевший метафизический взгляд на историю и возрождает подлинную диалектику Маркса.

Ленинский подход принципиально отличен от догм II Интернационала в двух основных моментах. Во-первых, В. И. Ленин берет для анализа не отдельную страну, а *систему капитализма* в целом, т. е. учитывает всю международную ситуацию и многообразие связей внутри системы, где прочность всей объемлющей ее «цепи» определяется прочностью самого слабого звена последней. Россия оказалась таким звеном, и его возможно было разорвать энергичными и организованными действиями масс. Акцентирование Лениным возросшей роли субъективного фактора в современной истории шло всецело в русле Марксова детерминизма, и оно вполне соответствовало духу активной, действенной стороны нового, *диалектического* материализма.

Отсюда и вторая отличительная особенность ленинского подхода. Совершенно в иную, чем у догматиков-метафизиков, плоскость переносится решение проблемы «готовности» страны к социализму. Если для меньшевистско-каутскианской версии «детерминизма» такая «готовность» могла быть лишь результатом медленно-пассивного «вызревания» предпосылок в недрах «демократического» капитализма, то Ленин разрабатывает концепцию социализма как «создания самих народных масс» (2, 35, 57). В качестве формы организации исторической инициативы масс и выступает *диктатура пролетариата*. Ее функция — это не только насилие, подавление с целью предотвратить реставрацию капитализма, но и *творчество, созидание*. В области экономической — это создание материально-технической базы социализма, в области социально-политической — обеспечение демократии, в области культурной («культурная революция») — формирование нового человека. Причем ни одна из этих задач не решается порознь, но только в их диалектическом единстве.

Таково основное философско-методологическое содержание ленинского решения проблемы связи социализма и демократии как их диалектического синтеза.

Приведенные выше факты говорят о том, что именно В. И. Ленин продолжал в условиях XX в. творческую разработку материалистической диалектики, обогатив ее

опытом практического разрешения сложнейших проблем новой эпохи. От В. И. Ленина, а не от раннего Г. Лукача, К. Корша, Э. Блоха, Г. Маркузе, Э. Фромма, Ж. П. Сартра и иже с ними, как пытаются уверить сейчас так называемые неомарксисты, в коммунистическое движение вошло действительно научное понимание Марксовой диалектики субъективного и объективного, проблемы человека, как существа действующего и творческого, роли исторической инициативы масс и вообще социального творчества в общественном развитии.

Принципиально важно подчеркнуть, что В. И. Ленин разрабатывает именно диалектику субъективного и объективного в противовес чисто «экономическому объективизму», с одной стороны, и субъективистскому волюнтаризму — с другой. Подчеркивание роли субъективного фактора, исторической инициативы масс не имеет ничего общего с той ложной трактовкой слов К. Маркса «люди сами делают свою историю», которая дается сторонниками так называемого гуманистического марксизма, пытающимися изобразить творцом истории человека, но понятого как абстрактное существо, вне определенных общественно-исторических отношений, классов и классовой борьбы.

Не абстрактный «индивид вообще», а конкретные народные массы делают историю, классовая борьба является ее движущей силой, а экономические условия — определяющей предпосылкой, при определенных объективных условиях и никак не вопреки им, но и не идя в их «хвосте» люди сами творят свою историю — такова ленинская позиция, глубоко материалистическая, диалектическая и интернационалистская по своей сущности.

Судьба диалектики в современном так называемом неомарксизме

Не трудно увидеть, что «неомарксизм», «аутентичный марксизм» и т. п. течения продолжают сейчас в новых условиях реакционные традиции антиленинизма, идущие от худших черт социал-демократизма II Интернационала. Сторонники их забыли в философии прежде всего самое задачу разработки теории материалистической диалектики. Традиционное пренебрежение к ней многих лидеров II Интернационала свойственно и сегодняшним «аутентичным марксистам», что ведет к громадным теоретическим опустошениям в марксистской теории.

Признание исторических заслуг В. И. Ленина в социально-политической сфере, что можно нередко встретить в современной ревизионистской литературе, носит чисто декларативный характер, ибо идет вразрез с общей концепцией псевдоаутентичного «марксизма» и сочетается с превознесением в качестве «подлинных творческих марксистов» деятелей, известных своим антиленинизмом (К. Корш, А. Паннекук и др.). Насколько сознательно эта идеологическая линия входит в субъективные намерения тех или иных отдельных авторов — это уже вопрос второстепенный, главное — вскрыть основную объективную тенденцию их деятельности.

Каутскианско-меньшевистская идея о «незрелости» России для социализма трансформировалась в современном ревизионизме в утверждение о ленинизме как узко региональном, сугубо «русском явлении». Противопоставление К. Каутским «демократии» (понимаемой им в надклассовом духе) диктатуре пролетариата и истолкование последней исключительно как «насилия» и как выражения «презрения к личности» нашло свое продолжение в клевете на ленинизм, изображаемом в виде «дегуманизованного» марксизма, что и послужило обоснованию поисков пресловутых «моделей» социализма с «человеческим лицом». Каутскианско-меньшевистские спекуляции на «термидоре», троцкистская клевета о «преданной революции», о «бонапартизме» и т. п. получили продолжение в новейших нападках на реальный социализм как-де «этатизм», «бюрократизм» и т. п.

Но появились и некоторые новые моменты. У Каутского и меньшевиков не было сознательно провозглашенной программы «истребления» диалектического материализма. Превращение ими диалектики Маркса — Энгельса в софистику и эклектику было скорее результатом, чем откровенно и вполне осознанно избранным исходным принципом. Маркс противопоставлялся ленинизму не столько в области философской, сколько в области политической. К философии Каутский и меньшевики вообще относились без внимания.

Теперь же, в так называемой гуманистической версии марксизма, к старым тезисам добавились и прямое отрицание философии диалектического материализма, открытая критика его как якобы «дегуманизированной» философии. Дискредитация диалектического материализма выступает теперь составной частью дискредитации реального

социализма и поношения шестидесятилетнего опыта борьбы за его построение в СССР. Поэтому поиски особых «моделей» лжесоциализма и стремление «дополнить», а точнее, перечеркнуть диалектический материализм и заменить его мнимой «философией человека» представляют собой явления одного и того же порядка. Недаром обе линии рассуждения мы находим зачастую у одних и тех же лиц в одних и тех же их работах. И все эти спекуляции происходят на вполне реальной и актуальной проблематике. Огромное *возрастание роли субъективного фактора* в жизни общества, как уже отмечалось, есть действительный процесс современности, а «раздувание», превращение в абсолют отдельных сторон этого процесса является как раз гносеологической предпосылкой всякого рода антропологических версий философии марксизма и соответствующих трактовок истории ее развития.

Постоянные ссылки сторонников «гуманистической» версии марксизма на идеи молодого Маркса в противоположность философско-теоретическим идеям позднего Энгельса, и особенно идеям научной диалектики в книгах «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», как доказано (см. 76), совершенно беспочвенны. Действительные теоретические источники концепций этих псевдомарксистов иные. Это идеалистическое сочинение Г. Лукача «История и классовое сознание» (1923), работы К. Корша, статьи и книги социальных философов так называемой Франкфуртской школы, «Критика диалектического разума» Ж. П. Сартра, где он требует «дополнить» марксизм экзистенциалистским решением проблемы человека, и аналогичные публикации.

Если попытаться выявить общий знаменатель данных «гуманистических новаций» в марксизме, то он сводится к далеко зашедшей *субъективизации* реальных объективных проблем современности. В гносеологическом плане это проявляется в назойливом варьировании избитой темы насчет «забвения» проблемы «субъективности» и подавления ее «объективирующей тенденцией» в советской философской науке, берущей свое начало от Ленина и Энгельса. Крикливые требования «возродить» в марксизме «субъективность» скрывают попытки внедрения в марксизм концепций, чужеродных, а зачастую и открыто враждебных марксизму, призванных разрушить его изнутри.

Очень показательна в этом отношении дискуссия об объективной диалектике и теории отражения. Истоки ее

восходят к работе Г. Лукача «История и классовое сознание». Субъективно намерения Лукача при написании статей, вошедших в это сочинение, были связаны с критикой им традиционного пренебрежения к диалектике у большинства лидеров II Интернационала. Лукачу удалось обратить внимание на тот действительный факт, что оппортунистические тенденции этих лидеров в политике и проникновение буржуазной идеологии в их концепции выявляются более всего через факт забвения ими диалектического метода. Но эта критика Лукача ничего общего не имела с происходившей в это время действительной борьбой ленинизма за материалистическую диалектику, ибо эта критика пошла по иному пути, поскольку собственная концепция диалектики у Лукача была глубоко ошибочна в своей основе.

Оппортунизму II Интернационала он противопоставлял не диалектику Маркса и Энгельса, а один из вариантов идущей от неокантианства и «философии жизни» трактовки гегелевской диалектики, направив эту трактовку против «природно-диалектическо-онтологического» подхода к марксизму, который Лукачем связывался с деятельностью Энгельса. Острие этой развернутой Лукачем критики было направлено против признания объективной диалектики: лейтмотив его книги сводился к ограничению сферы действия диалектики только сферой социально-исторической действительности, причем эта диалектика была представлена Лукачем лишь в виде отношения субъекта к им же порожденному объекту. Отбрасывалось само материалистическое понимание природы,— понимание, явившееся якобы продуктом овеществленного, а значит, ложного буржуазного сознания. «Природа,— писал Лукач,— есть общественная категория, т. е. [она касается того], что на определенной ступени общественного развития считается природой, как складывается отношение этой природы к человеку и в какой форме происходит его конфликт с ней, итак,— что должна означать природа по форме и содержанию, по объему и предметности; [она] всегда обусловлена общественно» (113, 240).

Конечно, в плане диалектики субъективного и объективного в процессе *познания* дело обстоит так, что знание о природе и ее понимание в целом всегда существует в формах активно-преобразующего отношения людей к окружающему их миру. Понятие природы, как и вообще всякое понятие, носит общественно-исторический

характер, т. е. это «человеческое» понятие (иных не бывает). Но речь шла у Лукача совсем об ином — об идеалистической переформулировке самого принципа материальности мира и сведении его исключительно к вопросу об активности человека как субъекта, что привело к полному отрицанию объективной диалектики, а также и к отрицанию *теории отражения*. Последнее вытекало из отрицания Лукачем существования объектов познания, хотя и преобразуемых практикой человека, но все-таки в принципе от его сознания не зависимых.

Во многом аналогичный характер носили работы К. Корша, также готовившего своими концепциями почву для последующих нападков на материалистическую диалектику. Причем в отличие от Лукача свои призывы вернуть марксизму «субъективные» и «деятельные» моменты, которые были утрачены в «механистических теориях развития», насаждаемых оппортунистами II Интернационала, Корш открыто направил затем и против ленинизма. «Против социал-демократического и коммунистического ортодоксального марксизма я стою вместе с Лукачем», — заявлял он (110, 32). Вслед за К. Каутским и меньшевиками К. Корш считал Октябрьскую революцию буржуазной. Не удивительно, что именно общий антиленинский и антисоциалистический характер выступлений К. Корша послужил основанием для оценки его в антикоммунистической литературе как «творческого марксиста» (см., напр., 98) *.

Еще одним теоретическим источником современных нам выступлений против диалектического материализма под флагом «гуманистического обновления» философии марксизма и противопоставления ленинизму «западного марксизма» явилась развившаяся в период между двумя мировыми войнами так называемая социальная философия Франкфуртской школы (см. 67). Субъективистское понимание диалектики исключительно как диалек-

* О действительном смысле таких оценок можно судить по следующим словам из предисловия к изданному в ФРГ сборнику работ К. Корша: «Социализм сегодня, — утверждает автор предисловия, — находится в кризисе», а выход из данного состояния — в том, чтобы освободиться от опыта СССР и его теоретического обоснования, причем К. Корш, «как никто другой из социалистов... подготавливал столь необходимую сегодня недогматическую, направленную на «Praxis» теорию» (101, 6). С большой теплотой о К. Корше пишет П. Враницкий в своей пресловутой двухтомной «Истории марксизма».

тики, связанной с человеческой практикой, отрицание диалектики в природе, противопоставление по этим и другим вопросам Маркса Энгельсу характерно, например, для работ Г. Маркузе. Он одним из первых в буржуазно-марксологической литературе развил антропологические спекуляции на ранних работах Маркса, оказав, вслед за Лукачем и Коршем, существенное влияние на современный правый ревизионизм (см. 114). Маркузе в своей книге «Советский марксизм» (116) наиболее резко из всех представителей старшего поколения Франкфуртской школы выразил враждебное отношение к марксизму-ленинизму и практике социалистического строительства в СССР, призвав к «революции внутри социализма», т. е. к подрыву социалистического общества в СССР.

Борьба вокруг программы разработки теории диалектики, выдвинутой Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», вокруг понятия диалектики в природе и теории отражения и демагогические требования «вернуть» марксизму его будто бы утраченное гуманистическое содержание меньше всего носят академический характер. Она может быть понята только в общем контексте современной всемирной идеологической борьбы. Об этом свидетельствуют, например, выступления философов-экзистенциалистов, писания которых также послужили теоретическим источником современного ревизионистского «обновления» марксизма.

Так, вслед за Г. Лукачем Ж. П. Сартр выступил с требованием «вернуть человека в марксизм» (см. 120). Марксизм, согласно Сартру,— это единственно возможная антропология, но современные марксисты якобы полностью утратили смысл того, что есть человек, дегуманизовав свою концепцию истории и диалектики так, что «вернуть человека в марксизм» призван экзистенциализм и марксизм должен быть дополнен и преобразован, изменен посредством экзистенциалистского учения. Показательны в этом отношении выступления Сартра и Ж. Ипполита в дискуссии с французскими марксистами в Париже в 1962 г., где прозвучало традиционное обвинение в адрес марксизма в перенесении им диалектики, законной якобы лишь в сфере социально-исторической, на сферу природы. Обратной стороной этого «перенесения», утверждали Сартр и Ипполит, является «патурализация истории», т. е. распространение на историю законов природы, что привело к утрате при рассмотрении истории ее

внутреннего своеобразия, а именно господства в ней субъективности.

Относительно подлинного социального смысла и истоков этих заявлений можно судить по следующим словам «франкфуртца» младшего поколения — А. Шмидта, прокомментировавшего данные выступления в связи с изданием их в ФРГ. Отметив, что первоисточник этих идей — работа Г. Лукача «История и классовое сознание», А. Шмидт заявил затем, что диалектический материализм имеет «мало общего с позицией, присущей Марксу», и утверждал, что, «заявляясь динамической структурой мира вообще, советские философы все более утрачивают из поля зрения структуру человека, которой занимался Маркс. Конкретность общественных отношений испаряется у них в «высших формах движения материи»» (125, 104).

Все эти факты — а число их можно было бы многократно умножить — свидетельствуют об актуальности нашей борьбы против буржуазной марксологии и ревизионизма, рядящихся в «подлинно марксистские» одежды. А в позитивном плане — об актуальности дальнейшей разработки теории материалистической диалектики на основе программы, выдвинутой Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», развитой далее В. И. Лениным и продолженной марксистами-ленинцами. Ленинское истолкование и дальнейшее творческое развитие Лениным марксистской философии осуществлялось на основе опыта социалистического строительства и развития науки и успешно проверялось в ходе революционной борьбы. Поэтому именно ленинские принципы являются действительной основой дальнейшего развития марксизма в современную нам эпоху.

Рассмотрение в данном историческом контексте повсехших попыток ревизионистского «гуманистического обновления» философии марксизма свидетельствует, что ревизионисты продолжают в современных идейно-политических условиях ту идейно-политическую линию, несостоятельность которой была выявлена уже Лениным и подтверждена всем ходом последующего исторического развития. Современный ревизионизм «не обнаружил» в диалектическом материализме именно того, что «не находили» в ленинизме его обанкротившиеся противники II Интернационала. Усвоив от антикоммунизма идею о «кризисе» социализма по причине его «дегуманизации», ревизионисты направили свои усилия «на поиски» выхода из

такого состояния путем развенчивания реального социализма во имя социализма мифического, а по сути дела — путем извращения самих принципов социализма и коммунистического миропонимания с помощью идей, заимствованных из различных буржуазно-идеалистических концепций. Практически все это привело к эклектическому смешению идей о человеке, вырванных из контекста различных идеалистических и антимарксистских концепций (экзистенциализм, фрейдизм, персопализм, буржуазные социологические концепции индустриального общества и др).

Таким образом, старые меньшевистско-каутскианские антисоциалистические и антиленинские идейки о том, что «синтез» социализма и демократии якобы не только не был осуществлен, но даже и не был понят В. И. Лениным и ленинизмом, определили и общий смысл псевдотеоретических изысканий современного ревизионизма.

Свой «сценарий» противники ленинизма писали долго и сообщая, менялись авторы и актеры антикоммунистического фарса, вводилась новая аргументация, которой они должны были убедить своих слушателей, но антисоциалистический смысл всей этой демагогической возни оставался и остается прежним — реакционным до конца. Софистически уверяя своих последователей в том, что Энгельс и Ленин были-де «антигуманистами» (они словно не читали проникнутого высоким гуманистическим пафосом раздела о социализме в «Анти-Дюринге»!), буржуазные марксологи и ревизионисты лишь расписываются в собственной теоретической немощи. Остановить поступь истории и помешать торжеству светлых социалистических и коммунистических идеалов свободного человечества им не удастся никогда.

В своих работах В. И. Ленин опирается на все основные положения системы диалектического материализма, сформулированные Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», развивает их далее применительно к условиям новой эпохи.

Как в момент своего появления, так и в наше время, когда учение марксизма-ленинизма овладело сознанием миллионов людей — борцов против капитализма и строителей коммунистического общества, непреходящее значение «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса вполне очевидно. К этому великому произведению обращались, обращаются и будут обращаться как к источнику бессмертных коммунистических идей, вот уже более века победоносно шествующих по планете.

Не приходится поэтому удивляться, что наши противники постоянно делают среди других классических творений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина и «Анти-Дюринг» мишенью для своих враждебных выпадов. Новейший ревизионизм всех оттенков, идя по проторенной дороге своих предшественников — оппортунистов II Интернационала, яростно нападает на Ф. Энгельса. Его обвиняют и в том, что он «искажил» гуманистический характер Марксова учения, и в том, что он «вопреки учению К. Маркса» обосновывает в своей книге материалистическое понимание природы и ее диалектику, и в том, что он развивает диалектико-материалистическую теорию отражения. Ф. Энгельсу, таким образом, ставятся в вину именно его выдающиеся философские заслуги, рожденные в борьбе с мелкобуржуазной идеологией, с идеологическими перевертышами типа Евгения Дюринга.

Перед нами не слишком хитрый, но уже хорошо известный прием: Энгельса хотели бы «очистить» от самого Энгельса, чтобы таким путем низвести его до уровня политических оппортунистов и теоретических пигмеев.

Разного рода фальсификаторы и ревизионистствующие политиканы берут на себя смелость заявлять, будто К. Маркс не разделял воззрений, изложенных в «Анти-Дюринге». Им нет никакого дела до того, что Ф. Энгельс прочел К. Марксу «всю рукопись перед тем, как отдать ее в печать», что десятую главу раздела, посвященную политической экономии, написал сам Маркс (см. 1, 20, 9). Они по-прежнему твердят свое: материалистическое пони-

мание истории в сущности не имеет ничего общего с философским материализмом и называется материалистическим лишь в каком-то условном, отнюдь не философском смысле. Вспомним, что еще М. Адлер, один из ведущих теоретиков-ревизионистов эпохи II Интернационала, писал: «Материалистическое на языке Маркса не означает ничего более, как эмпирическое...» (9, 69). Другие факты подобного рода читатель найдет в некоторых главах настоящей книги, где им дана соответствующая оценка.

Великая заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в том, что они решительно покончили с половинчатостью и непоследовательностью предшествующего материализма, представители которого ограничились лишь материалистическим пониманием природы. Они, выражаясь словами В. И. Ленина, достроили материализм доверху, создали материалистическое понимание процессов и явлений общественной жизни.

По современным нам противники марксизма-ленинизма упрямо и без каких-либо оснований продолжают противопоставлять исторический материализм диалектико-материалистическому пониманию природы, т. е. пытаются лишить материалистическое понимание истории его общепhilosophической, материалистической основы. Суть таких имеющих очевидный антинаучный смысл намерений разгадать нетрудно: исторический материализм без материалистического понимания природы перестает быть материалистическим пониманием истории, а сам термин «материалистический» истолковывается как лишенный философского смысла. В конечном счете с помощью таких софистических приемов совершается, как мы видели, подмена исторического материализма идеалистическим пониманием истории, причем это маскируется общими рассуждениями о том, что Маркс якобы вообще отказался от философии, считая философию исторически изжившим себя способом мышления.

Итак, Маркс уже в который раз снова противопоставляется Энгельсу, на которого возводится обвинение в том, будто он вопреки мнению своего друга возродил философию, впал в материалистическую «метафизику» и тем самым исказил подлинное, чуждое всякому философствованию Марксово учение.

Отвергая диалектико-материалистический фундамент марксистской социологии, противники марксизма преследуют вполне определенную идеологическую задачу:

поставить на место научной концепции объективной закономерности, неизбежности победы социализма абстрактно-идеалистические субъективистские концепции, в том числе «этического» социализма, который в наши дни обычно выступает под флагом «демократического социализма», так называемого социализма «с человеческим лицом» и т. д.

Таково в сущности кредо, например, западногерманского социал-демократического философа А. Шмидта, представителя Франкфуртской школы социальных исследований, разглагольствующего о «метафизических основоположениях позднего Энгельса» (123, 48). «Не абстракция (Abstraktum) материи, а конкретность общественной практики,— заявляет А. Шмидт,— является действительным предметом и исходным пунктом материалистической теории» (там же, 33). Это весьма напоминает философствование А. А. Богданова, который стремился на место материи поставить понятие социально-организованного опыта и, объявляя себя сторонником исторического материализма, третировал философский материализм как старый философский хлам. А. Шмидт, «перелицовывая» на идеалистический лад Маркса, пытается оторвать его теоретические воззрения от воззрений Энгельса. Поэтому-то он и утверждает: «Там, где Энгельс выходит за границы Марксовой концепции отношения природы и общества, он впадает в догматическую метафизику» (там же, 46).

Подобные сентенции являются сдва прикрытым субъективистским вымыслом. Нет и не может быть исторического материализма без материалистического понимания природы! И эту важную истину всесторонне обосновал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге».

Хорошо известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс материалистически переработали диалектику Гегеля и диалектически переработали материализм Фейербаха. Подвергнув критике метафизический материализм во всех его основных разновидностях, основоположники марксизма создали диалектико-материалистическое мировоззрение. Буржуазные критики философии марксизма вот уже сколько времени бьются над тем, чтобы перечеркнуть это великое философское учение и, больше того, изобразить гениальный вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в развитие философии чуть ли не как ретроградное движение. Буржуазные критики пытаются уверить, что материализм и диалектика принципиально несоединимы. Диалектику можно допустить будто бы лишь в сфере мышления или же только

в сфере человеческой деятельности, в отношениях между субъектом и объектом. Словом, никакой диалектики объектов как таковой будто бы не существует, все это «выдумал» Ф. Энгельс.

Таким образом, Маркса снова противопоставляют Энгельсу, но теперь уже в расчете на то, чтобы изобразить Маркса противником материалистической диалектики.

Намерение столкнуть Маркса и Энгельса и развести их, так сказать, в разные стороны — явление далеко не новое. Этим неблагоприятным делом занимались, и безуспешно, буржуазные критики марксизма и ревизионисты еще в начале текущего века. В некоторых главах этой книги читатель найдет необходимые факты. Ныне такой же операцией занялись представители пресловутой «философии практики», попперианцы и некоторые другие буржуазные участники движения «философии науки». Всем этим разношерстным и злонамеренным фальсификаторам марксизма нет дела до того общезвестного обстоятельства, что между К. Марксом и Ф. Энгельсом, при полном единстве их взглядов, существовало определенное «разделение труда». Их исследования взаимно дополняли друг друга. По масштабам своих дарований, по широте кругозора они были достойны друг друга. «После своего друга Карла Маркса... Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире» (2, 2, 5).

Противопоставлять Маркса Энгельсу или Энгельса Марксу — значит извращать все содержание учения марксизма, противоестественно разрывать цельное и единое учение на якобы чужеродные друг другу части.

Как свидетельствует история марксизма, как показывает многолетняя переписка основоположников марксизма, так же как и их совместные труды, не существует каких-либо имеющих принципиальное значение положений Ф. Энгельса, которых не разделял бы К. Маркс, так же, как не было и нет таких положений К. Маркса, которые не принимались бы полностью Ф. Энгельсом как свои собственные.

В. И. Ленин, изобличая противников марксизма, писал: «Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» (там же). В другом, более позднем произведении В. И. Ленин подчеркивал: «Для

правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника *Фридриха Энгельса*» (2, 26, 93). Более того: «Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса» (там же).

Слова В. И. Ленина — величайшего продолжателя теории и дела Маркса, с именем которого связан новый этап развития марксизма, имеют громадное методологическое значение для правильного понимания всего учения марксизма, для нашей успешной борьбы против современной буржуазной идеологии и ревизионизма. Они имеют принципиальное значение для оценки замечательного произведения одного из великих основателей марксизма — «Анти-Дюринга» Фридриха Энгельса.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое.
3. Ленин В. И. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1968.
4. Ленинский сборник, XI. М. — Л., МСМХХХХ.
5. Маркс К., Энгельс Ф. и революционная Россия. М., 1967.
6. Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 4. М., 1974.
7. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
8. О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977.
9. Адлер М. Маркс как мыслитель. М., 1924.
10. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.
11. Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса. История, содержание, методология. М., 1976.
12. Бебель А. Из моей жизни. М., 1963.
13. [Берви В. В. (Флеровский)]. В. В-в. Задача западноевропейской цивилизации и современная Франция. — «Слово», 1879, № 11.
14. Богатов В. В. Фридрих Энгельс и Петр Лавров. — «Вестник МГУ». Серия VIII. Философия, 1970, № 6.
15. Богданов Б. В. Ленинские принципы анализа истории философии. М., 1970.
16. Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М., 1973.
17. Богомолов А. С. Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков. Изд-во МГУ, 1962, гл. 4, § 1.
18. Богомолов А. С., Мельвиль Ю. К., Нарский И. С. Ленинизм и методологические вопросы истории и критики современной буржуазной философии. — «Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки». М., 1970.
19. Бушканец Е. Г. Журнал «Слово» и царские жандармы. — «От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»». Л., 1969.
20. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками, т. II. СПб., 1913.
21. Гарин Э. Хроника итальянской философии XX века (1900—1943). М., 1965.
22. Гегель. Сочинения, т. IX. [Л.], 1932.
23. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. I. М., 1974; т. 2, 1975.
24. Горский Д. П., Нарский И. С. О функциях и структуре диалектической логики как науки. — «Философские науки», 1976, № 1.
25. Евгеньев-Максимов В. и Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930.
26. Енгелс и съвременното научно знание. София, 1971.

27. Жуковский Ю. Карл Маркс и его книга о капитале. — «Вестник Европы», 1877, т. V, кн. 9.
28. [Зибер] Н. З. Берлинские грюндеры и их мошенничества. — «Знание», 1876, № 9.
29. [Зибер] Н. З. Диалектика в ее применении к науке. — «Слово. Научный, литературный и политический журнал». Год второй. СПб., 1879, № 11.
30. Зибер Н. Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале». — «Отечественные записки», 1877, № 11, отд. II.
31. Зибер Н. Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Киев, 1871.
32. [Зибер] Н. И. Экономическая теория Маркса. — «Знание», 1874, № 1; 1876, № 9, 10, 12; 1877, № 2, 4. «Слово», 1878, № 1, 3, 6, 11, 12.
33. Зибер Н. Herrn Eugen Dühring's. Umwälzung der Wissenschaft. Von Friedrich Engels. Leipzig, 1878. — «Критическое обозрение. Журнал научной критики и библиографии в области наук историко-филологических, юридических, экономических и государственных». Редакторы-издатели: Вс. Миллер и М. Ковалевский, 1879, № 15.
34. Ирибаджакс Н. Современные критики марксизма. М., 1962.
35. История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. Отв. ред. М. М. Розенталь. М., 1971.
36. Каблуков Н. Die Arbeiterversicherung gemäss der heutigen Wirtschaftsordnung. Geschichtliche und ökonomische Studien von Lujo Brentano. Leipzig, 1879. — «Критическое обозрение», 1879, № 10.
37. [Кауфман И. И.] К-н И. Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса. — «Вестник Европы», 1872, май.
38. Ковалевский М. Слово. Декабрь 1878. — «Критическое обозрение», 1879, № 1.
39. Козлов А. А. Философия действительности. Киев, 1878.
40. Кузнецов Б. Г. Принципы классической физики. М., 1958.
41. Кузнецов Б. Г. Эволюция картины мира. М., 1961.
42. Ланге Ф. А. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем. СПб., 1907.
43. Лапин Н. И. Молодой Маркс. Изд. 2-е. М., 1976.
44. Ленинская теория отражения и современная наука. Отражение, познание, логика. София, 1973.
45. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 1960.
47. Меринг Ф. История германской социал-демократии, т. 4. М., 1921.
48. Милославский П. А. Типы современной философской мысли в Германии. Казань, 1878.
49. Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений, т. 7. СПб., 1909.
50. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.
51. Николаев В. Was ist Socialismus? Von Gustav Cohn, Professor in Zürich. Berlin, 1878. Fichte, Lassale und der Socialismus, von J. Bona Meyer. Berlin, 1879. — «Критическое обозрение», 1879, № 20.

52. *Ойзерман Т. И.* Главные философские направления. М., 1971.
53. *Ойзерман Т. И.* Проблемы историко-философской науки. М., 1969.
54. *Ойзерман Т. И.* Философия Гегеля как учение о могуществе разума. — «Вопросы философии», 1976, № 9.
55. *Ойзерман Т. И.* Философские направления как предмет исследования. — «Вопросы философии», 1971, № 8.
56. *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. Изд. 2-е. М., 1974.
57. *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения, т. I. М., 1956; т. III, 1957.
58. *Плеханов Г. В.* Сочинения, т. XI. М. — Л., 1928; т. XVIII, 1925.
59. *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. 1883—1894. М., 1959.
60. *Пустарнаков В. Ф.* «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России (Конец XIX — начало XX в.). М., 1974.
61. *Резуль Я. Г. И. И. Зибер.* Библиография. — «Каторга и ссылка». М., 1934, № 8—9.
62. *Реуэль А. Л.* Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956.
63. Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969.
64. [*Самоцветов И. А.*] Политическая экономия настоящего и будущего. Сочинение Бруно Гильдебранда. СПб., 1860. — «Современник», 1864, № 3, отд. II.
65. Современные проблемы теории познания диалектического материализма, т. II. М., 1970.
66. *Соколов В. В.* Философия Спинозы и современность. Изд-во МГУ, 1964.
67. Социальная философия Франкфуртской школы. Москва — Прага, 1975.
68. *Стулов П. М. М. М. Ковалевский* о Марксе. — «Вестник Академии наук СССР», 1933, № 3.
69. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. 1. М., 1973.
70. Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса. Публикация М. Л. Лурье и Л. И. Поляпской. — «Красный архив», 1935, т. 4 (LXXI).
71. *Черняк В. С.* Оборачивание метода и диалектика развития знания. — «Вопросы философии», 1975, № 8.
72. *Шелгунов Н. В.* Рабочий пролетариат в Англии и во Франции. — «Современник», 1861, № 9—11.
73. *Штилер Г.* Фридрих Энгельс и немецкая идеалистическая философия (Кант и Гегель). — «Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма». М., 1971.
74. *Шульгин В.* Энгельс в русской легальной печати в 40—70-х годах. — «Исторический журнал», 1940, № 8.
75. *Шульгин В. Н.* «Анти-Дюринг» в России 70-х годов. — «Звенья», VIII. М., 1950.
76. Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971.
77. Энгельс — теоретик. М., 1970.
78. *Яновская С.* О математических рукописях К. Маркса. — «Под знаменем марксизма», 1933, № 1.

79. Яновская С. А. Проблемы введения и исключения абстрактный более высоких (чем первый) порядков. — «Проблема знака и значения». М., 1969.
80. Adler M. Marx als Denker. Wien, 1921.
81. Adorno Th. W. Negative Dialektik. F. am M., 1966.
82. Aron R. Marxismes imaginaires. D'une sainte famille à l'autre. Paris, 1970.
83. Bauer O. Das Weltbild des Kapitalismus. Der lebendige Marxismus. Wien, 1918.
84. Bochenski I. Der Sovjet-russische dialektische Materialismus (Diamat). 4. Auflage. Bern und München, 1962.
85. Brentano L. Die Lehre von den Lohnsteigerungen mit besonderer Rücksicht auf die englischen Wirtschaftslehrer. — «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 16, Jena, 1871.
86. Dühring E. Capital und Arbeit. Berlin, 1865.
87. Dühring E. Carey's Umwälzung der Volkswirtschaftslehre und Socialwissenschaft. München, 1865.
88. Dühring E. Cursus der Philosophie als streng wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung. Leipzig, 1875.
89. Dühring E. Der Ersatz der Religion durch Vollkommenes und die Ausscheidung alles Judenthums durch den modernen Völkergeist. Karlsruhe und Leipzig, 1883.
90. Dühring E. Die Grössen der modernen Literatur populär und kritisch nach neuen Gesichtspunkten dargestellt. Leipzig, 1893.
91. Dühring E. Die Judenfrage als Rassen-, Sitten- und Culturfrage. Karlsruhe, 1881.
92. Dühring E. Kritische Geschichte der allgemeinen Principien der Mechanik. 2. Aufl. Leipzig, 1877.
93. Dühring E. Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus. Berlin, 1875.
94. Dühring E. Kritische Grundlegung der Volkswirtschaftslehre. Berlin, 1866.
95. Dühring E. Marx, Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. 1. Band, Hamburg, 1867. — «Ergänzungsblätter zur Kenntniß der Gegenwart», Bd. 3, H. 3, Hildburghausen, 1868.
96. Dühring E. Sache, Leben und Feinde. Karlsruhe, 1882.
97. Dühring E. Die Veberschätzung Lessings. Karlsruhe, 1881.
98. Fetscher J. Vor der Philosophie des Proletariats zur Proletarischen Weltanschauung. — «Marxismusstudien», 2. Folge. Tübingen, 1957.
99. Feyerabend P. Against Method. An Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. London, 1975.
100. Feyerabend P. K. Die Wissenschaften in einer freien Gesellschaft. — «Wissenschaftskrise und Wissenschaftskritik», Basel—Stuttgart, 1974.
101. Gerlach E. Vorwort. — «Karl Korsch. Marxismus und Philosophie». Wien, 1966.
102. Gilson E. God and Philosophy. New Haven, 1967.
103. Habermas J. Theorie und Praxis. Neuwied am Rhein und Berlin, 1963.
104. Hartmann N. Zur Grundlegung der Ontologie. Berlin, 1965.
105. Mc Innes N. The Western Marxists. London, 1972.
106. Jacoby J. Das Ziel der Arbeiterbewegung. Berlin, 1870.
107. Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung. Bd. 1, Berlin, 1927,

108. *Klüver J.* Naturwissenschaft und Ideologie. — «Wissenschaftskrise und Wissenschaftskritik». Basel — Stuttgart, 1974.
109. *Kojève A.* Introduction à la lecture de Hegel. Paris, 1947.
110. *Korsch K.* Marxismus und Philosophie. Wien, 1966.
111. *Kuhn Th. S.* The Structure of Scientific Revolutions. Ed. 2. Chicago, 1970.
112. *Lichtheim G.* On the Interpretation of Marx's Thought. — «Marx and the Western World». London, 1967.
113. *Lukács G.* Geschichte und Klassenbewusstsein. Berlin, 1923.
114. *Marcuse H.* Neue Quellen zur Grundlegung des historischen Materialismus. — «Die Gesellschaft», Berlin, 1932, № 8.
115. *Marcuse H.* Reason and Revolution. Boston, 1960.
116. *Marcuse H.* Soviet Marxism. A Critical Analysis. N. Y., 1961.
117. Philosoph der Arbeiterklasse. Friedrich Engels. 1820—1970. Berlin, 1971.
118. *Prücha M.* Metaphysik und Marxismus. — «Actes des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie» III. Wien, 1969.
119. *Ryle G.* Dilemmas. Cambridge, 1960.
120. *Sartre J.-P.* Critique de la raison dialectique, t. 1. Paris, 1960.
121. *Sartre J.-P.* L'être et le néant. Paris, 1957.
122. *Sartre J.-P.* Situation, III, [Paris], 1949.
123. *Schmidt A.* Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx. F. am M. 1971.
124. *Schmidt A.* Emanzipatorische Sinnlichkeit. Ludwig Feuerbachs anthropologischer Materialismus. München, 1973.
125. *Schmidt A.* Zum Verhältnis von Geschichte und Natur im dialektischen Materialismus. — «Existentialismus und Marxismus». F. am M., 1965.
126. *Schmidt F. W.* Marxistische Erkenntnistheorie. — «Philosophische Rundschau», 1975, Tübingen, 21. Jahrgang, Heft 3—4.
127. *Timpanaro S.* Engels, materialismo, libero arbitrio. — «Quaderni piacentini». Piacenza, 1969, N 39.
128. *Vranicki P.* Engels i filozofija. — «Praxis», 1966, N 1.

Библиографическая справка
(1923—1977)

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе:

Маркс К. Введение к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» — т. 19, с. 245.

Энгельс Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» — т. 19, с. 321.

Энгельс Ф. Предисловия к трем изданиям — т. 20, с. 9—10, 15, 343.

Энгельс Ф. Набросок предисловия к брошюре «Роль насилия в истории» — т. 21, с. 480.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» — т. 22, с. 294—298.

Письма: т. 34, с. 11, 12, 14—18, 23, 24, 28, 30—34, 39, 48, 57, 162, 168, 176, 180, 186, 187, 194, 203—205, 210, 211, 215, 217—219, 221, 234, 241, 245, 254, 257, 296, 333; т. 35, с. 123, 300, 307, 332; т. 36, с. 116, 118, 119, 122, 124, 125, 132, 202, 232—234, 245, 270, 291, 303—305, 307, 308, 322, 323, 345—348, 364, 384, 486—487, 491, 609; т. 37, с. 15, 17, 396; т. 38, с. 457; т. 39, с. 126, 131, 132, 136, 176, 215, 226, 289, 326.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое:

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — т. 1, с. 147, 163—168, 169—175, 181.

Фридрих Энгельс — т. 2, с. 11.

Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса Л. Кугельману — т. 14, с. 373.

Сила и слабость русской революции — т. 15, с. 226.

Об отношении рабочей партии к религии — т. 17, с. 415—417.

Материализм и эмпириокритицизм — т. 18, с. 34—35, 260, 359.

Наши упразднители — т. 20, с. 125—126.

Три источника и три составных части марксизма — т. 23, с. 43.

К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена — т. 23, с. 118.

Август Бебель — т. 23, с. 367.

Карл Маркс — т. 26, с. 51, 86, 93.

Философские тетради — т. 29, с. 428.

Государство и революция — т. 33, с. 17—21, 333.

I Всероссийский съезд по внешкольному образованию — т. 38, с. 353.

Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата — т. 39, с. 281.

О борьбе внутри Итальянской социалистической партии — т. 41, с. 424—425.

Письмо А. М. Горькому от 13. II. 08 — т. 47, с. 138.

Полную справку об «Анти-Дюринге» см. Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина, ч. 2. М., 1970, с. 349.

Агол И. И. Основы марксизма. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. [М.], 1923, 69 с.; 2-е, пер. и расш. изд. [М.], 1925, 186 с.; 3-е изд. М., 1926, 163 с.

Алтымышбаев А. О работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». — «Коммунист». Фрунзе, 1951, № 12, с. 31—41. На кирг. яз.

Багатурия Г. А. Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972. (Об «Анти-Дюринге» см. с. 143—177.)

Багатурия Г. А., Володин А. И. «Анти-Дюринг». — БСЭ, изд 3-е, т. 2, М., 1970, стб. 200—202.

Багатурия Г. А., Володин А. И. «Анти-Дюринг». — «Философская энциклопедия», т. 1. М., 1960, с. 70—72.

Баскин М. П. О книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». М., 1948. Лекция. 16 с. (Веч. ун-т марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б)).

Благогов Д. [Рецензия на книгу «Анти-Дюринг»] В кн.: Благогов Д. Сочинения, т. 13. София, 1960, с. 46—48.

Бобылев В. Великое произведение творческого марксизма. (К 90-летию выхода в свет работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»). — «Коммунист Таджикистана», 1968, № 7, с. 18—22. На тадж. яз.

Брушлинский В. Новое издание «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» Энгельса на немецком языке. М. — Л., 1935. — «Под знаменем марксизма», 1937, № 7, с. 167—173.

Бутко М. В. О книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». — «Ученые записки», т. 1. Сумы, Сумский пед. ин-т, 1941, с. 1—32. На укр. яз.

Демчук П. Зібер та «Анти-Дюринг» Енгельса. — «Войовничий матеріаліст». Харків, 1929, № 1, с. 153—164.

Джугели О. Классическое произведение творческого марксизма (Новое издание «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса). — «Коммунист Грузии». Тбилиси, 1953, № 7, с. 91—99. На груз. яз.

Ильичев Л. Ф. Борьба Ф. Энгельса против агностицизма. — «Вопросы философии», 1970, № 11, с. 16—37.

Ильичев Л. Ф. О произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». М., 1940, 48 с.; 1941, 30 с.; 1952, 76 с.; 1953, 144 с.

Исмагулов З. Выдающееся произведение марксизма (к 85-летию со дня выхода в свет работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»). — «Коммунист Казахстана», 1963, № 7, с. 72—75. На казах. яз.

История политических учений. Под ред. С. Ф. Кекекьяна и Г. И. Федькина. М., 1955. Вопросы государства и права в трудах Энгельса «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах...», с. 580—587.

История философии, т. III. М., 1959. Дальнейшее развитие диалектического материализма в философских работах Ф. Энгельса. Значение трудов Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах...», с. 183—205.

Каммари М. Д. Гениальное произведение марксизма (К 60-летию первого издания «Анти-Дюринга»). — «Большевик», 1938, № 16, с. 84—90.

Каммари М. Д. Новое издание книги Энгельса «Анти-Дюринг». — «Большевик», 1946, № 20, с. 48—55.

Карим А. «Анти-Дюринг», его значение и актуальность для идеологической борьбы в арабских странах. В кн.: Фридрих Энгельс — мыслитель и революционер. Прага, 1970, с. 183—188; а также в журнале «Проблемы мира и социализма», 1970, № 9, с. 66—68.

Кедров Б. М. Как работал Ф. Энгельс над диалектикой естествознания. М., «Знание», 1969, 64 с.

Кедров Б. М. Фридрих Энгельс. Развитие его взглядов на диалектику естествознания. М., 1970. Гл. 3. Систематическое исследование диалектики естествознания. Первая половина лондонского периода (70-е — начало 80-х годов), с. 50—118.

Козодоев И. И. Структура «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса и ее методологическое значение. Хабаровск, 1971, 31 с. Хабар. ВПШ.

Константинов Ф. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. — «Исторический журнал», 1940, № 9, с. 1—10.

Краткий очерк истории философии. Под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. Изд. 3-е. М., 1975, с. 448—475.

Леонтьев Л. А. Роль Ф. Энгельса в формировании и развитии марксистской политической экономии. М., 1972. Гл. 6. Энциклопедия марксистских знаний, с. 153—183.

Леонтьев Л. А. Энгельс и экономическое учение марксизма. М., 1965. Гл. V. «Анти-Дюринг», с. 157—200.

Львов В. Е. Энгельс и физика. — «Новый мир», 1935, № 9, с. 226—237.

Макаров А. Д. О произведении Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг». М., 1949, 40 с.; 1950, 40 с.; 1951, 40 с.; 1953, 63 с.

Момджян Х. Мощное оружие в борьбе за революционный марксизм. — «Коммунист», 1958, № 10, с. 22—34.

Наан Г. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса на эстонском языке. — «Большевик Эстонии», 1951, № 13, с. 10—24. На эст. яз.

Нарский И. С. Проблемы теории познания и логики в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса. — «Философские науки», 1976, № 5, с. 55—64.

Нарский И. С. Развитие марксистской философии в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса. [М.] 1958, 29 с.

Ниввинс И. Энциклопедия научного мировоззрения. К 90-летию работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». — «Проблемы мира и социализма». Прага, 1968, № 12, с. 88—94.

Ошавков Ж. Философское содержание «Анти-Дюринга». — «Философска мисъл», 1947, № 2, с. 141—153.

Познер В. Энгельс в борьбе против Дюринга и дюрингианцев. — «Под знаменем марксизма», 1940, № 11, с. 108—124.

Прейс И. О новом издании книги Энгельса «Анти-Дюринг». — «Под знаменем марксизма», 1939, № 2, с. 194—204.

Справочный материал к «Анти-Дюрингу». — «В помощь марксистско-ленинскому образованию», 1940, № 11—12, 14, 20; 1941, № 1—5, 9.

Сюсюкалов Б. И. В помощь изучающим книгу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (Вопросы философии и научного коммунизма). М., 1965. 111 с.

Трегьяков Н. Ф. Некоторые проблемы теории личности в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» и современность. — В кн.: Некоторые вопросы марксистско-ленинской теории и истории КПСС. Томск, 1974, с. 51—65.

Ульман Г. С. К истории создания классического труда Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». — «Вопросы философии», 1952, № 6, с. 144—151.

Чагин Б. А. Создание и развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного коммунизма. Л., 1970. Гл. 4. Обоснование и развитие Энгельсом теории научного социализма в работах «Анти-Дюринг» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства», с. 213—235.

Шульгин В. «Анти-Дюринг» в России 70-х годов (Из истории философской мысли в России). — «Звенья», VIII. М., 1950, с. 594—625.

Шульгин В. Энгельс в русской легальной печати в 40—70-х годах. — «Исторический журнал», 1940, № 8, с. 25—32.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Исторические условия и причины появления книги. — В кн.: Как изучать философские труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Метод. пособие. М., 1969, с. 20—52.

Энгельс — теоретик. М., 1970, 455 с.

Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971, 567 с.

Фридрих Энгельс. Биография. Изд. 2-е. М., 1977, с. 344—359.

Юдин П. Ф. Великое творение (о работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»). — «Под знаменем марксизма», 1935, № 5, с. 60—77.

Юдин П. Ф. Классические произведения марксистского философского материализма. М., 1939, с. 57—85.

Юрова И. Л. Работа Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». М., 1960, 48 с.

Юсифзаде Г. О произведении Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». [К изданию труда на азербайджанском языке.] — «Пропагандист». Баку, 1954, № 2, с. 51—71. На азерб. яз.

Adam I. O aramă puternică în lupta împotriva revizionismului. 80 ani de la apariția lucrării lui F. Engels «Anti-Dühring». — «Probleme economice». București, 1958, N 7, p. 25—36. Рез. на рус., англ. и франц. яз.

Anghel S. 75 de ani dela apariția genialei opere a lui F. Engels «Anti-Dühring». — «Lupta de clasă». București, 1953, N 7, p. 45—64.

Arana L. [Рецензия на книгу:] Federico Engels: «Anti-Dühring». — «Cuba Socialista». La Habana, 1963, oct., N 26, p. 134—142.

Bartoš J. Polemický kontakt Engelse s Dühringem a vznik kapitola o dialektice v «Anti-Dühringu». — «Filosofický časopis». Praha, 1968, N 6, s. 825—834.

Bauermann R., Jahn W. «Anti-Dühring» — eine Enzyklopädie des Marxismus. (Wissenschaftlich, parteilich, streithar — 100 Jahre «Anti-Dühring»). — «Einheit». Berlin, 1977, N 5, S. 590—598.

Bernal J. D. Engels and science. — «The Labour Monthly». London, 1935, vol. 17, N 8, p. 506—513.

Bottigelli E. Avertissement. Février, 1949. In: Engels F. Anti-Dühring. Réd. de Georges Cogniot. Paris, 1950, p. 7—32.

Bottigelli E. Tous les Dühring ne sont pas morts. — «La Nouvelle critique». Paris, 1949, N 7, p. 48—56.

Bottigelli E. Sur l'Anti-Dühring. — «La Pensée». Paris, 1971, N 158, p. 22—39.

Cogniot G. Une nouvelle édition de «l'Anti-Dühring» de Friedrich Engels. — «Cahiers du communisme». Paris, 1950, N 9, p. 74—83.

Cole G. D. H. Socialist thought. Marxism and anarchism. 1850—1890. London, Macmillan, New York, 1954. (A History of socialist thought. Vol. II) Marx and Engels. Das Kapital and Anti-Dühring, p. 267—314.

Finger O. Die Bedeutung des «Anti-Dühring» für die kommunistische Weltanschauung. In: Engels — Revolutionär und Wissenschaftler. Rundfunkvorträge, Teil 2. Berlin, 1973, S. 29—51.

Kálmán E. Az «Anti-Dühring» története. — «Társadalmi Szemle». Budapest, 1970, old. 70—85.

Kopf E. Engels' «Anti-Dühring» und die bürgerliche Marxismuskritik im 19. Jahrhundert. — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie». Berlin, 1977, N 7, S. 813—831.

Ley H. Dialektische Methodologie und wissenschaftlich-technischer Fortschritt im «Anti-Dühring». — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie». Berlin, 1977, N 7, S. 765—778.

Massera J. L. Una nueva edición del «Anti-Dühring». — «Estudios», Montevideo, 1970, N 56, mayo-junio, p. 107—114.

Roșu T. Un imbold creator. 90 de ani de la apariția cărții lui Engels «Anti-Dühring». — «Lupta de clasă». București, 1967, N 8, p. 34—43.

Schleifstein J. Huomautuksia lukuun «Sosialismi». — «Kommunisti», [Helsinki], 1972, N 10, S. 896—902.

Simony E. Engels a társadalom fejlődésének perspektivájáról az «Anti-Dühring»-ben. — «Emlékezés Engelsre». Budapest, 1971, old. 161—175.

Szántó L. Najväčšie dielo Fridricha Engelsa. — «Pod zástavou socializmu». Bratislava, 1955, N 23, S. 1433—1444.

Theilen F. Über Friedrich Engels Werk: «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft». — «Einheit». Berlin, 1951, N 18, Okt., S. 1388—1396.

Valentin A. «Anti-Dühring» — un model de gândire științifică. — «Lupta de clasă». București, 1968, N 8, p. 30—39.

Vorholzer J. Ein geniales Werk des wissenschaftlichen Sozialismus. — «Einheit». Berlin, 1953, N 6, S. 783—794.

Walter E. J. Die Dialektik in den Naturwissenschaften nach dem «Anti-Dühring». — «Dialectica», 1948, v. 2, N 2, S. 229—239.

- Агасси Дж. 139
 Адлер М. 37, 301
 Адорно Т. В. 28, 29
 Анненков П. В. 10
 Антонович М. А. 255
 Аристотель 20, 216
 Арон Р. 48
 Аррениус С. 80

 Бабёф Г. 248
 Бауэр О. 38, 276
 Бебель А. 8, 11, 17, 22—24
 Беккер И. Ф. 18, 248
 Берви В. В. (Флеровский) 255
 Бергсон А. 217
 Бернштейн Э. 11, 22, 30, 37
 Блох Э. 292
 Бойль Р. 158
 Богданов А. А. 49, 302
 Бона-Майер И. 246
 Бохеньский И. 235, 236
 Бракке В. 8, 11, 12
 Брежнев Л. И. 14
 Брентано Л. 21, 246
 Бунге М. 131
 Бухарин Н. И. 192, 193

 Вейерштрасс К. Т. В. 20
 Вальтейх Ю. 23
 Вейтлинг В. 10, 11, 248
 Виндельбанд В. 218
 Враницкий П. 120, 296

 Гадамер Г. Г. 126
 Гартман Н. 221
 Гартман Э. 26
 Гегель Г. В. Ф. 9, 20, 25—27,
 34, 35, 41, 45, 60, 72, 73,
 76, 78, 88, 89, 93—98, 101,
 118, 124, 125, 143, 144, 147,
 154, 162, 163, 166, 215, 219,
 220, 227, 228, 230, 232, 243,
 244, 247, 248, 250, 277, 280,
 281, 302
 Гераклит 73
 Герцен А. И. 246

 Гильдебранд Б. 248
 Гильфердинг Р. 192

 Даниельсон Н. Ф. 242, 245
 Дарвин Ч. 6, 65, 70, 254
 Дарендорф Р. 197
 Декарт Р. 75, 142, 143
 Дюринг Е. К. 5, 7, 8, 9, 11—13,
 18, 19—32, 56, 62, 89, 92,
 95, 104—108, 110, 111, 113,
 119, 124, 126, 127, 145—
 147, 151, 159, 196, 199,
 202—204, 210, 212, 218—
 221, 226, 227, 229, 240—
 241, 247—261, 300

 Жильсон Э. 221
 Жуковский Ю. Г. 242, 243

 Зенон 223
 Зибер Н. И. 239, 241—266

 Ипполит Ж. 297
 Ирибаджаков Н. 46

 Каблуков Н. 246
 Кабе Э. 248
 Кант И. 9, 72, 143, 144
 Карно С. 136
 Каутский К. 37, 43, 274, 276,
 290, 293, 296
 Кауфман И. И. 244
 Кауфман М. 44
 Кёрнер Ст. 160
 Ковалевский М. М. 245, 246
 Кожев А. 53
 Козлов А. А. 258
 Кон Г. 246
 Конт О. 9, 79
 Коперник Н. 67, 68
 Корш К. 292—294, 296, 297
 Кроче Б. 47
 Куаин У. 160
 Кугельман Л. 19, 20
 Куммер Э. Э. 20
 Кун Т. 139, 155—157

Кэри Г. Ч. 21, 26
Кювье Ж. 254

Лавров П. Л. 240, 255
Лавуазье А. Л. 68
Лакатош И. 139, 155, 156
Ланге Ф. А. 246, 247
Лассаль Ф. 8, 24, 247
Ленин В. И. 4, 5, 12, 13, 14,
16, 33, 42, 43, 47, 49,
50, 63, 73, 76, 85, 87,
117, 118, 126, 127, 128,
141, 149, 153—155, 157,
169, 170, 180, 182, 192—
194, 198, 205, 206, 209, 211,
214, 218, 229, 232, 239,
267—299, 303, 304

Либкнехт В. 8, 11, 18, 22—24
Лихтгейм Дж. 42

Лопатин Г. А. 240
Лукач Г. 14, 292, 294, 295—
298

Люксембург Р. 193

Майер Р. 65
Маркс К. 5—304
Маркузе Г. 41, 292, 297
Меринг Ф. 12, 17, 274, 275
Мерло-Понти М. 14
Милль Д. С. 253
Милославский П. А. 258
Михайловский Н. К. 242, 258
Мост И. 11, 22, 25

Николаев В. 246

Окен Л. 229
Оуэн Р. 177, 248

Паннекук А. 293
Пленге И. 47
Плеханов Г. В. 225, 268, 274,
275—278, 287, 288
Полэни М. 155
Поппер К. 155
Пруха М. 50, 51—53
Птолемей 67

Райл Г. 223
Руссо Ж. Ж. 251

Самоцветов И. А. 248
Сартр Ж. П. 14, 44, 45, 126,
221, 292, 294, 297
Сен-Симон К. А. 177
Смирнов В. Н. 239
Соколов В. В. 234
Страуд Б. 160

Тимпанаро С. 48
Топпич Э. 126
Тренделенбург Ф. А. 20
Тулмин С. 139

Фейерабенд П. 126, 131—132,
139, 155

Фейербах Л. 34, 41, 45, 215,
302

Ферьер Дж. 141
Фетчер И. 14, 126
Фрицше Ф. В. 22
Фромм Э. 292
Фурье Ш. 177

Хабермас Ю. 269
Хёхберг К. 30, 31
Хоркхаймер М. 28

Чернышевский Н. Г. 248

Швани Т. 65
Шелгунов П. В. 248
Шеллинг Ф. В. И. 215
Шеффле А. Э. Ф. 246
Шлейден М. Я. 65
Шмидт А. 36, 37, 126, 298, 302
Шмидт Ф. 131
Шопенгауэр А. 25, 26
Шрамм К. А. 30
Шульгин В. Н. 239
Шулятиков В. 38

Эйнштейн А. 76
Энгельс Ф. 3—304

Якоби И. 24, 25
Ярошенко Л. 193

Оглавление

Введение

5

1

Глава первая

Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против дюрингианства

16

Глава вторая

Ф. Энгельс и новейшие ниспровергатели диалектического материализма

33

2

Глава третья

Философия марксизма и теоретические проблемы естествознания

56

Глава четвертая

Общие проблемы материалистической диалектики как логики

87

Глава пятая

Материалистическая диалектика как теория познания

120

Глава шестая

Проблемы диалектики как метода познания

141

Глава седьмая

Исторический материализм — философская основа научного коммунизма

161

Глава восьмая

Ф. Энгельс о предмете политической экономии и современный опыт социалистического строительства

191

3

Глава девятая

Ф. Энгельс и методологические вопросы истории философии
214

Глава десятая

Идеи «Анти-Дюринга» на страницах русских журналов (1879 год)
239

Глава одиннадцатая

Развитие В. И. Лениным философских идей «Анти-Дюринга»
и современная идеологическая борьба
267

Заключение

300

Цитируемая литература

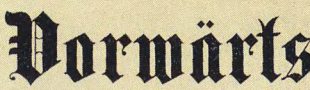
305

Библиографическая справка

310

Указатель имен

315

1877.

und alle früheren Beschäftigten. Auch die verfallene Ver-
sicherung und Alterspension ist in der Regel zu berücksichtigen,
besonders dann, wenn man sie früher nicht richtig erkannt hatte.

[illegible][illegible]

Der Hauptteil der heutigen Gerichtsbarkeit ist in mehr als einer Hinsicht interessant. Der Mann ist hochgebildet

50) Warheit und Glück. (Hannover).
51) Warheit und Glück. (Hannover).
52) Warheit und Glück. (Hannover).
53) Warheit und Glück. (Hannover).
54) Warheit und Glück. (Hannover).
55) Warheit und Glück. (Hannover).
56) Warheit und Glück. (Hannover).
57) Warheit und Glück. (Hannover).
58) Warheit und Glück. (Hannover).
59) Warheit und Glück. (Hannover).
60) Warheit und Glück. (Hannover).

[illegible]

от 3 января 1877 года

Herrn Eugen Dühring's

Umwälzung der Wissenschaft.

Von

Friedrich Engels.

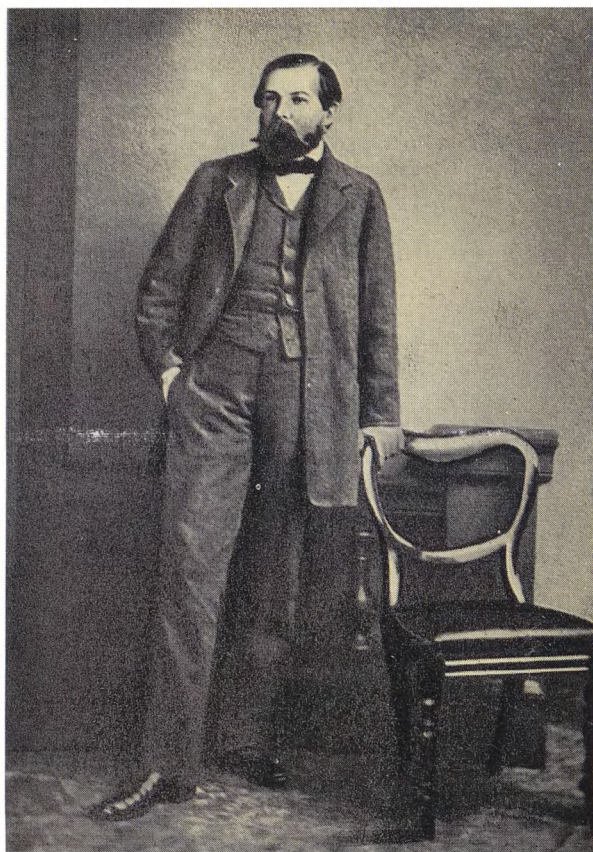
I.

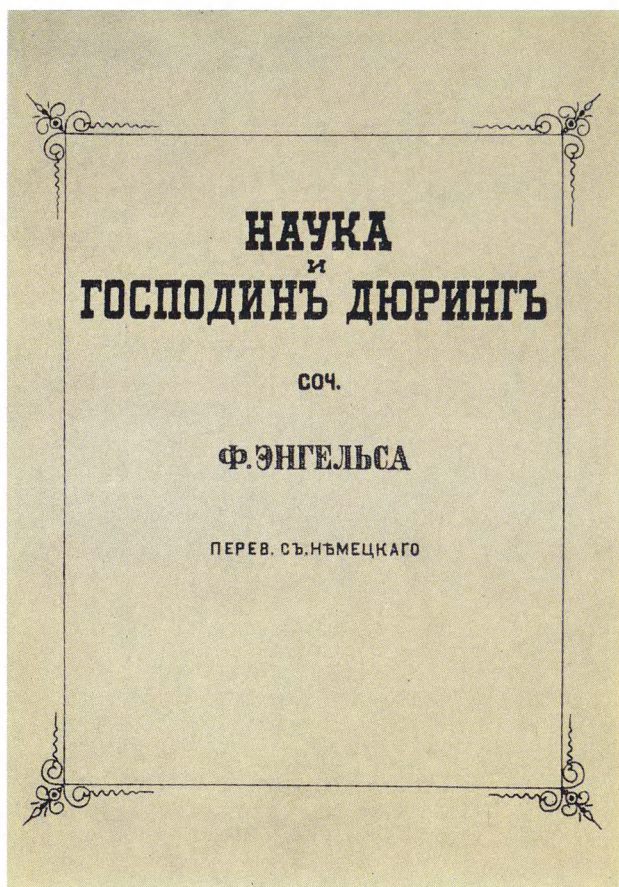
Philosophie.

Leipzig 1877.

Verlag und Verlag der Gewerkschafts-Buchdruckerei.

Титульный лист первого немецкого издания
книги Ф. Энгельса «Переворот в науке,
произведенный г. Евгением Дюрингом».

Обложка русского нелегального издания
книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» [Рига, 1891]

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНОЙ КРИТИКИ И БИБЛЮГРАФІИ

ВЪ ОБЛАСТИ НАУКЪ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ, ЮРИДИЧЕСКИХЪ, ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ

и

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

Типографія О. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82-я.

1879.

ь замѣна
произво-
тъ есте-
ль. Если
идѣ при-
й взглядъ
тинскихъ
матиче-
значенія
іе языки,
сравни-
тельными
въ аван-

ки разби-
юй точки
рнуть въ
внодушно
ь текста;
ь вниманіе
было ска-
мѣчаніяхъ
ымъ реал-
ользѣ на-
го изданія,
го распро-
ано здѣсь
egium, и
немъ то
а считаемъ
Гроссича.

Herrn Eugen Dühring's Umwälzung
der Wissenschaft. Von Friedrich En-
gels. Leipzig. 1878.

Диалектика Гегеля, говоритъ одинъ та-
лантливый русскій публицистъ, — страш-
ный таранъ: она, не смотря на свое дву-
личіе, на прусско-протестантскую кокарду,
улетучивала существующее и ропускала
все жѣшавшее разуму. Въ томъ же при-
близительно смыслъ высказывается отно-
сительно діалектики столь рано умершій
ученый Фридрихъ Альбертъ Ланге. Суще-
ность діалектического метода, читаемъ мы
въ его Arbeiterfrage, состоитъ въ томъ,
что каждому понятію прежде всего противо-
поставляется противоположное ему, и что
тогда изъ борьбы этихъ противоположно-
стей возникаетъ новое понятіе, въ кото-
ромъ противорѣчіе замѣняется высшимъ
единствомъ. Такъ, напр., понятіе «бытія»,
согласно правилу, что при всякомъ понятіи
подразумѣвается также и противоположное
ему, превращается въ понятіе «небытія». То и другое понятія противоположны и не
смотря на то тождественны (равны по суще-
ности), ибо при одномъ постоянно и не-
обходимо подразумѣвается и другое. Діа-
лектическая борьба этихъ понятій ведетъ
къ примиренію въ высшемъ единствѣ въ
«Werden»... Небывалый успѣхъ геге-

Страница из журнала
«Критическое обозрѣніе» 1879 г., № 15,
с началом рецензии Н. И. Зибера
на первое немецкое изданіе
книги Ф. Энгельса «Анти-Дюрингъ»

А72 «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность.
Ред. коллегия: Л. Ф. Ильичев (руководитель) и
др. М., «Мысль», 1978.

318 с.

Настоящий коллективный труд, созданный советскими философами при участии философов Германской Демократической Республики, посвящен 100-летию юбилею книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». В данном труде исследуется философское значение великого произведения одного из основателей марксизма с точки зрения современности. Работа охватывает основные стороны философской проблематики «Анти-Дюринга»: подробно анализируются проблемы материалистической диалектики, вопросы исторического материализма, научного коммунизма, политической экономии и философских проблем естествознания.

В монографии также рассматриваются историко-философская проблематика в книге Энгельса, влияние, которое оказала книга на развитие общественной мысли в России, дается критика буржуазных и ревизионистских фальсификаций идей «Анти-Дюринга».

ИБ № 958

**«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса
и современность**

Заведующая редакцией *З. М. Павлова*

Редактор *Л. В. Литвинова*

Младший редактор *А. В. Антонов*

Оформление художника *Е. В. Ратмировой*

Художественный редактор *С. М. Полесицкая*

Технический редактор *Е. А. Данилова*

Корректор *И. В. Равич-Щербо*

Сдано в набор 16.01.78. Подписано в печать 31.05.78. А 05100. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Обыкн. нов. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 17,32 с вкл. Учетно-издательских листов 18,11 с вкл. Тираж 18 000 экз. Заказ № 1739. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.

